
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий КИРИЛЛОВ. Скрепы или изгой?	3
Александр БЕНДИН. В кривом зеркале белорусского национализма	77
Вячеслав ТЕТЁКИН. «Патриотизм» олигархата	122
Валерий РАСТОРГУЕВ. Тайна, о которой не говорят	130

ПРОЗА

Александр ГРОМОВ. Два рассказа	13
Виталий ЛОЗОВИЧ. Пурга в тундре. Рассказ	89
Артём ПОПОВ. Два рассказа	135
Олег ХРАМОВ. Тётя Маруся. Рассказ	179

ПОЭЗИЯ

Александр ЛАЙКОВ. Привкус горькой полыни. Стихи	71
Диана КАН. На распахнутом настезь просторе. Стихи	111
Юрий МАНАКОВ. Марьиная речка. Стихи	117
Евгений СЕМИЧЕВ. На русском берегу. Стихи	147
Владимир ПОЛУШИН. Твоё ледяное окно... Стихи	151
Стихи поэтов России	203

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Происхождение терроризма в России	155
Михаил БАЛА. Кто всем этим кукловодил?	172

СИМВОЛ ВЕРЫ

Валерий ШАМБАРОВ. За други своя	209
---------------------------------------	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Куликово поле	233
---	-----

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Людмила ВЛАДИМИРОВА. Быть человеком!	237
--	-----

ЛАРЕЦ

Николай ЛЕСКОВ. Человек на часах. Рассказ	248
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий ФИЛИМОНОВ. За ширмой коронавируса	265
Мария МОНОМЕНОВА. Предали свои же	268

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	273
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

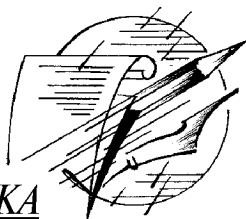
Станислав ЗОТОВ. Последний романтик планеты Земля	281
--	-----

СКРЕПЫ ИЛИ ИЗГОИ?

Около сорока миллионов человек проживает в малых городах России. У большинства из них древняя, своеобразная судьба, связанная с историческими событиями, личностями, прославившими родовые гнезда и Отечество. У каждого свои архитектурные и природные памятники, другие достопримечательности.

Вот город Белый на западе Тверской области. В нем учительствовал в мужской гимназии русский философ В.В. Розанов, здесь он написал знаменитые «Сумерки педагогики». В имении Сливицкое Бельского уезда жил поэт Иннокентий Анненский. В Белом в начале XVII века побывал в составе отряда шотландских добровольцев, служивших польскому королю Сигизмунду, предок Михаила Лермонтова Георг Лермонт. Позже он защищал бельскую крепость уже от поляков.

Вот Весьегонск, уже на востоке области, связанный с именем Н.В. Верещагина — инициатора крестьянского «артельного сыроделания», выросшего в крупнейшее кооперативное движение России. Ближе к центру Калязин, известный разгромив-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

шим поляков в Калязинской битве М. В. Скопин-Шуйским, а также святителем Макарием Калязинским. А вот Кимры, хранящие память об авиаконструкторе А. Н. Туполеве. Старица, где бывали Иван Грозный, Александр Пушкин. Осташков неотделим от имени автора первого российского учебника по математике Л. Ф. Магницкого... Можно перечислять еще и еще: точки на карте, фамилии. Кажется, вся российская история прописалась в наших малых городах, селах, деревнях.

Что влекло сюда дворян, деятелей культуры, писателей, поэтов из изысканных салонов Москвы, Санкт-Петербурга, других крупных городов? *«Хорошо здесь тихим думам»*, — написал Иннокентий Анненский. Но если хорошо тихим думам, то и душе хорошо. Элита того времени не просто погружалась здесь в мир первозданной природы, но и познавала глубины народной жизни, характеры, традиции, без чего реалистичное творчество невозможно. Неспроста рождались в провинциальном уединении значимые произведения русской литературы, живописи, музыки. Но самое важное: провинция родила и дала путевку в жизнь огромной плеяде выдающихся личностей — государственных деятелей, ученых, полководцев, писателей, художников.

В советский период, когда в малые города пришла индустриализация, быстро выросло их население, появились социальные и бытовые удобства. При всем том малые города выгодно отличались от крупных собратьев. Спокойный, размеренный ритм жизни. Человек не подавлялся каменными коробками, потоками транспорта. Школа, детский сад, больница, библиотека и даже дикая природа в шаговой доступности. Часть горожан, особенно на окраинах, держали живность, занимались огородничеством. По сути, малые города стали опорными пунктами сельских территорий, связующими звеньями между, как теперь принято говорить, мегаполисами и деревней и, как следствие, скрепами нашего государства.

Выросший в малом городе, я помню, что повсеместно царил дух созидания, веры в лучшее будущее. По утрам сотни людей растекались на предприятия: промкомбинат, фарфоровый завод, пищекомбинат, известковый завод, леспромхоз, строительные организации, маслозавод. Никто из моих друзей не говорил: *«Хочу стать миллионером»*, *«менеджером»*, *«поп-звездой»*. Престижными считались профессии инженера, учителя, врача, офицера. В почете были высококлассные токари, слесари, кузнецы, водите-

ли, трактористы. Культурная и спортивная жизнь была на высоте. Теперешней молодежи трудно поверить, но в поселке, лишь в 1968 году приобретшем статус города, в первенстве района участвовали 11 футбольных команд, проводились соревнования даже по десятиборью. За билетами на киносеансы в кинотеатр «Двина» выстраивались очереди. На концерты в Дом офицеров приезжали известные артисты.

А еще ощущались искренняя теплота, доверительность в отношениях людей. Старшее поколение летними вечерами собиралось на посиделки. В такие минуты я буквально купался в образной народной речи и музыке. Соседка тетя Лена Богданова, аккомпанируя себе на кантеле, исполняла: «Накинув плащ, с гитарой под полою, к ее окну приник в тиши ночной...» Киномеханик Григорий Сорокин проходил по клавишам гармошки или рассказывал истории о своей суровой молодости. Красавец, преподаватель музыкальной школы Владимир Тимофеевич после работы в окружении девочек гулял по парку с баяном, и над Западной Двиной плыли душевные лирические песни. Мы, дети, ловили в реке окуней, щук, плотву, допоздна резались на пустыре в лапту, городки. Если выдавались государственные праздники, в колонны выстраивался почти весь десяти тысячный город. Духовой оркестр, лозунги, транспаранты, красные знамена.

Скажи кому, что настанет пора, когда исчезнет СССР, и подвергнутся уничтожению промышленные и сельскохозяйственные предприятия, земля превратится в товар, произойдет вопиющее классовое расслоение и повсеместно начнут устанавливаться для контроля над человеком подсматривающие устройства, — это было бы воспринято как несусветная чушь: «Разве для этого мы разгромили фашизм?» Но такая пора, увы, пришла! Безжалостнее всего либералы ударили по малым городам. Они, а также поселки, деревни, издавна были своего рода удерживающими, связующими огромного пространства страны. Неслучайно полтора века назад в письме министру просвещения России С.С. Уварову Ф.И. Пютчев подчеркивал: *«...все, что способствует нашему пространственному сближению, послужит лишь к укреплению подлинного единства и усилению мощности целого»*. Усиление мощности целого в планы либералов не входило. Вместо пространственного сближения они инициировали разруху и разобщение.

Не стану отрицать, при Владимире Путине произошли положительные перемены. Но они не затрагивают всерьез

главного, ключевого, что позволило бы вдохнуть в малые города полнокровную жизнь. Согласно данным экспертов, почти 60 процентов их населения находятся за чертой бедности. 10 процентов малых городов на грани гибели, остальная часть продолжает деградировать, вымирать. Никакие «комфортные припудривания» не могут скрыть этой беды. Как-то в погожий день, остановившись на высоком левом берегу Западной Двины, взглянул я на Андреаполь, основная часть которого расположена по другую сторону реки. Сновали автомобили, а люди? Где они? Людей не было! Ни в «комфортной среде» с аккуратными плиточными дорожками, антивандальными скамейками и десятками светильников, ни на ухоженной с красивой цветочной клумбой площади перед администрацией района (ее возглавляет опытный Н.Н. Баранник), ни на Советской улице.

Прошел дальше, и открылась омертвевшая индустриальная зона от моста через речку Городню до действующего пищекомбината. Повсюду десятки невостребованных производственных зданий, заброшенных домов, которые требуется элементарно сносить. Для этого нужны немалые деньги, но где их взять, если бюджет района, как и других районов области, дотационный? Посему от созданного в последние годы по «национальному проекту» «комфорта» веяло тоскливой немотой. Для кого предназначен он, этот «комфорт» на федеральные деньги? Жителей-то в городе меньше 7 тысяч, а было еще в середине 90-х 10,5 тысяч. Подобная же картина в ближних городах. Население Осташкова в 1989 году 27 401 человек, в 2020 году — 15 384. Торопца, соответственно, 17 510 и 11 826, Нелидова — 30 044 и 18 102, Западной Двины — 11 556 и 7 783.

Не лучше положение в соседней Псковской области: Невель — 22 368 и 14 481, Опочка — 16 130 и 9 495, Себеж — 9 582 и 5 301, Пушкинские Горы — 6 753 и 4 452... Новгородчина вымирает, смоленщина, владимирщина, вологодчина, да вся центральная провинциальная Россия. Согласно обновленной версии плана по достижению национальных целей до 2030 года, население страны уменьшится в 2020 году на 352,5 тысячи человек, а к 2024 году — на 1,2 миллиона. Предыдущая августовская версия документа намечала более оптимистичные цифры. В 2022 году, смешно сказать, прогнозировался рост. Однако и новый план, судя по всему, не реалистичен. Демографический показатель сокращения населения России к концу 2020 года — полмиллиона человек.

Если виновата в этом местная власть, то, на мой взгляд, косвенно. Она, как и жители малых городов, заложница либерального экономического курса. Курс этот складывался под интересы Запада, и при его непосредственном участии создавалась в начале 90-х годов российская «элита». Одну из основополагающих целей для нее обозначил еще в 1974 году Меморандум национальной безопасности Соединенных Штатов: *«Политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США. Следует создать социальные психологические предпосылки для якобы стихийного снижения рождаемости»*. В Меморандуме подчеркивалась важность того, чтобы «эта деятельность» не воспринималась «как политика развитой страны, направленной против этих стран». То есть осуществлялась бы скрытно, под маской заботы власти о народе», что мы в реальности и увидели.

Варварское убийство производственной сферы в малых городах и на селе лишило их возможности для развития и обернулось всеохватным демографическим кризисом. Оно также снизило образовательный и культурный уровень населения. Производства требовали инженеров, механиков, зоотехников, агрономов, короче говоря — трудовую интеллигенцию. А разросшимся, как грибы после дождя, сетевым магазинам нужны были продавщицы, грузчики, водители, охранники. Оскудели специалистами местная медицина и образование. Да, кое-что по инерции держится на подвижниках преклонного возраста, но молодое поколение предпочитает уезжать в большие города. Притягивают перспектива роста и материальный интерес. Что ни говори, в столице учитель получает до 100 тысяч, медсестра — до 50 тысяч, а в малом городе — в четыре-пять раз меньше.

Либеральный курс с его потребительской психологией не мог не привести к перерождению российского чиновничества. Кадры стали подбираться не по профессиональному и нравственному цензу, а для обслуживания этого курса и клановых вертикалей, протянувшихся вплоть до кремлевских верхов. Администрацией президента для выявления «лидеров России» проводятся какие-то потешные конкурсы письменных программ с начислением баллов. Организуются «территории смыслов», за которыми, надо понимать, простирается бессмыслица. Но о том, что главным смыслом подбора кадров должны быть знание народной жизни, практика созидания, умение делать дело, речи не идет. Потому-то и

появляются в ранге высоких профильных руководителей типы, не имеющие профильного образования, не говоря уже о практическом опыте.

Где это видано, чтобы космическими программами руководил журналист? А откуда взялся тот же Михаил Мень, которому было предъявлено обвинение в совершении серьезного коррупционного преступления? Ни с какого бока не годился он в губернаторы, но назначили, затем в министры возвели. Наград государственных, ведомственных, церковных надавали воз и маленькую тележку. Ордена Почета и Дружбы народов, знак отличия «За безупречную службу», три благодарности президента РФ, Знак «Почетный строитель России», медаль П.А. Столыпина первой степени, медаль Министерства транспорта РФ «За строительство транспортных объектов», медаль Министерства сельского хозяйства РФ «За вклад в развитие агропромышленного комплекса России», ордена Преподобного Сергия Радонежского второй и третьей степени, орден Святого благоверного князя Даниила Московского третьей степени... Плюс ко всему он же — почетный доктор Института теологии Белорусского госуниверситета и почетный профессор Московского архитектурного института.

И сколько еще у нас таких деятелей, подрывающих авторитет российской власти! Точнее, она сама его и подрывает. Думается, надо возродить советскую традицию, когда прежде чем занять высокую должность регионального или общероссийского начальника, тот или иной чиновник приобретал опыт работы на районном уровне.

Впрочем, и сейчас есть руководители, подтверждающие правильность поговорки: «Дело человеком ставится». Стал ректором Тверской сельхозакадемии, расположенной в поселке Сахарово, прошедший хорошую крестьянскую школу бывший начальник департамента по развитию села Павел Иванович Мигулев — и в вузе, и поселке повеяло долгожданным возрождением. Восстановлены и пущены в обработку 1500 гектаров принадлежащей академии земли. От выращенного на ней урожая получена неплохая прибыль. Приобретены зерновой комбайн, льняная техника. Налажена работа сушильно-сортировочного пункта. Отремонтированы учебные корпуса, общежития, учебный автопарк. Открыты новая специальность «Ветеринария» (специалитет) и два новых направления — «Ветеринарно-санитарная экспертиза», «Биотехнологии» (бакалавриат). Организована работа ветеринарной клиники. Установлено сотрудничество с сельхозпредприятиями, где студенты

проходят практику. Обучено более 40 студентов для работы механизаторами.

Знаю и глав муниципалитетов, прекрасно осознающих, чем чревато умирание малых городов, поселков, деревень. К их числу можно отнести главу Калязинского муниципального образования К.Г. Ильина. Не раз доводилось с ним беседовать. По словам Константина Геннадьевича, в современной России на местное самоуправление приходится всего около 3,5 процента бюджета. Для сравнения в Европе — 80 процентов, в Советском Союзе было 50 процентов. Бюджет малых и средних городов России — 2,2 триллиона рублей при минимальной потребности 4,9 триллиона. А местное самоуправление — это не только такие города, это еще и вымирающие, обезлюдившие деревни и села, которые практически забыты. «Проблемы развития малых городов, — говорил Ильин, — никак не могут рассматриваться изолированно от будущего наших деревень. Вопрос должен обсуждаться и решаться в тесной взаимосвязи».

Ильин считает, что централизованное изъятие средств, несоответствие доходных и расходных полномочий муниципалитетов не позволяет им должным образом решать насущные вопросы. Скажем, при уровне вложений, что делается сейчас, на обновление электрических сетей в Тверской области потребуется 700 лет, дорог — 150 лет, коммунальных сетей — более 150 лет. К тому же распределение средств по регионам и муниципальным образованиям очень неравномерное. Возможности бюджета Тверской области отличаются от бюджета, к примеру, соседней с нами Ярославской области. Там не 43, как в Тверской области, а 20 муниципальных образований. Соответственно, шансы на выделение трансфертов, на выравнивание местных бюджетов у них гораздо выше.

Идея местного самоуправления, основанная на самостоятельности, инициативе вновь образованных в соответствии с Федеральным законом органов местного самоуправления поселений и на самоорганизации населения плохо вписывается в концепцию укрепления вертикали власти. Пущенная на «самотек» в ряде районов работа по формированию представительных и исполнительных органов власти муниципальных образований первого уровня (сельских поселений) ни к чему хорошему не привела. «Деlež» власти, некомпетентность многих новых руководителей, их неумение (неспособность) осуществлять свои функции переносят важные вопросы стратегического развития муниципальных образований на второй план.

Одна из проблем — неопределенность и ежегодный пересмотр доходных источников местного самоуправления. Это затрудняет самостоятельное решение вопросов, формирование расходов и доходов собственных бюджетов. У органов местного самоуправления нет объективной заинтересованности для наращивания налогового потенциала, экономии бюджетных средств, создания благоприятного инвестиционного климата, реструктуризации и погашения муниципального долга. Выгоднее быть слабым, дотационным районом и просить финансовой помощи у центра. Тем более что в связи с сокращением перечня налоговых источников местных бюджетов практически все муниципальные образования стали дотационными.

Не только об этом, но и о многом другом болела душа у Константина Ильина. Предложения главы и его коллег нашли отражение в записках в вышестоящие органы власти, в выступлениях Ильина на заседаниях Ассоциации малых и средних городов России, в решениях Международного общественного движения «Русское Собрание», конференции которого регулярно проводятся в Калязине. Константин Геннадьевич возглавляет региональное отделение этой организации. В прошлом году участники 7-й конференции «Российская глубинка: свидание с Русью» направили на имя президента России, Федерального Собрания, Общественной палаты России резолюцию, в которой говорится: *«...российское общество и наше государство до сих пор недостаточно реагируют на происходящее на наших глазах вымирание российской деревни, катастрофическое снижение численности жителей в малых городах и сельских поселениях России... Опасной для будущего страны нам видится ориентация в государственных планах на приоритетное развитие нескольких десятков крупных городских агломераций (мегаполисов)...»*

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что решение части проблем зависит от инициативы на местах. Так, Калязинский район становится базовым для развития льноводства в Тверской области. «Сейчас засеваем этой культурой около тысячи гектаров, но планируем довести площади до 5-6 тысяч гектаров, — рассказывал К.Г. Ильин. — Под эту идею создаем машинно-тракторную станцию, областная администрация выделяет 300 миллионов рублей на приобретение техники». На мой взгляд, создание МТС под конкретные программы, связанные с развитием аграрного сектора, неплохо было бы распространить и на другие районы. Однако для решительных преобразований этого мало. Нужна четкая госу-

дарственная стратегия с куда более значительными федеральными вложениями.

Казалось бы, появился проблеск надежды после того, как председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила о необходимости изменения «Стратегии пространственного развития России до 2025 года». Как подчеркнула В.И. Матвиенко, документ не учитывает особенностей расселения страны по огромной территории и грозит ее «обезлюживанию», что сопряжено с «серьезными геополитическими рисками». Она призвала доработать (переработать) «Стратегию» таким образом, чтобы обеспечить сохранение малых и средних городов, улучшив в них условия жизни, и заметила: *«Опыт ряда государств говорит о том, что научно-технический прогресс, основанные на нем производства, открывают в этом плане новые возможности. Надо их использовать. Да и в целом нельзя не видеть — и пандемия коронавируса это подтверждает, — что следует переосмыслить отношение к урбанизации. Похоже, человечество подошло к черте, когда создаваемые ею экологические, санитарные, социальные и иные проблемы перевешивают плюсы. Так ли неизбежна урбанизация, как нас в последние годы убеждали иные эксперты? Надо ли и далее спокойно взирать на этот процесс, поддерживать его?»*

Никаких Америк В.И. Матвиенко не открыла, но то, что давно понятное, выстраданное внизу прозвучало из высшего эшелона власти, можно было бы приветствовать. Государство — это огромный дом, а любой крестьянин понимает, что дом строится снизу, с фундамента. Но что было после этого? В Государственную думу был внесен и уже принят в первом чтении Закон «О комплексном развитии территорий». Он упрощает снос ветхого жилья, стимулирует реновацию в регионах. В чьих интересах станет работать этот закон? Скорее, в интересах крупного строительного бизнеса и распространится преимущественно на центры регионов. Земля в них дорогая. Снесут хрущевские пятиэтажки, понастроят пятнадцатизэтажных коробок, целые микрорайоны с соответствующей социальной инфраструктурой.

Ничего не имею против сноса ветхого жилья, но закон этот вряд ли конструктивно отразится на малых городах. Они как были, так и останутся изгоями, ибо ощутимой выгоды в них не получишь, строительный бизнес если сюда и пойдет, то неохотно. К тому же по-прежнему не предполагается в малых городах и в деревне новой индустриализации с созданием рабочих мест. Значит, русская провинция продолжит нахо-

даться в депрессивном состоянии. Это особенно опасно в условиях, когда обострился вопрос национального выживания.

Всё более очевидным становится то, что пандемия ковида — спланированная операция мирового глобализма для разрушения суверенных государств, сокращения населения и выведения подвидов покорного «служебного человека». Внутренние противоречия нарастают, усложняется обстановка по внешнему контуру страны. Наши противники усиливают агрессивность на западном и южном направлениях. Нет гарантий, что они не проявят себя и на Востоке. Достоинно противостоять этому возможно только в русле национальной идеологии, опирающейся на традиционные ценности нашего народа и на опыт социализма.

Надо менять экономическую политику и переходить к индустриально-социальному развитию малоэтажной провинциальной России, что позволит скрепить пространство, преодолеть «обезлюживание», уменьшить геополитические риски, сплотить народ перед лицом грядущих опасностей. Но проблема в том, надо ли это российской буржуазной «элите». У нее, как доказано жизнью, в приоритете свои интересы...

г. Андреаполь Тверской обл.

ДВА РАССКАЗА

ЕСЕНИН И ПЕТЯ

1

Хорошие новости несуетны и чаще всего сами собой разумеющиеся, как утреннее «здравствуйте» соседей. Дурные же сродни пожару сухим летом — безжалостны и распространяются мгновенно.

Осенним пасмурным утром, когда сидеть бы дома и грустить, мне сообщили, что Петра Брашникова не стало. Мы не были особо близки, он был из того поколения, что уже переправилось через рубежные «аще семьдесят, аще восемьдесят лет», но вот угас ещё один этот лучик — и таким неуютом и холодом потянуло, что я невольно посмотрел, закрыто ли окно. А за окном начал накрапывать дождь...

Петю, а именно так его все звали, очень любили в писательской среде. Был он человеком открытым, добрым и всепоглощающе влюблённым в русскую литературу, искренне восторгался маломальски пишущим человеком, сам же при этом бумаги не портил. По крайней мере никому никогда руко-

ПРОЗА

писей своих не показывал, о творческих планах речей не заводил и, соответственно, перечислениями своих публикаций не занимался. Всё это делало его особо желанным собеседником. Но главное всё же, что Петя обладал великим даром любви. Он готов был помогать, выручать, спасать по первому зову. Возникшие проблемы тут же становились его проблемами и, как ни странно, сразу же переставали казаться неразрешимыми. Ещё он был замечательным слушателем: поплачешься такому, и уже легче. А ещё именно Петя чаще всего выступал миротворцем, утишая эмоции и сглаживая углы. В общем, это был тот человек, который неизвестно откуда и как берётся, но всегда в единственном числе, и именно про него говорят: душа коллектива.

А работал Петя библиотекарем на одном из крупных заводов. Как это часто бывает у людей, отдающих себя другим, личная жизнь у Пети не задалась. Жена ушла от него, причём не к другому мужчине, а просто ушла, точнее, уехала в другой город к своей маме. Сын приезжал на зимние каникулы, и это были самые счастливые дни для Пети. И я помню этого высокого стеснительного юношу, очень похожего на отца скуластым лицом, который на каком-то нашем юбилее сидел в уголке и терпеливо ждал, когда отца надо будет вести домой. Сын поступил в военное училище и через несколько лет погиб во время штурма Грозного. А чуть раньше закрыли заводскую библиотеку, в которой работал Петя.

Это было страшное время. Материальное, словно прорвав невидимую плотину, затапливало собой всё живое и душевное, уничтожая то иное, что мешало тучнеть и грабить. Я тогда был молод, и в Союзе писателей относились ко мне как к сыну полка. А меня не покидало чувство, что где-то идёт война, о которой мне, как ещё юному и не достигшему меры возраста, не говорят, а я только принимаю погибших солдат: в то время похороны случались чуть ли не каждый месяц, а то и чаще. Заупокойный сервис тогда ещё не организовался, и скоро я здоровался как со старыми знакомыми с дежурными в морге и кладбищенскими сторожами.

А Петя выжил, хотя тоже ушёл из привычной жизни: продал городскую квартиру, купил дом на берегу Волги и перестал появляться в писательской организации. Собственно, той организации, какую он знал, уже не было, да и никакой привычной жизни не осталось. Впрочем, совсем порывать с литературой бывший библиотекарь не собирался: дом он купил в селе Ширяево, где родился поэт Александр Ширяевец, которого Есенин считал близким другом и на смерть которого написал: «Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где

тишь и благодать...» Хотя само село было больше известно не этим: экскурсоводы обычно начинают рассказ с того, что в 1870 году три молодых художника и один музыкант отправились вниз от Нижнего Новгорода по Волге в поисках природы для пейзажей. И когда доплыли до Ширяево, дружно ахнули от увиденной красоты, сошли на берег, сняли дом и прожили в нём несколько месяцев. Именно здесь-то и состоялись первые наброски репинских «Бурлаков».

Теперь в доме, где жили художники, музей. А на соседней улице стоит домик, где родился Ширяевец. И там тоже — музей. Объединяет же эти два скромных домика каменная усадьба купца Вдовина, где разместили набранные в округе экспонаты и, если что, можно было испить чаю.

Но главное в Ширяево — всё-таки красота и простор. Жигулёвские горы в этом месте раздвигаются и, словно великан большими руками, укрывают низинку с небольшим озерцом и сотней домов. А какая тут Волга! Какая даль открывается за ней! И только удивляешься, когда переведёшь дух: дал же Господь людям пребывать в этой радости... Но это, пожалуй, лишь приезжие и замечают.

Вот и писатели любили сюда приезжать. И так повелось, что в начале октября в Ширяево писатели стали собираться на Есенинские чтения. Поначалу это были небольшие группы, читали стихи, пили чай в усадьбе, любовались окрестностями, вдохновлялись, одним словом. К тому же по Волге тогда ещё ходили всякие «Ракеты» и «Метеоры», и уже само полуторачасовое плавание по реке было праздником. Традиция стала укрепляться, послушать поэтов стал собираться окрестный народ, власть решила возглавить это дело, и в восьмидесятые годы прошлого, уже двадцатого века Есенинские чтения заняли прочное место в планах областной культуры. Людей привозили сюда на автобусах из городов, организовывали даже специальные речные маршруты, в самом Ширяево ставили сцену, а на улицу выносили столы с пирогами и самоварами. Вот за этими пирогами мы и выпросили себе на голову демократию. Доллар и интернет решительно взяли за дело, и стало не до Есенина.

Писатели, однако, ездить в начале октября в Ширяево не прекратили. Добираться уже приходилось на перекладных машинах, так как ракеты-метеоры ходить перестали, а такие путешествия старейшинам нашего писательского цеха становились не под силу. Иногда нас приезжало всего только двое-трое, но на уровне подсознания мы понимали: один раз не приедем — всё, ещё одна духовная ниточка, удерживающая мир, оборвётся. Музейные работники тоже оберегали

этот день. Приводили детей из школы, собирали сельчан, в общем, держались, как могли.

Вот в это село и перебрался Петя. В музее он сразу стал своим человеком и хотя официально никаких должностей не занимал, но все считали, что он там работает. Он помогал по хозяйству, подлатывал, подчинивал, мог остаться сторожить, мог экскурсию провести, словно в его облике ангел-хранитель перешёл от нашей организации в музей. Или просто бойца перевели на то место, где он в данный момент нужнее.

Во время поездок в Ширяево я ближе познакомился с этим удивительным человеком. Больше всего поражало его желание помочь. И видно было, что такая забота для него не приращение, не привычка, а искренняя радость. Откуда берутся такие люди? Можно, конечно (да и нужно), желать быть таким каждому, но вот стать... Это уже не в нашей воле. Почему, Господи, не все люди такие? Или тогда мы бы разучились ценить эту блаженную радость попечения о ближнем

2

Я набрал телефонный номер.

— Привет, — бодро отозвался голос с другого конца города. — Ты как? Едешь? — И эта бодрость, показалось мне, пробивается совсем из другого мира, где нет дождя, нет чувства гибели, где нет и не может быть Пети, который хочет всех спасти.

— Слушай, я что-то неважно себя чувствую... Может, вы там без меня обойдётесь?

— Да ты что! — и дальше из трубки пролился бурный поток слов, призванный убедить меня в том, что я непременно должен влиться в ряды бодрячков, а мне от этих не отпускающих слов становилось только хуже.

— Я и правда неважно себя чувствую, — повторил я.

Видимо, голос мой настолько не вписывался в бодрую картину мира, что на том конце задумались.

— Ну, а ты вообще — как, не отказываешься от проекта? На тебя можно рассчитывать?

Мир не отпускал.

— Можно, только мне немного оклематься надо.

— Хорошо, ты нам нужен живым. Лечись. Я завтра перезвоню.

Да ладно, так уж я им и в самом деле нужен! Могут сегодня без меня обойтись, смогут и завтра. И послезавтра. И ничего не изменится. Я набрал ещё один номер.

— Простите, что-то я приболел.

— Да, — посочувствовали там, — сейчас многие болеют. Погода...

— Я обязательно сделаю, что обещал, только попозже, — заверил я.

— Хорошо. Выздоровливайте, — и показалось, что позавидовали мне.

Я понимал, что сейчас, пытаюсь разорвать ниточки, только их временно ослабляю и в результате ещё больше затягиваю петли, но так захотелось паузы... Сделал ещё пару звонков и достал турку.

Через десять минут я сидел в кресле и, деля небольшие глотки медленно остывающего кофе, блаженствовал...

3

Последний раз я ездил в Ширияево лет пять назад. Помнится, хаос в стране тогда стал обретать некие очертания и поддаваться логике, а стало быть, переставал быть хаосом. Путина недавно избрали на второй срок, и забытое чувство стабильности нет-нет да и поскуливало, как собака у кастриюли с наваристым бульоном. Мы, наивные, даже сочинили программу развития литературы... Поспел октябрь, пора было ехать в Ширияево и проводить Есенинские чтения, что мне и было поручено писательской организацией. Мне вменялось купить билеты туда-обратно, перед посадкой пересчитать вверенных на моё попечение писателей, отвечать за мирное их настроение и не забыть открыть и закрыть мероприятие. Не помню, откуда взялись деньги на поездку, но их как раз хватило на билеты для трёх человек и бутылку водки.

Бессменным участником Есенинских чтений был профессор нашего университета Павел Вениаминович Костылев, человек, жизнь положивший за Есенина. Иногда казалось, что он знает о Есенине больше, чем тот сам мог предположить. Профессора ценили в столицах, он привлекался к работе над академическими изданиями, сам издал несколько книг, одна из которых разошлась приличным по нашим меркам тиражом и пару раз переиздавалась. В нашей провинции он был сравним, ну, если не с богом литературоведения, то с его ангелами. Естественно, и об окружении Есенина он знал всё, а Есенинские чтения держались благодаря его подвижничеству. В былые годы он возил в Ширияево студенческие группы, но после выхода на пенсию, когда он стал заштатным профессором, ресурс этот иссяк. Зато теперь ничто не мешало Костылеву заниматься исключительно Есениным, и все эти маяковские, ивановы, ахматовы, пастернаки существовали постольку, поскольку они знали Серёжу и были причастны к его судьбе. Любовь к Есенину всё более обрета-

ла черты устоявшегося брака свикшихся друг с другом супругов, но разве это может мешать счастью?

Третьим согласился составить компанию набравший тогда силу и всероссийский авторитет поэт Миша Слепцов. Он рифмовал себя с Рубцовым, получил всероссийскую премию, в Москве удачно засветился на нескольких вечерах, послал, причём в стихотворной форме, кое-куда одного депутата Госдумы, подрался с известным тележурналистом, разбив при этом себе нос и залив любопытствующих кровью, попался как-то на глаза Евтушенко и теперь настойчиво тянул своё поэтическое древо к есенинским корням, грамотно выстраивая (а точнее — подстраивая) свою литературную биографию. В настоящее время Слепцов обретается в Москве, издаёт книги, сам уже пестует молодые таланты, дружит с депутатами, время от времени мелькает на экране. При этом продолжает изо всех сил поддерживать народное представление о том, что гений обязательно должен быть пьяницей и скандалистом. И народ ответно платит ему восхищением.

4

Так вот, было яркое и ветренное осеннее утро, когда наша троица собралась на причале речного вокзала. На Волге вздымались буруны, и казалось, что река течёт вспять. Миша в пёстром то ли пальтишке, то ли длинном пиджаке с надвинутой на глаза кепкой стоял, нахохлившись, у мостков дебаркадера, курил и досадливо сплёвывал в Волгу.

— Выпить есть? — спросил он, когда я протянул ему руку.

— Лапсердак-то у Юдашкина, поди, покупал? — ответил я на приветствие.

— Ну, хватит, — обиженно протянул Миша и стал ещё больше похож на мелкую птичку.

Подошёл профессор, поздоровавшись, потёр одна о другую руки и поёжился:

— А говорили, дождь будет... — и столько разочарования было в его голосе, что невольно мелькнуло в голове: «Ну и денёк начался...»

— Будет ещё, — утешил Миша. — Когда пускать-то начнут? Околеем тут.

Это уже была претензия ко мне как старшему группы: успех всегда общий, вина — на начальстве. Хотя чаще бывает наоборот.

— Павел Вениаминович, а чего вы студентов не взяли? — спросил я.

Профессор грустно посмотрел в мою сторону, какое-то время соображая, зачем я задал столь дурацкий вопрос, и, так и не поняв, отмахнулся:

— Да ну тебя, какие студенты... — И стал смотреть на дальний берег Волги, который под ярким солнцем казался счастливым и радостным.

За пять минут до отплытия начали толкать трап к небольшому катеру, и он по-стариковски заскрипел и заохал. Народ засуетился, у выхода тут же образовалась давка, и трап теперь не скрипел, а ухал и возмущался, грозя вот-вот опрокинуть толпу. Но граждане, бранясь и балансируя, по одному пробирались на палубу, а затем, попадая внутрь катера, словно оказывались в другом мире, где не было ветра, а только солнце заливало пространство — и от этого сразу становилось тепло и радостно.

Миша расстегнул плащ-пиджак, бросил кепку на столик и, откинувшись на спинку сидения, прикрыл глаза: может, стихи сочинял, может, просто делал вид, что сочиняет, и не хотел, чтоб к нему приставали. Павел Вениаминович полушёпотом рассказывал о том, что находится на грани очередного открытия: ему удалось найти документы про какой-то подвал в Москве, в котором несколько раз бывал Есенин, а этот адрес до сих пор не известен столичным литературоведам. Я любовался проплывающим за окном городом.

Почему я люблю Самару? Могу объяснить, почему люблю Москву с её затейливыми кривоколенными улочками, на которых так хорошо теряться во времени и пространстве, стоит лишь сделать шаг в сторону от шумных проспектов, и, конечно, люблю за само завораживающее ожидание этого шага из одного мира в другой; я люблю Питер с качающимся на водной глади каналов месяцем и не стесняющимся своей мощи Невским; люблю Париж с его беспечной атмосферой каникул; люблю Уранополис с ресторанчиками у древней башни и отъезжающим на Афон паромом; люблю Пинск, в котором родилась моя жена; я много чего ещё люблю на земле и могу сказать за что, но почему я люблю Самару.. Я много слышал восторженных слов, когда водил гостей по старым улочкам города и новым проспектам, когда оказывался с ними на набережной или Вертолётной площадке; я ловил эти слова, надеясь, что взгляд со стороны поможет объяснить мою любовь. Но всё это было не то. Наверное, это и есть настоящая любовь, когда не знаешь — за что...

— Неужели никто не заглядывал в эти архивы? — отвлёкся я от города, чувствуя, что моё долгое молчание становится невежливым.

— В том-то и дело! — воскликнул профессор и снова перешёл на полушёпот.

— Скажите, — снова прервал я его монолог через некоторое время, — а почему вы решили, что будет дождь?

— А? — растерялся сбитый с рассказа профессор. — Так передавали же...

— Вот ведь понастроили! — буркнул Миша.

Мы как раз проплывали мимо новеньких дач, больше похожих на выставочный комплекс разномастных дворцов. Профессор мельком глянул в окно и согласился:

— Да уж, да уж...

— Зато какая у нас богатая страна, — мне всё-таки не хотелось терять солнечного настроения и коснувшейся сердца любви. — Воруют, воруют, а всё никак не кончится.

— Да уж... — снова поддержал профессор и повернулся ко мне: — Так вот, эти тетради никто не читал! Я провёл в Ленинке безвылазно почти две недели...

Наконец мы стали разворачиваться, за окном поднялись Жигулёвские горы. Н-да, это, я вам скажу, покрасивее Самары со всеми дворцами вместе взятыми. Но ведь не за красоту же любим? Тогда — за что ?..

5

На пристани нас встречали двое — сотрудница музея Ольга и Петя. Оля зябко сжимала руки и пыталась укрыть своё пышное тело в маленькой курточке, из-под которой, как пламя, выбивалась красная юбка. Казалось, вот-вот — и Оля взлетит куда-нибудь в космос, и дрожит она вовсе не от холода, а от этой уготованной ей впереди неизвестности. Петя же в бушлате охранника и высоких кирзовых сапогах, как всегда, улыбался и двумя руками схватывал и жал руку каждого из нас троих, так что сразу становилось теплее.

До музея идти минут двадцать. Впереди шла Оля и, продолжая прятаться в куртку, рассказывала о достижениях, результатах и небольших проблемах, которые коллектив осилил бы, если бы к музею повнимательнее относились власти. Но ветер уносил её слова, да я и не особо вникал. Петя шёл сзади, словно заботливая наседка, прикрывая нашу группу. Миша несколько раз обернулся к Пете, и я подозревал, что спрашивал про водку, но за Петю я был спокоен: он порядок знал и до окончания выступления никаких вольностей ни себе, ни кому-то позволить не мог.

Перед воротами музея мы остановились, ветер, растерявший в переулках силу, больше не досаждал, и на солнышке снова стало тепло и приятно. Миша закурил, а мы ещё раз залюбовались Волгой. Эти буруны, дальний пологий берег, распахивающий ширь пространства, откуда надвигались

грозной силой тучи... А ветер у них, стало быть, в разведке. А тут мы — четыре богатыря. И Оля — как ракета на старте. Эпическая картина. Но местным не до эпоса, они к этому привыкли, и Оля, замёрзшая Оля сказала, что пойдёт ставить чайник, а Петя произнёс:

— Как бы вам не застрячь сегодня...

— В смысле? — насторожился профессор.

— Обложит нас после обеда, — кивнул Петя в сторону тучи.

— Не обложит, — Миша отшвырнул окурок и пошёл в дом.

Я с профессором двинулся за ним, а Петя задержался, посмотрел, не видит ли кто, поднял брошенный окурок и переправил его в стоявшую у ворот урну.

6

К двенадцати часам стал подтягиваться народ: несколько женщин без определённого возраста, все в цветастых платках и тёмных, словно выданных в одной рабочей конторе, пальто. Из местной школы пришли десятка два разновозрастных школьников — все, что имелось на селе. С ними — две учительницы, которые отличались от пришедших ранее женщин отсутствием платков, наличием очков и усталостью, какая бывает в глазах у занимающегося никому не нужным делом человека. Они знали, что из-за некомплектности школы должны закрыть, а не случилось этого перед учебным годом только потому, что почему-то не смогли выделить школьный автобус или он не доехал, застряв где-то в горах. Но в конце концов автобус найдётся, и детей скоро будут возить в райцентр за двадцать километров, а они... Они, наверное, купят такие же цветастые платки и наденут такие же длинные тёмные пальто.

Автобус из детского дома привёз ещё двадцать детей. И, как ни странно, именно детдомовские внесли радостную нотку: для них выезд за стены интерната был настоящим праздником, он давал ощущение нечаянной свободы. Они с интересом рассматривали небогатые экспозиции музея, но больше шумели, шутили и играли.

Трудно выступать перед такой разнообразной аудиторией. Но даже если один человек пришёл — надо. Потому что любое доброе слово — остаётся. Дай Бог, чтобы оно упало на благодатное сердце. А для этого надо самому делать своё дело искренне, только тогда в ответ откроются другие сердца.

И хорошо потекла у нас встреча, душевно. Ну а когда пришёл черёд Миши... Я видел, как светлели лица и блестели глаза, и, что замечательнее всего, одновременно у всех — и у взрослых, и у детей, и у детдомовских, и у сельских... Слово

касается любой души и преображает всякого человека. А у души нет возраста, сословия и звания...

Вот об этом я и сказал в конце встречи.

7

Небольшое застолье музейные работники организовали в одном из служебных помещений. Пока женщины собирали стол, мы вышли во двор, где останавливался с товарищами Репин. На душе было хорошо и покойно — от ответной теплоты слушателей, от их светлых и благодарных глаз, от ощущения, что не зря были сказаны наши слова, да и вообще всё не так безнадежно, как показывают по телевизору, — даст плод доброе семя, обязательно даст. За ним только ухаживать надо.

— А ветра-то нет, — сказал Павел Вениаминович.

— Затишье, — ласково произнёс Петя.

— Я и думаю, отчего так хорошо, — отозвался Миша и уже ко мне: — Ну что, теперь-то выпить можно? Заслужил я или нет, а?

— Заслужил, — благодушно одобрил я предстоящее безобразие.

И Петя широко заулыбался:

— Ты, Мишенька, сегодня чудо как замечательно читал, а вот это новое твоё, где кони в степи, прямо до слёз, ей-Богу, умница ты наш...

— А то... — отозвался довольный поэт.

— Пойдёмте к столу, — донеслось из дома.

Стол был скромн и в то же время для нас, городских, изыскан, ублажая всякими грибочками — от солёных до жареных, замаринованным по специальному ширяевскому рецепту луком, тающей во рту варёной картошкой, чем-то похожей на угощавших нас женщин. Те с умилением глядели на Мишу и следили, чтобы его рюмка не пустовала. Всё-таки убеждение, что поэт должен быть обязательно пьян, глубоко засело даже в умах музейных работников. Миша угодливо пьянел и скоро стал единственной персоной за столом, обладающей правом на внимание. Даже профессор, дерзнувший было похвалить грибочки и прервавший тем самым очередную Мишину хохму, был удостоен осуждающего взгляда.

Я всё чаще стал поглядывать на часы: время до обратного рейса тянулось всё медленнее, а Миша напивался всё быстрее. Он уже подходил к той грани застолья, когда женщины начали отводить в сторону смущённые взгляды. А ещё предстояло тащить его до пристани и выслушивать по

дороге притязания на гениальность. До отплытия оставалось чуть больше двух часов, и я потащил Мишу проветриться, а заодно провести профилактическую беседу, да и женщинам пора было перевести дух и приготовить прощальный чай.

О, что случилось с миром за эти сорок минут! Дождь хлестал наотмашь. Я, конечно, хотел взбодрить Мишу, но не так же радикально. Тот, до этого артачившийся больше для проформы, увидев происходящее светопреставление, всерьёз ухватился на крыльце за столб и насмерть упёрся, да и мне стало страшно выходить во двор.

— Я говорил, что дождь будет, — послышался встревоженный голос Пети, тенью выплывшего за нами из дома.

— Да это не дождь... — я всё никак не мог подобрать слова. — Это конец света какой-то.

Поэт выругался, достаточно точно и неприлично.

— Что же теперь делать-то? — в голосе Пети почувствовалось нечто большее, чем просто волнение.

Я попытался успокоить его, а заодно и себя:

— Дойдём как-нибудь.

— Да я не об этом...

— И Мишу дотянем.

— И не о нём, — и после паузы Петя выдал: — Как бы по такой погоде вечерний-то рейс вообще не отменили.

Поэт, снова прибегнув к нелитературной лексике, трезвел на глазах.

— Постой с ним, — передал я его Пете и бросился к директору музея, которая руководила переменой блюд к чаю и вела интеллектуальную беседу с профессором, подменившим на время собой первую звезду банкета.

Мои опасения не сильно взволновали её, она с некоторой неохотой поднялась из-за стола и пошла звонить. Одна из сотрудниц, поставив тарелку с домашними пышками, махнула рукой:

— У нас это бывает.

— Что?

— Ну, когда катера не ходят.

— И часто?

— Когда вот такая погода, а ещё когда туман по утрам.

— Или когда сломается, — добавила подошедшая с пирогом Ольга.

— Или просто не приедет, — вздохнула третья. — Бывает...

— И что тогда?

— Ничего. Сидим. Нам-то куда...

— Ну, а если срочно?.. вдруг?..

— Можно на машине до Тольятти, тут до него по дороге два часа, а там уже до Самары автобусом или электричкой... Если, конечно, на ГЭС не застрянешь.

— Как так?

— Ну, ГЭС же сейчас ремонтируют, и там дорогу открывают то в одну сторону, то в другую, по пять часов ждёшь.

— А перекрывают её, поди, на ремонт как раз в выходные?

— В выходные там вообще беда...

Всё это время Павел Вениаминович с тревогой наблюдал за нашей беседой, удивлённо тараща глаза то на меня, то на одну из сотрудниц. И очень обрадовался, когда вернулась директриса и торжественно объявила:

— Вышел, — и заботливо добавила: — Давайте пить чай: через полчаса выходить надо.

Профессор, так, видимо, и не поняв, отчего возникло волнение, вздохнул:

— Эх, а я зонтик не взял.

— Это хорошо, — сказал я и, встретив недоумённый взгляд профессора, пояснил: — Унесло бы вас вместе с ним, и летали бы тут над горами, пугая детей и старушек.

Шутка получилась грубоватой, и профессор надулся, но настроение и в самом деле было невесёлое. Скорее бы уж уехать.

Вошли Петя и Миша. Петя усадил Мишу за стол, подвинул ему чашку с чаем, проследил, чтобы тот сделал глоток, и поманил меня.

— Ну? — спросил я, предчувствуя недоброе.

— Александр, — Петя был сама мягкость и вежливость, — оставайтесь ночевать у меня, — и тут же заторопился, боясь, что я могу счесть его чересчур назойливым: — У меня тепло, хорошо, места всем хватит. Куда вы в такую погоду? Да и Михаила — как? А завтра всё развеется, и вы поедете.

— Катер вышел, — сразу отрезал я. — Да и домой нам надо, — я отвечал за всех.

Петя вздохнул, а у меня вдруг промелькнуло: а почему бы и в самом деле не остаться? Чего тащиться в такую непогоду? Зачем? Что мне, собственно, делать в городе? Телефон есть, позвоню, предупрежу... Да и воскресенье завтра...

— А то остались бы, — Петя словно услышал мои мысли. Но я отошёл и принялся за чай.

— Пора, — командовала директриса. — Петя, вы проводите гостей?

— Конечно.

— Я дам вам дождевик, — обратилась она к профессору. — А вам, — она посмотрела на Мишу, — куртку, укутайтесь покрепче.

«Можете не благодарить», — закончил я за неё фразу, но про дождевик мне понравилось больше.

— Петя, потом занесёте.

— Хорошо.

— А ты, Оля, приберёшь всё и закроешь. Выходим, — и она двинулась к выходу первой.

— Оля, не уходите пока, — почему-то тихо обратился я к встречавшей нас сотруднице, — дождитесь, пожалуйста, моего звонка.

Та испуганно кивнула, словно я сообщил ей страшную тайну и просил умереть с ней.

И мы пошли, и было чувство, что это какая-то партизанская операция, а не Есенинские чтения.

8

«Буря! Скоро грянет буря!» — восклицал Максим Горький, некогда живший в Самаре и весьма любивший кататься на лодках по Волге, и буря в конце концов грянула. Конечно, когда подумаешь, что значит эта буря по сравнению с той, что бездумно кликалась в начале прошлого века, то становится стыдно. Но это я сейчас пишу, а когда мы вышли из музея, я сразу почувствовал ужас предстоящего путешествия. Но для чего-то же нам надо было тащиться через ветер, который с разных сторон швырял в нас снопы градинок? Но мы шли. Женщины отвалились от нас довольно быстро, я даже не помню, как мы попрощались и прощались ли вообще. Первые минуты я был сконцентрирован на лужах, но скоро это потеряло смысл, потом исключительно на висевшем на правой руке Мише. Петя помогал мне его тащить с другой стороны. Миша то и дело поднимал голову и что-то выл, стараясь попасть в размер и ритм бури. Когда замаячила впереди пристань, обозначенная белой каймой бившихся о неё волн, я распрямился и перевёл дух.

— А где профессор? — оглядел я своё окружение и, не получив ответа, проявил несколько излишнюю эмоциональность: — Блин! Петя, тащи этого, блин, поэта дальше, а я пойду искать Вениаминыча.

Мне было уже всё равно: промок я окончательно, разве что добавляли злости бесконечные лужи, и я чуть было не проскочил мимо прислонившегося к стене полуразвалившегося дома профессора.

-
- От ветра прячетесь? — спросил я.
— Нет, — пролепетал профессор. — Так, по нужде...
— Блин! — снова не сдержался я.

К пристани шли молча. Подошли к понтонам, которые трясло на волнах, словно школьников на дискотеке.

— Я не пойду, — проговорил профессор и уже совсем жалобно добавил: — Я не смогу..

Мне самому было страшно. Я сжал профессорскую руку, как будто это должно было придать ему уверенности, но, скорее всего, инстинктивно пытался передать ему нахлынувшую на меня злость.

— Ой! — пискнул профессор.

— Эй! — донеслось вдруг зычное из-за наших спин и, узнав голос Пети, я сразу расслабился и отпустил профессорскую руку.

Они с Мишей сидели в каменном укрытии, означавшем автобусную остановку у пристани. Точнее, сидел Миша. С откинутой головой, растрёпанными мокрыми волосами и полукрытым ртом он напоминал эпилептика после припадка. А Петя стоял рядом и махал нам рукой. Вид у него был до неприличия довольный.

— Катера не будет, — сообщил он.

— Директриса же сказала, что он вышел, — тупо напомнил я, хотя и так всё было ясно.

— Он вышел, но пристать здесь не сможет и потому пойдёт только до Жигулёвска и обратно.

— А мы как-то сможем успеть до жигулёвской пристани? — произнёс я ещё более глупую фразу.

Петя подумал.

— Только на такси. Но это надо вызывать машину из Жигулёвска.

Мне надоело бороться со стихией. К чему эти подвиги? Случится то, что должно было случиться. Зачем усугублять. Даже если я сейчас дозвонюсь до какого-нибудь таксопарка, вряд ли кто-то согласится сюда ехать. А если согласится, то по дороге чего-нибудь у него обязательно сломается или случится ещё что похуже... Петя сразу предлагал заночевать у него, вот и нечего было выкобениваться.

— Пошли к тебе.

Мы подхватили Мишу и двинулись обратно в село. И шлось нам как-то поувереннее. Да и буря, кажется, начала стихать.

После уличных страхов Петино жилище представлялось прямо-таки обетованным убежищем — так оно и оказалось:

в небольшом доме было уютно, холостяцкая нетребовательность дополняла устоявшееся окружение, когда для каждой вещи давно определено своё место, каждая вещь успокоилась на нём и мирно дожидается конца, зная, что никто её не сдвинет, не переставит, а тем более не уберёт в чулан, пока и сам мир этот не рухнет вместе с хозяином. А главное — в доме было тепло.

Пока мы разоблачались в маленькой прихожке (а с Мишей это заняло немалое время), Петя проскочил к печке, и, когда мы вошли в комнату, дровишки уже потрескивали, и руки сами потянулись к огню.

Минуты через две Миша произнёс:

— И долго мы так будем тереться друг о друга?

Я оторвался от печки, сходил в прихожку и принёс бутылку. Петя поставил рядом рюмки, капусту, огурцы, лук, хлеб. Я разлил и сделал приглашающий жест.

— А чего молчим, как на похоронах? — опять нарушил тишину Миша. — Сказал бы кто чего-нибудь.

— Вот ты и говори... — начал было профессор, но я остановил его: мол, и так хорошо, к чему слова?

Мы выпили, и каждый захрустел, кто огурцами, кто луком, кто капустой, а Миша закусывал запахом хлеба... И уже с расстановкой стали выбирать места: мы с профессором придвинули стулья к огню, Миша остался возле хлеба, а Петя полулежал на диване, чтобы ему было видно всех нас.

— Вот теперь можно и позвонить.

Я достал сотовый, который тогда только входил в общегражданское употребление, и позвонил сначала в музей, обрисовал Ольге ситуацию и сообщил, что мы на данный момент счастливы. Потом жене — ей про счастье говорить не стал, но она и так всё поняла, спросила только: ждать меня завтра к обеду или нет? Я обещал стремиться. Хорошая всё-таки у меня жена.

— Мне бы тоже домой сообщить, — попросил профессор.

Я набрал номер и передал трубку. Тот двумя руками взял её, сбивчиво и торопливо обрисовал ситуацию, воскликнул «Ай!», поморщился и так же бережно вернул мне диковинку. Я услышал на том конце отголоски монолога и отключил телефон.

— Говорят, от этого рак бывает, — сказал профессор.

— От этого? — я покачал в руке телефон. — Вряд ли. Всё от нервов и неправильного питания...

— А я никому не буду звонить, — доложил Миша, хотя ему никто и не предлагал. — Я лучше выпью.

-
- Миш, брось, здесь все свои.
 - И чего — мне теперь выпить нельзя?
 - А зачем? И так хорошо...
 - Вам — хорошо, а мне, может, позвонить некому...
 - Ну, хочешь, выпей.
 - А вы, значит, не будете?

Миша покрутил бутылку, всё ещё не решаясь нарушить мужское единство.

- Ты чего, литр не мог взять, что ли?

Я вяло отмахнулся, до того мне не хотелось вступать в глупые дискуссии, но Мише нужно было разговаривать или чтобы хоть кто-то, как в театре, подавал ему реплики.

- Вениаминыч, пойдём.

— Отстань, — тут были все свои и с гением можно было не церемониться.

- Петя, ну, ты-то будь человеком!

Петя виновато развёл руками.

— Я ж, Мишенька, не пью давно... Так вот, чуточку, как сейчас после дождика, а то подмёрз, но больше никак, куда мне после инфаркта...

— Здоровеньким помереть хочешь, — обрадовался оппоненту Миша и начал откровенно задираться, после чего обычно должны следовать обиды и капризы.

Миша говорил с паузами, но Петя только удивлённо хлопал глазами и в дискуссию не втягивался. Наконец поэт выдохся:

- Хрен с вами. Один выпью. Пусть вам стыдно будет.

Послышалось бульканье, потом демонстративный хлопок рюмкой о стол и через минуту:

- Ну что, сволочи, так и будете сидеть?

10

— Вообще-то с ним надо быть поосторожнее, — произнёс я. — Помните, Павел Вениаминович, как Есенин устроил дебош в Америке? Сидел, сидел себе за столом, а там все: ах, Дункан, ах, Дункан, а на бедного Серёжу — ноль внимания, ну, он и сдёрнул скатерть со стола.

— Причём тут Есенин и Слепцов? — обиделся за предмет своей жизни профессор.

— Нет-нет, я не сравниваю степень таланта, хотя никто, надеюсь, не будет спорить, что Слепцов талантлив, — успокоил я его. — Я говорю только о типе. Так что, Петя, будь настроже, у тебя нет скатерти?

- Есть, — отозвался Петя.

— Не надо её доставать и вообще лучше убрать все мелкие предметы. Ведь как тот же Есенин, раз говорим о типе, дрался! Он, когда выпивал, начинал со всеми задираться, дрался, как девчонка, то есть даже и не дрался вовсе, а отмахивался, а чаще всего хватал попавшиеся под руку предметы и бросал их в противника, причём предметы мелкие, кружки никогда не бросал, так, Павел Вениаминович?

— Допустим. Только не надо из Есенина делать пьяницу.

— Боже упаси! Есенин никогда пьяным стихи не писал, может, конечно, и пробовал, баловался, имажинизм требовал, но писать — в смысле заниматься творчеством, когда оно приходит свыше, — он пьяным не смел никогда. Он благоговел перед чистым листом бумаги и тем даром, который осознал в себе. Мне в этом смысле нравится история, как Есенин пришёл к Катаеву мириться.

— Да-да... Есенин наговорил грубостей жене Катаева, они разругались и не виделись две недели, а тут вдруг приходит Есенин к Катаеву с авоськой, в которой лежали бутылка водки и банка консервов...

— И заметьте: совершенно трезвый! — вставил я.

— Это-то и удивило Катаева. Садится к нему на кровать, сажает его рядом, кладёт руку на плечо и говорит: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен...»

— И Катаев тогда не сразу сообразил, что он читает ему новую поэму, — подхватил я, но тут же остановил воспоминания: — Но! Сейчас не об этом: две недели никто Есенина не видел. Где он, спрашивается, был? Он писал «Чёрного человека». Совершенно трезвый. Да и невозможно столько написать, будучи всё время в подпитии. Кстати, раз уж завязалась такая интересная беседа, а не поддержать ли нам Мишу?

— Только по чуть-чуть, — согласился профессор.

— Ты, Миш, как?

— За Есенина? — пьяно отозвался тот.

— За Есенина.

— Да.

Дохрумкав один огурец, я взял второй и благодарно выдохнул:

— Хорошо у тебя, Петя! И чего я, дурак, идти к тебе не хотел? Огурцы-то сам солишь?

— Это Оля из музея. Она всё просила Мишу про любовь почитать.

Миша было вскинул голову, но я перебил его.

— Раз уж мы помянули «Чёрного человека», то могу, Павел Вениаминович, подкинуть вам темку для диссертации.

— Любопытно.

-
- Помните начало?
— Конечно, — и он прочитал:

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

- Миша всхлипнул.
— Дальше, — попросил я.

*Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.*

— Стоп! — воскликнул я. — Петя, что-то здесь не так, — и понял по обалдевшим глазам Пети, что у него в голове не укладывается, что у Есенина может быть что-то не так. «Зря я так на Петю-то, чего человека пугать», — подумал я и смягчил вопрос: — Ну, или, скажем, что тебя смутило или какой образ показался трудным, что ли, чересчур заковыристым?..

— Про ногу..

— О! А ну-ка, Миша, — я толкнул сидевшего с прикрытыми глазами поэта, — ты же у нас настоящий поэт, — и тот разомкнул веки. — Что там должно стоять? Ну, послушайте, какая аллитерация, какое «ш», а какая «ч»! «Маячить», «чёрный», «человек», «невмочь»!

— Ночь! — выдал Миша.

— Вот, а вы говорите, к чему сравнивать Есенина и Слепцова? Конечно, ночь! И что мы тогда получаем: «в ночи». Убирается это лишнее «г», и картина получается весьма точной: «на шее в ночи маячить больше невмочь», а «на шее ноги» — это суперабстракционизм какой-то, совершенно чуждый русской литературе.

— Чушь! — воскликнул профессор. — Есенин написал его ещё в двадцать третьем.

— Да, но вышла-то поэма только после его смерти!

— Это ничего не доказывает... И потом, потом... Вот вам — «ночь» стоит уже в конце строфы! «Спать не даёт мне всю ночь!» Вот! Есенин не мог употребить в одной строфе два раза одно и то же слово!

— Н-да, трудно с вами... э-э... дискутировать. Но, профессор, это я ведь так, для поддержания разговора. И к тому, что о Есенине можно говорить бесконечно и всё время находить что-то новое.

— Бросьте, всё там давно известно.

— Давайте присядем, — предложил я.

11

Трудно сказать, какой из факторов был определяющим — домашний уют после бури, хорошая компания, молчание Миши или чудесные огурчики, но я пребывал в прекрасном настроении. Хотелось не спеша болтать всё равно о чём, не опасаясь за последствия. Хотя последствия есть у всего, даже у пустой болтовни.

— Вот, возьмём алкоголь, — начал я, хотя правильнее было бы сказать, продолжил, — он весьма по-разному действует на людей. Чукчам, например, вообще пить нельзя, а французы и испанцы потребляют больше, чем русские. Что из этого следует? А то, что и мы на него по-разному реагируем: вот Миша, если не в центре внимания, то с каждой рюмкой мрачнеет и жаждет скандала, после которого тут же отключается, а утром просыпается с чистой совестью, как будто ничего и не было... Меня от выпитого тянет на словоблудие, которое не так просто успокоить и которое неизвестно, куда может завести. При этом в любом случае утром я буду чувствовать себя нашкодившим школьником. Вы, Павел Вениаминович, человек всё-таки страстный и увлечённый, хотя тщательно скрываете это профессорской интеллигентностью, и ваше утро во многом будет зависеть от того, например, выиграли вы спор накануне или нет. Петя же как человек малопьющий, скорее всего, быстро захмелеет, может, даже совершит чего-нибудь этакое, тут диапазон русской души широк и непредсказуем, но в любом случае утром проснётся с глубоким чувством вины. А вот Устинов пил совсем иначе.

— Причём тут Устинов? — вскинулся профессор, словно я наступил ему на мозоль.

— Ну... говорили о Есенине, вот Устинов и вспомнился как его противоположность: он-то пил совсем иначе. Это был шкаф под два метра ростом. Выпить он мог немереное количество водки и при этом оставаться, скажем так, в рабочем состоянии. За что его и ценили большевики: он часто обеспечивал группу прикрытия после подпольных заседаний. Подпольными они, кстати, назывались, скорее всего, потому, что большинство питейных заведений в тогдaшнее время нахо-

дились в подвальных помещениях, то есть под полом, так как их старались скрыть с глаз. Но никакой человек не может пить бесконечно, и в какой-то момент его тоже могло переключить, и тогда — спасайся, кто может, хоть большевик, хоть меньшевик или просто подвернувшийся под руку шпик. Он не помнил себя и начинал крушить вокруг всё и вся. Силы был недюжинной, а она, как известно, требует выхода. Запросто мог одним ударом сломать стол на конспиративной квартире.

— Точно, — неожиданно подал голос Петя. — У нас мастер в цехе был Илья Петрович. Его ещё Муромцем звали. Здоровый такой. Кувалдой только так ворочал. Выпить мог — море. И работал так же. Но если перебирал — беда. Весь цех прятался... Прости, Александр, что перебил, уж больно похоже...

— Есенина убили чекисты, — вдруг чётко и зло проговорил Миша. — Не трогайте Серёжу.

— Брось, — отмахнулся профессор. — Тут уже всё доказано-передказано... сам он, сам... Я тут даже спорить не буду, — Павел Вениаминович демонстративно откинулся на спинку стула и стал ждать, что ему ответят.

— А ты, Петя, веришь, что человек, перед которым вдруг распахиваются такие перспективы: создаётся под него журнал, готовится собрание сочинений, да ещё переводится на новое место, как бы перечёркивая всё прежнее, — способен лишиться себя этого в самом начале, а? Ну, смотрите: он, словно захлопывая дверь, скандально прощается с Москвой, едет в Питер и там встречается с теми, кто войдёт в состав редакции журнала, днём правит рукопись второго тома — и вдруг...

— Есенин не мог повеситься, — тихо, но уверенно произнёс Петя, причём в уверенности этой не было ни Мишиной злости, ни моего, в общем-то, больше любопытства, чем стремления докопаться до истины, мне показалось, что я услышал некие мистические нотки, что выдают исповедников, и мне на мгновение стало жаль профессора, да и вообще жаль, что я всё это затеял.

— Отлично! — воскликнул я. — Никакой русский в это не поверит, потому что это перечёркивает саму суть русскости. Есенин настолько точно и сильно выразил русского человека, что стал его символом, тем образцом, на который показывают, когда хотят сказать: вот ярчайший представитель русского народа. Не типичный, а ярчайший. Именно такой и может быть образцом. Но русский человек не может так греховно покончить со своей жизнью: самоубийство — это отречение от Бога. Потому и не

принимает русский человек мысль о самоубийстве Есенина. А для врага-то рода человеческого как раз и нет ничего замечательнее, как показать: вот он, ваш русский человек, он самоубийца! Потому-то душа русского человека, любя и понимая Есенина, не может принять мысль о его самоубийстве. То есть об убийстве самой себя. Ясно выражаюсь?

— Витиевато и спорно, но доступно, — оценил профессор.

— Большая трагедия для человека, когда он чувствует душу одного народа, а вынужден писать на языке другого. О-о, как ему порой бывает ненавистен этот народ за такое несовершенство! И непонимание. И как ни старайся, хоть ты и талантливейший Бродский, но никогда не станешь русским: душа-то другая.

— Хрен ему!

Эх, а я уж думал, что Миша спит.

Я сделал паузу, но никаких реляций от поэта больше не последовало, Миша опустил голову на стол, и я продолжил:

— А вот мученическая кончина для русского человека вполне понятна и объяснима, и только такую кончину он и может принять.

— Всё это милая лирика, а есть точные факты, — улыбнулся профессор, будто разговаривая с малым дитём. — И если уж о душе заговорили, то ведь даже священник, который крестил Сергея, к которому он не раз заезжал, и который, можно сказать, был его духовником, признал, что Есенин покончил жизнь самоубийством.

— Как же он это признал?

— Очень просто. Когда ему сообщили, что Есенин покончил жизнь самоубийством, то он так и сказал: «Я чувствовал, что нечто подобное случится».

— И где же здесь признание самоубийства? «Нечто подобное» — это в первую очередь значит раннюю трагическую гибель.

— Так ведь ему сообщили о самоубийстве, и он принял это.

— Он сказал: «нечто подобное». А потом сам же и отпевал Есенина, как, впрочем, и во многих русских церквях, а самоубийц, как вы знаете, не отпевают.

— То есть ты считаешь, что всё это дело рук чекистов, что там устроили западню, пробрались по тайном ходу, и вообще во весь этот бред?

Я молчал.

— Ха! — сказал профессор.

— Допьём? — предложил я.

Мы придвинулись к столу.

— И ты, Петь? — удивился я, когда Петя подвинул свою рюмку. — Что ж, тут как раз и осталось...

Когда выпили, профессор предложил:

— Может, перенести поэта на кровать? Или подушку принести?

— Ни в коем случае. Уверяю вас, если бы ему нужна была подушка, он потребовал бы её, была бы нужна кровать — добрался бы, а так он сейчас счастлив в том состоянии, в каком есть. Это, конечно, состояние свинское, но когда счастливого человека пытаются сделать ещё счастливее, то обычно всё портят. И потом, в попытке сделать другого более счастливым всегда можно отыскать следы банального эгоизма. Так что не будите спящего человека. А что касается заговоров, то я в них не верю, но и самоубийства не принимаю. А как там было на самом деле... Бог его знает. — И убрал пустую бутылку под стол.

— Могу рассказать...

Мы с профессором с удивлением посмотрели на Петю. Тот пристально смотрел на нас, словно собираясь открыть страшную тайну. Какой-то это был другой Петя.

— Что расскажете? — спросил профессор.

— Как всё было. Там, в «Англетере», в ночь с 27 на 28 декабря.

— Перестаньте...

— А я бы послушал.

— Да ведь всё уже давно известно...

— Нет, профессор. Послушаем. Выслушать-то вы можете? К тому же Петя сегодня ещё не высказывался.

— Я лучше спать пойду.

— Нет уж, посидите с нами. — Я чуть ли не силой удержал профессора на его креслице и повернулся к Пете: — Любопытно.

Петя вышел из-за стола и сделал пару шагов до шкафа и пару обратно: больше комната не позволяла. На некоторое время замер у стола, видимо, ища опору, от которой сильнее можно было бы оттолкнуться.

12

— Устинов! — выпалил Петя.

— Тю-ю! — разочарованно протянул профессор. — И ты туда же.

— Он слишком любил Серёжу!

— Что?! — подпрыгнул профессор.

— Да нет, я не о том, — испугался Петя. — Я же не клюевские страстишки имел в виду. Устинов любил Серёжу беззаветно, как... как... ну, я не знаю...

— Как разбойники любят Христа, — подсказал я.

Петя несколько удивился такой подсказке, а профессор вообще не обратил на меня внимания.

— Устинов плакал, когда слушал Серёжу. Он понимал, кто это на самом деле, и потому вытаскивал его из всяких житейских передряг, которые сгубили бы Есенина гораздо раньше. Мне кажется, это именно он во многом поспособствовал переезду Есенина в Питер, и он же помогал с устройством журнала, потому что в ОГПУ как раз он отвечал за культуру. Он и в Питер-то поехал для того, чтобы не оставлять на первых порах Есенина одного. Может, и присматривать, но не для того, чтобы выбрать момент для убийства, а чтобы его обещать.

— Тогда почему — Устинов? Ты, Петя, совсем нас запутал.

— Меня — нет, — отозвался я, но профессор и сейчас не обратил на меня внимания. — Вспомните, как закончил жизнь Устинов? Он повесился в клинике для сумасшедших. Вам это ничего не напоминает?

— Ну, это вообще не аргумент.

— Не скажите, для русского человека, который делает выводы не из фактов, которые ему показывают по телевизору, а из того, что душа подсказывает, это очень весомый аргумент! — напомнил о себе я. — Вот говорят: ура, всем поднимут пенсию с первого июля! А народ сразу: ага, стало быть, с первого июня поднимут квартплату.

Профессор всё-таки обратил на меня внимание и недоумённо посмотрел в мою сторону.

— Это-то причём?

— Кончина — очень важное доказательство в деле следствия жизни человека. И если, скажем, допустить, что именно Устинов, трепетно любивший, по словам Пети, Есенина, его же и убил, то вполне допустимо, что потом он мог сойти с ума, а в итоге и проделать над собой то, что сделал с любимым человеком, то есть повеситься.

— Устинов не вешал Есенина, — сказал Петя.

— Тогда и я ничего не понимаю.

— Он его ударил бутылкой по голове...

Мы долго молчали, пока Петя наконец не произнёс:

— По пьянке. Отсюда, между прочим, у Есенина вмятина на лице, а не от какой-то там трубы парового отопления.

— Чушь! — наконец пришёл в себя профессор.

— Подождите-подождите, Петя, вы хотите сказать, что Устинов с Есениным квасили всю ночь, а потом тот его грохнул?

— Ну да, они допивали спирт из трёхлитровой банки, которую принёс художник.

— Какой ещё художник?

— Который пришёл днём к Устинову договариваться о своей выставке. Устинов же был влиятельной фигурой и, как я сказал, отвечал в ОГПУ за культурный участок. Вот он и пришёл договариваться, а, как у нас водится, все дела решаются под водку. Водку в то время в Питере достать было очень трудно, а вот спирта — хоть залейся. Он и пришёл к Устинову с банкой спирта, но сам, разумеется, быстро опьянел и отчалил, а спирт остался. Ну и что прикажете с ним делать только разогревшемуся Устинову? Конечно, он пошёл к любимому Серёже стихов послушать, о душе поговорить, поплакать, в конце концов.

— Стоп! А ты же сказал сначала, что он его бутылкой грохнул, а теперь про банку спирта...

— Бутылку принёс Эрлих. Он целых шесть бутылок пива принёс. Эрлих считал, что пора бы уже Серёже чуть-чуть расслабиться, а то третий день трезвый ходит. Не напиваться, ни в коем случае, а так — под пивко! А заодно, под пивко-то, и разузнать, какие на самом деле у Есенина планы. О, эти мнимые друзья! А заодно ещё и агенты. Но Эрлих застал Есенина как раз за работой над вторым томом, и тот с ним пить не стал. Эрлих притворился сильно обиженным, мол, я к тебе с пивом, а ты со мной и поговорить не хочешь. Есенин, интеллигентнейший человек, чтобы не обижать товарища, оторвался от работы, выпил с ним одну бутылку пива, а после всё-таки попросил дать ему возможность поработать. Эрлих решил, что его просто выпроваживают, потому что слабеньким поэтам никогда не придёт в голову мысль, что над стихами надо ещё и работать. Так вот, чтобы человек не уходил с обидой, Есенин догнал Эрлиха в коридоре и сунул ему записку. Это был извиняющийся жест, не более того. Обиженный Эрлих даже не стал читать, а сунул записку в карман и ушёл...

— Кстати, — опять перебил я Петю и заставил нервно дёрнуться профессора. — Это стихотворение не было написано только что. Это у графоманов стихи рождаются мгновенно и сразу на века. А «До свиданья, друг мой, до свиданья» — это всего лишь отголосок не так уж давно написанного «До свиданья, пери, до свиданья...» Даже раз-

мер тот же. А Есенин, как мы только что слышали, над вторым томом сидел. Может, как раз над этим стихом и работал...

— Да прекратите вы измываться над историей или нет?! — возопил профессор.

— А какие раньше делали пивные бутылки! — с некоторой ностальгией вздохнул Петя. — Жаль, Александр, ты не застал.

— Но представление имею.

— Откуда?

— Ну, все же смотрели про Максима. «Крутится, вертится шар голубой...» Как там Чирков с Жаровым в бильярд играли. «Я угощаю». — «Нет, я угощаю». — «Пиво для моего лучшего друга!»

— Верно! Это были высокие бутылки с длинным и узким горлышком, их потом ещё под «коктейль Молотова» использовали. А по бутылке-то они с Эрлихом выпили. А куда ставят пустые бутылки?

Я покосился на нашу пустую бутылку, которую я машинально поставил возле ножки стола. Петя проследил за моим взглядом и подтверждающе кивнул:

— Пусть пока там и стоит.

— Всё равно, Петь, тут белое пятно, не мог Устинов просто так шандалахнуть любимого Серёжу. Я, конечно, могу домыслить какую-нибудь ссору...

— А не надо ничего домысливать... Если Эрлиха Есенин спровадил, то Устинову, который был для него благодетель и покровитель, в общении отказать не мог. Они выпили, поговорили, и куда бы потянуло дальше двух весёлых подвыпивших мужиков? А, Александр?

— Я женатый человек. Меня не впутывайте. И Устинов, кстати, тоже был женат...

— Это, скорее всего, не было браком по любви. Да и жили они с женой в разных комнатах. Но не в этом дело: после полуночи они спускаются в холл и звонят бывшей любовнице Устинова.

— Вы о ком?! О Гариной?! — профессор буквально подпрыгнул в кресле, но, посмотрев на нас и, видимо, осознав, что не стоит так уж реагировать на дилетантов, опустил обратно, бросив только: — Этой шизофреничке вообще верить нельзя!

— Почему же? — удивился Петя. — Она, конечно, баба та ещё, и я соглашусь с вами, больше фантазирует, но ведь фантазировать и выдумывать — разные вещи. У фантазий, как у легенд, всегда имеются основания. Ведь если отбросить яв-

ные глупости и несуразицы, какими обычно любят украшать повествования неудавшиеся писательницы, то суть-то останется верной. И потом, невозможно выдумать телефонный звонок, когда и портье говорит, что Устинов с Есениным выходили в холл и звонили по телефону.

— Гарина — бывшая любовница Устинова? — удивился я.

— Ну да. Это ещё в бурные предреволюционные годы. Потом она вышла замуж за революционера и устроила в Питере некое подобие литературного салона. Там бывали Горький, Бунин, тот же Есенин был ей хорошо знаком и даже ухаживал за её старшей дочерью. Так вот, когда Устинов сказал, что они сейчас приедут, она заколебалась, иначе прервала бы разговор сразу, но по Устинову невозможно было понять, пьян ли он. И тут он обмолвился, что не один, а с Серёжей Есениным. «А ну, дай-ка ему трубочку», — попросила она. Не ожидая подвоха, Устинов передал лучшему другу трубку. А тому что? Тому, когда только начали пить, было весело и куражисто. Гарина попросила вернуть трубку Устинову и наотрез отказала в приёме: «Завтра проснитесь и приезжайте».

— Обломала, короче, — вставил я.

— Раздосадованный Устинов, а это всегда досадно, когда любовница, хоть и бывшая, говорит «нет», начал упрекать Есенина: это ты, мол, виноват, мог бы вести себя поприличнее. Хотя сам же ему трубку и дал. Есенину же было только весело. Плевать ему было на баб, куда забавнее было дразнить не давшего поработать Устинова и наблюдать, как тот всё больше и больше начинает беситься. К чему это может привести, мы знаем: Лермонтов довёл издёвками расфуфыренного Мартынова до дуэли, на которой и сложил свою голову. Есенин этого не замечал...

13

Петя посмотрел на мирно спящего Слепцова. Затем подошёл к себе свободный стул и, развернув его, сел, опершись руками о спинку. И всё это время продолжал смотреть на Слепцова. Затем продолжил:

— ...Устинов напивался и мрачнел. Слово за слово, Есенин всё-таки довёл Устинова до бешенства, и между ними завязалась потасовка. Есенин, по своему обыкновению, стал, отбиваясь от громоздкого Устинова, бросать в него всё, что попадалось под руку, и наконец Устинову этот детский сад надоел. — Петя потянулся вниз к поставленной мною под стол бутылке. — Рука его нащупала стоявшую под столом пивную бутылку, и

он... — Петя замахнулся, я невольно вскрикнул. Петя удивлённо посмотрел на меня и вернул бутылку обратно под стол, потом спокойно закончил: — ...саданул ею, особо не целясь.

— Ну, хватит уже... — проворчал, не поднимая головы, Слепцов.

Все смотрели на Мишу. Тот перевернулся с одной щеки на другую, что-то буркнул и затих.

— Пить было больше не с кем, Устинов пошёл к себе в номер и лёг спать.

Петя помолчал, потом осторожно поднялся со стула, отставил его, будто это случайно потревоженный мистический предмет, и пересел на кровать.

— Ха! — этот вскрик профессора был так неожиданен и дик, что я вздрогнул. — А кто же тогда его повесил? Молчите?!

Петя молчал.

— Или вы тоже верите в тайный ход, которым проникли чекисты?

— Ну, Петя? — попросил его и я.

— Дальше всё просто, — устало, словно актёр после трудного спектакля, проговорил Петя. — Помните, как любил говаривать по утрам замечательный наш поэт Владилен Кожемякин? Хотя, Александр, вы его не застали...

— Зато его поговорку теперь у нас все повторяют: краток сон алкоголика. Так?

— Именно. Устинов спал недолго, не более четырёх часов. Потом очнулся. — Петя медленно поднялся и, ощутив голову, натурально простонал: — Башка трещит. Ну, куда первым делом идти? Конечно, ноги сами несут туда, где пьянку заканчивал, в надежде, что там чего-нибудь осталось. — Петя поднялся и подошёл к столу. — С Есениным они пили недолго, так как Есенин разговаривал с Гариной в хулиганском, но не пьяном состоянии, драка у них случилась почти сразу же... Заходит, а там Серёжа лежит. Ну что он, лежащего Серёжу не видел? Конечно, первым делом Устинов потянулся к трёхлитровой банке, где ещё оставалось на доньшке. — Петя взял трёхлитровую банку из-под огурцов, в которой мутнел рассол и топорщилась по стенкам зелень. — Налил. — Петя выплеснул в стакан рассол. — Выпил. — Петя выпил рассол и картинно выдохнул, будто и впрямь жаждал спирта. — Поставил банку и обратился к Серёже: «Вставай».

Мы замерли, потому что Петя реально положил руку на плечо Мише и потряс его.

— Вот не надо этого амикошонства! — пьяно запротестовал Слепцов и опять поменял щёки, отвернувшись от Пети. Тот отдернул руку, а мы облегчённо вздохнули.

Петя отошёл от Слепцова.

— И что делать?

— Не трогай его! — у меня не выходило из головы, как Петя прикоснулся к Мише, и внутри ещё сидел страх, что Миша может не откликнуться на прикосновение.

— Я про Есенина, — уточнил Петя.

— И что?

— Есенин-то мёртв. Устинов перевернул его, увидел вмятину в поллица и услышал, что тот не дышал. Может, даже подумал: «Кто же его так?» А потом дошло: да ведь это же я его убил, бутылкой-то.

— А почему Устинов решил, что Есенин уже мёртв? Он что, врач, что ли? — я всё ещё смотрел на живого Мишу. — Надо заметить: пьяный человек на редкость живуч.

Петя немного замялся.

— Как-то я не подумал об этом... Но общего хода это не меняет. Представьте себе похмелившегося мужика, который трезвым, разумеется, ещё не является. Ну?

Мы представили, я, по крайней мере, представил всё довольно живо.

— В его ещё отуманенном алкоголем мозгу высвечивается, что он убил человека. И этого не скрыть. О том, что этот человек — любимый им Серёженька, он, возможно, и не думал. Устинову бросается в глаза распухший от вещей чемодан, он срывает с него ремень, которым тот для надёжности был перетянут, обматывает шею Есенина и подвешивает его к трубе парового отопления. Заметьте: достать до высоко расположенной трубы мог только двухметровый Устинов, и только такой здоровяк, как он, мог без посторонней помощи поднять одной рукой Есенина, а другой завязать на трубе ремень. И только в полупьяном состоянии человек может делать так всё судорожно, импульсивно, чаще всего не соображая, что творит, и в то же время подчиняясь некой руководящей им логике. Если бы это был хладнокровный убийца, он, конечно, нашёл бы другую удавку, галстук, например, коих у Есенина в том же чемодане было в изобилии, он не стал бы тупо обматывать ремень вокруг шеи, а всё-таки сделал бы правдоподобную петлю, а также догадался бы подставить под ноги жертвы хотя бы стул или столик. Но дело сделано, и Устинов устало допивает спирт...

— А оставалось ещё? — уточнил я.

— Не знаю, но для полноты момента надо, чтобы допил, это к тому же ещё ненадолго прочищает мозги, и он замечает последние следы: забирает полупустую банку..

— Всё-таки оставалось, — перебил опять я, — иначе бы он её не забрал.

— Допустим. Заходит к жене, будит её и говорит, что Серёжа перебрал вчера и как-то буйно себя вёл, и попросил, чтобы та утром позаботилась о нём. Утром, как положено человеку на службе, явился Эрлих, и они пошли проверять буянившего вчера Серёжу. Всё.

Молчание прервал я.

— Гм, Петя... Ты так всё это хорошо рассказал, я бы даже сказал, представил, что невольно подумалось: а у тебя нет где-нибудь... э-э-э... какой-нибудь посуды, ну, если не со спиртом, то спиртосодержащей составляющей...

Петя вздохнул и с укоризной посмотрел на меня:

— Сейчас. — И вышел.

14

Минуты две мы просидели в тишине, и тут раздался прерывистый смех профессора.

— Что это вы, Павел Вениаминович? — обиделся я. — Поделитесь, может, вместе посмеёмся? Вы что, не можете допустить, что именно так всё и происходило?

— Нет! — рявкнул профессор, и я грешным делом подумал, а не тронулся ли он умом. Но Павел Вениаминович тут же взял себя в руки и спокойно произнёс: — Всё это литературно-художественные измышления, никакого отношения к реальности не имеющие! Существует масса фактов, которые легко всю эту душещипательную историю о бытовом непреднамеренном убийстве, как пишут в протоколах, развоят, как карточный домик.

— Ну так опровергните.

— Нет ничего проще.

— Ну?

— Например, ключ.

— Что — ключ?

— Дверь-то была заперта изнутри! Об этом все говорят. А заперта она могла быть только человеком, который оставался в комнате, а это был Есенин. Одного этого достаточно, а есть ещё масса других доказательств. Экспертиза, свидетельства и прочая, прочая... Послушайте, — голос его вдруг стал мягким и ласковым, — вы ведь не верите в эту... как бы сказать... фантазмагорию?

— А во что мне верить? Меня там не было. Я знаю только одно: Есенин — великий русский поэт. Дожившим до 1937 года я его в любом случае не представляю. Как, например, не представляю, Высоцкого во время перестройки. Ведь сказано: Господь забирает людей, когда они уже не могут стать лучше или когда они стоят на грани такой пропасти, из которой им уже не выбраться. Представьте, что у Есенина получилось бы с пробольшевистским крестьянским журналом? Ведь оставался только один шаг. Талантливейший Маяковский тоже купился на Окна РОСТА, получал за это неплохую пайку, а потом уже не мог выбраться. И чем это в результате закончилось? Но в самоубийство Есенина я не верю, как не верю в самоубийство русского человека.

— Бросьте, сейчас самоубийства на каждом шагу.

— Между прочим, на первом месте по самоубийствам стоит самая цивилизованная Швеция.

— У нас в институте, то есть теперь академии, только и слышно о самоубийствах. Люди расстаются с жизнью так же легко, как будто это игра, где у них есть запас из нескольких жизней.

— О! Да вы, Павел Вениаминович, продвинутый геймер.

— Чего?

— Да так, не берите в голову. Но разве эти самоубийцы — русские люди? Пусть даже по фамилии они будут Ивановы, но «русский» — это прилагательное. Это россиянин — существительное, обозначающее человека, живущего в России. А «русский» прилагается к образу жизни, и русским может стать и необязательно единый по крови, но вот по вере — обязательно. Россиянин, если хотите, понятие материальное, а русский — духовное. И потому быть русским всегда выше. Этим русский и отличается от россиянина. И чтобы быть русским, необязательно жить в России.

— Вы монархист?

— Причём тут это? Мне кажется, русским вообще свойственно стремление быть подальше от власти. Мы и варягов-то позвали, чтобы они охраняли русский мир от вмешательства извне. Поставили, так сказать, на кормление.

— А вышло-то...

— Да, мы можем многое терпеть, только люди, оказавшиеся у власти, почему-то сразу начинают думать, что терпение это беспредельно. Как ни странно — нет, как только начинают посягать на душу, а это происходит со всеми, у кого материальная выгода заглушает всё остальное, вот тут и предел терпению русского человека. По натуре своей русский человек аполитичен. Это сейчас его пытаются ра-

сравнить выборами и прочей ерундой. А так — плевать нам, по большому счёту, кто у власти, лишь бы жить не мешали. А жизнь — это попытка воссоединения с Богом. Мы потом и такие большие пространства освоили, что русский человек подальше от власти уходил. Чем дальше — тем спокойнее.

— А ты знаешь, какие сейчас настроения у нас в инсти... тьфу, в академии?..

— Вы говорили: одни потенциальные самоубийцы.

— Да нет, это крайность, а так — сплошные революционеры.

— И это понятно: у них же что-то там болит внутри, а они не могут понять что. Им говорят, чтобы боль прошла, надо хорошо выпить, пожрать и заняться сексом, они это делают, а боль всё равно не уходит, некоторых даже ещё сильнее прихватывает. И они чувствуют, что им лгут, что истина заключается не в жратве и сексе, а в чём-то другом. А в чём? Где? Вот они её и ищут.

— Хм, а где же, по-вашему, истина?

— Профессор, не надо, я уже слышал этот вопрос.

— Где?

— В Евангелии от Матфея. Предпоследняя глава.

Хлопнула входная дверь.

— Наконец-то, — раздался хриплый голос.

Мы дружно обернулись на Мишу, про существование которого стали уже забывать.

15

— Только за смертью посылать, — проворчал Миша и, откинувшись на спинку стула, оглядел нас сумеречным взглядом.

Зашёл Петя, с удивлением уставился на проснувшегося поэта и постарался завести правую руку за спину.

— Не прячь, давай на стол! — приказал Миша.

Петя виновато посмотрел на нас: мол, не уследил, и поставил принесённую бутылку на стол.

— А чего одну-то, — продолжал ворчать Миша. — Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесёт. — Миша, взяв бутылку, покачивал её из стороны в сторону, и вдруг из него вырвалось: — Господи, как она мне надоела!

— Не пей, Мишенька, — подхватил Петя. — Идём-ка я лучше тебя спать отведу. Там наверху комнатка есть, как раз для тебя, там хорошо, воздух свежий, выписься.

Миша продолжал покачивать бутылку, мы замерли, словно та невидимая вселенская битва, о которой говорят бого-

слова, отражалась на измученном Мишином лице. Я мельком глянул на Петю и поразился страдальческому и вместе с тем отрешённому выражению его лица, какое бывает у молящихся старух. Губы его чуть подрагивали.

— Пошли, — сказал Миша и отставил бутылку.

Петя сразу подхватил его и повлёк наверх. Миша был лёгок и послушен, но на лестнице обернулся и погрозил нам пальцем:

— Без меня не пить.

Я и профессор дружно кивнули, словно нам под пистолетом приказали сидеть смирно. Когда сверху донёсся всхлип кровати, у нас одновременно вырвался вздох облегчения.

Спустился Петя и сел на диван. К бутылке никто не притрагивался, будто она и правда находилась под запретом.

— Погода на улице чудесная, — произнёс Петя, — раздуло всё. Утром вы как хотите: сесть на катер, когда он в Жигулёвск пойдёт, или уже на обратном пути?

— А когда обратно?

— На полтора часа позже.

— Обратно, — решил я. — Лучше поспим.

Петя согласно кивнул.

И я уже готов был последовать Мишиному примеру и где-нибудь возлечь, но тут возмущился профессор:

— Стойте! Стойте. А как же... Как же доказательства? Вы же хотели доказать, — он схватил Петю за руку.

— Ничего я не хотел доказывать. — Петя выдернул руку и опасно посмотрел на профессора, потом вопрошающе на меня.

— Доказать ничего невозможно, — устало сказал я. — Вот вы, профессор, можете доказать, что Бог не существует?

— Да отстань ты со своим... — раздражённо отмахнулся профессор. — Ключ! Почему дверь была заперта изнутри на ключ?

— А-а, вы про это... — облегчённо вздохнул Петя. — Сейчас. — И он вышел, а мне показалось, что это «сейчас» прозвучало у него куда легче, чем «сейчас», когда он уходил за водкой.

16

Через минуту он вернулся и положил перед нами два обычных ключа — две нелепых раскоряки на длинной ножке.

Но странное дело: во мне вдруг опять проснулось мистическое чувство, как тогда, когда Петя представлял Устинова.

— Что это? — спросил профессор.

— Это ключи от кладовки. Сейчас я вам покажу, как это делается...

— Э-э, Петя, осторожнее, — начал я, — ключи — любые ключи — это всегда тайна запертой двери, а тут ещё от кладовки, да ещё их два...

— Они одинаковые, — перебил Петя. — Бери любой.

— Вот этот, — я указал на ключ, лежащий справа.

— Вот ты и будешь администратором. Бери смелее.

Я взял ключ, обычный, простой ключ, но от него исходило нечто, что меняет вещи, словно открывая в них ещё иное пространство.

— А что у тебя в кладовке? — спросил я.

— Да ничего особенного — всякий хлам. Просто у меня больше нет таких замков... Как там, в том номере... — Петя повернулся к профессору: — Раз Александр — администратор, то вы, значит, будете Эрлих.

— Почему я? С какой стати? Я не хочу быть Эрлихом! — закипятился профессор.

— Ну, Эрлих же пришёл с администратором к двери.

— Он пришёл с женой Устинова.

— Хорошо, будьте женой Устинова.

— Нет уж...

— Поэтому я предложил вам Эрлиха. Он пришёл сначала с женой Устинова, а потом позвали администратора.

— Да не буду я Эрлихом, куда вы меня впутываете?!

— Перестаньте! — прервал я. Зажатый в руке ключ жёт мою ладонь. — Пусть остаётся профессором. А ты, Петя, получаешься опять Устиновым?

— Почему опять? — удивился Петя, потом, вспомнив, нахмурился. — Нет. Я только покажу вам, что это возможно. Идёмте.

Мы вышли в прихожую: я шёл за Петей в предвкушении тайны, а профессор прятался за мной, как набедокуривший ребёнок.

Петя указал на обычную дверь.

— А где же холст? — разочарованно протянул я.

— Это обычная каморка... тьфу, да нет, комната, где у меня валяется всякий хлам. — И вдруг он замер перед дверью, словно что-то услышал внутри.

— Петя, — позвал я.

— А? — тот вздрогнул. — Да ну вас. Смотрите: вот ключ, каморка, то есть кладовка, у меня, разумеется, не запирается, но сейчас я запру её изнутри, а ключ оставлю в замке, — объяснил он, словно собирался показывать фокус на эстраде, и тихонько приоткрыл дверь.

Я попытался заглянуть через Петино плечо, но тот тут же закрыл образовавшуюся щель, и я увидел только темноту.

— Ну чего тебе? — досадливо произнёс он. — Говорю же: там старые ненужные вещи. Идите в комнату, я позову. Ну, идите же!

— Пойдём, — потянул меня от двери профессор.

Мы вернулись к печке и сели на прежние места.

— Не нравится мне всё это, — произнёс Павел Вениаминович. — Что он задумал, а?

Я пожал плечами и разжал правую руку: на ладони у меня лежал обыкновенный ключ. И тут профессор брякнул:

— Повесится сейчас, а мы возись потом.

17

Я бросился в прихожую и столкнулся в дверях с довольным Петей.

— Ага! Вам, конечно, уже сообщили, товарищ администратор, что жилец пятого номера закрылся изнутри и не отзывается на стук. Но только первым должен пойти Эрлих. Эрлих! — позвал Петя и потом чуть обиженно, как дети, которые придумали интересную игру, а взрослые не хотят посмотреть её: — Павел Вениаминович!

— Не пойду я никуда!

— Мы же договаривались!

— Ни о чём мы не договаривались.

— Но вы же сами хотели убедиться, что можно оставить ключ по ту сторону двери, а самому оказаться по эту?

— Я во всём давно убедился. И вообще хочу спать.

— Ну, Павел Вениаминович, — заканючил Петя, и в самом деле как маленький ребёнок.

— Идёмте, Павел Вениаминович, Петю нельзя обижать, а потом мы отправимся спать.

— Ладно, — профессор с шумом поднялся, показывая, что действует по принуждению и только ради того, чтобы быстрее от него отстали.

Мы вежливо перед ним расступились.

— Идиоты, — пробормотал профессор. — Ну, где ваша дверь?

Мы шли за ним плотно, предотвращая всякую возможность развернуться и убежать.

Так мы дошли до двери.

— Вот! — радостно, как удачливый фокусник, объявил Петя. — Дверь заперта изнутри, а я — здесь.

Профессор некоторое время тупо смотрел на замочную скважину. Наконец рука его потянулась вперёд и коснулась двери.

— Смелее, — подбодрил его Петя.

— Да что это такое! — профессор попытался отскочить от двери, но наткнулся на нас. — Пустите меня!

— Это он за администратором рвётся, — пояснил я. — А я уже здесь. Можно мне?

— Пожалуйста, — разрешил Петя.

Я приблизился к двери и, хотя сначала собирался её толкнуть, не знаю почему, тихонько постучал, словно я действительно дисциплинированный портье.

Все напрягли слух, но с той стороны не донеслось ни звука.

Я снова постучал, уже решительнее, как проводник за час до конечной остановки.

— Смелее!

И я толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Ага! — воскликнул Петя.

Я стукнул в дверь. Она, как мне показалось, странно спружинила, но осталась закрытой.

— Э-э! — остановил меня Петя. — Администратор не стучал, а привычно достал отмычку, видно было, не впервой, а может, и знал что, и, распахнув дверь, ушёл. Первой в комнату вошла жена Устинова.

— А у меня нет отмычки! — ответил я, собираясь как угодно проникнуть за эту чёртову дверь.

— Чего разорались? — донеслось из-за спин.

Мы дружно вздрогнули и оглянулись.

18

— Ну, чего уставились? Живой я, живой... — Слепцов стоял всклокоченный, в нелепой с большим вырезом майке и семейных трусах. Причём пьянел на глазах. Видно было, насколько мы приходили в реальность, настолько он из неё уходил.

Первым сообразил Петя, подскочил, подхватил поэта, и тот сразу, почувствовав опору, обмяк на его руках.

— Зачем же ты встал, Мишенька? — залепетал Петя. — Разбудили мы тебя, негодники, пойдём, пойдём, миленький, я отведу тебя в кроватку.

Миша послушно двинулся за Петей, но обернулся и погрозил мне и профессору:

— Смотрите у меня!

Мы вернулись в комнату.

— Чёрт-те что, — бормотал профессор.
— Вот сука! — воскликнул я.
— Что? — не понял профессор.
— Да он полпузыря выжрал! — пояснил я, показывая на стол.
— Кто? — профессор всё ещё был далеко.
— Пойду рожу ему начищу, — не выдержал я. — Надоел он мне.
— Тихо-тихо, — это спустившийся Петя удержал меня. — Пусть спит. Разбудили мы его. — И умильная до тошноты улыбка разлилась по его лицу.
Я сел к столу.
— Петь, чего ты с ним носишься?
— Миша — настоящий поэт. Ему много дано. И ему многое можно простить.
— А мы, значит, так тут, просто водку пьём, да?
— Ну, зачем же так... — расстроился Петя.
— А впрочем, и правильно, — вдруг согласился я. — Давайте соответствовать и выпьем, пока этот гений снова нас не посетил.
Я разлил оставшуюся водку.
— Зачем так помногу? — спросил Петя.
— А чего два раза морщиться-то? Да и спать крепче будем.
— Ты, Александр, отлей из моего стакана себе...
— Не вопрос, Павел Вениаминович!
— У вас там окно? — спросил профессор.
— Что? — не понял Петя, наморщил лоб и посмотрел на профессора. — Нет, что вы. Там глухая комната. И уверяю: никаких потайных ходов там нет, — Петя рассмеялся, и смех у него получился такой же масляный, как улыбка.
Я выпил свои полстакана с четвертью и объявил:
— Всё. Я пошёл спать.
— А тебе разве не интересно, как...
— Нет, — перебил я Петю. — Мне интересно, куда ты меня спать определишь.
— Если хочешь, наверху есть ещё одна кровать.
— С Мишей в одной комнате спать не буду. Он достанет охами, ахами и требованиями водки. Уже проходили, сам с ним спи.
— Хорошо, тогда ты иди в мою комнату, а Павел Вениаминович ляжет здесь на диване.
— Куда идти?
— За кухней. Я провожу.
— Не надо.

Я взял было огурец, но он оказался последним, и я вернул его на тарелку. В дверях классически обернулся:

— Павел Вениаминович, не парьтесь. Он просто вбил деревянные клинья между дверью и дверной коробкой. Обычный воровской приём, известный любому чекисту. И, кстати, жену Устинов попросил утром проверить Серёжу, потому что был уверен, что она не будет сильно стучать, поэтому клинья мог сделать хоть из спичек. А торчащий изнутри ключ увидит. Ну, а дальше... Ладно, пошёл я спать.

Спал я, как ни странно, хорошо и покойно.

19

Наутро было неловкое чувство совершённой накануне глупости. Наверное, поэтому говорили мало. Позавтракали и отправились на причал. Погода была изумительная. Словно в другом мире оказались. Точнее, вчера были в другом, а сейчас вернулись в нормальный. Солнышко пригревало, ветерок хоть и был, но свежий, бодрящий.

Пришёл катер. Мы тепло попрощались с Петей. Я спросил больше, конечно, из благодарности:

— А чего ты не напишешь об этом?

— Кому это надо?

— Я в журнале напечатаю!

— Ладно, — то ли пообещал, то ли отмахнулся Петя.

В Самаре мы пожали друг другу руки и с некоторым облегчением расстались. «С некоторым облегчением» — вовсе не значит, что отношения между нами испортились, просто в душе всё ещё оставалось некое чувство неловкости за совместно пережитое вчера. А так я всегда рад видеть Мишу и, когда приезжаю в столицу, обязательно стараюсь с ним увидеться. Павел Вениаминович приглашает меня на разные выступления в университет, а я, в свою очередь, неизменно зову его в жюри всевозможных литературных конкурсов. Но о последнем дне Есенина, вернее — ночи, мы никогда больше с ним не заговаривали...

20

...К вечеру разными путями до меня стали доходить подробности о смерти Пети. Одна была чудовищнее другой, я понимал, что домыслов в них куда больше, чем правды, но все говорили об одном: Петя повесился. Да ещё в той самой боковой каморке, дверь в которую пять лет назад он забивал деревянными клиньями. И я решил ехать в Ширяево.

Успел я как раз к похоронам. Из сошедших на берег на ширяевской пристани пятеро повернули к дому, где жил Петя.

И мы, незнакомые люди, почувствовали вдруг некое родство. Мелкий дождик продолжал размазывать грязь, и, пока мы шагали, пристально вглядываясь себе под ноги, чтобы не поскользнуться, никто не проронил ни слова. У крыльца, под зонтиками и без, стояли человек сорок сельчан: видно, Петю здесь всё-таки любили.

Мне не хотелось идти в дом, давящее, тяжёлое чувство, словно зельем, обволокло меня, мне стало тяжело дышать, и я с ужасом представил тесноту в доме, нарушенный уклад предметов, а главное — дверь в каморку. И, уткнувшись взглядом в людей, я остался на улице. Трое из приехавших пошли внутрь, перед ними расступились и тут же снова сошлись. А ко мне подошёл мужчина с маленькой, но неухоженной бородкой, коснулся своим зонтиком моего.

— Я не верю, что он повесился, — сказал он глухим голосом, точно сообщал пароль. — А вы?

Я согласно кивнул.

Где-то я его видел. Ещё на катере я заметил этого невысокого мужчину с пристальным взглядом и попытался вспомнить, где я мог его видеть, но сразу не вспомнилось, и я о нём забыл.

Мужчина хотел ещё что-то сказать, но в это время у крыльца зашевелились, и в узких дверях показалась здоровая спина, потом и сам парень, державший в обхват гроб. Осторожно поглядывая на мокрые щербатые ступеньки, он стал спускаться. Показался второй парень, с большим безразличным лицом, с каким только и можно таскать гробы. Тут же вынырнула тётка и поставила перед крыльцом две табуретки. И я узнал Олю из музея. Она похудела и, казалось, выросла, а чёрный платок делал её лицо строгим и как бы не от мира сего.

Парни поставили на табуретки гроб, отошли в сторону, открывая доступ к телу, и раскрыли над покойником зонты. Люди, вытягиваясь в очередь, потянулись к гробу.

У Пети был вид усталого человека, которому наконец-то позволили прилечь, но он вот-вот готов подняться и снова идти помогать. И будить его не хотелось, и в тоже время: а как без него?

Я осторожно потянулся губами к Петину лбу, неловко качнулся и коснулся подбородком колючей щеки. И вдруг неожиданно почувствовал спокойствие, которое всегда ощущалось рядом с этим человеком. Оно и сейчас чудесным образом исходило от него, разгоняя давивший до этого морок. словно он говорил: я с вами, только вот отдохну малость.

Я распрямился, и по моему лицу лёгкими иголочками закололи капли: это я вышел из-под зонтов, которые держали над Петей парни. Кто-то схватил меня за руку, я невольно вздрогнул, но тут же узнал директрису музея: она стояла у гроба, скорбная и величественная, сама похожая на музейный экспонат. А я подумал, что у Пети не осталось родственников, и музейные работники — это и есть его самые близкие люди.

— Спасибо, что приехали, — сказала она.

Что я мог ответить? Я кивнул.

Она продолжала удерживать меня.

— Скажете несколько слов на кладбище?

И опять я кивнул. Тогда меня отпустили, и я отошёл на прежнее место. Тут же подошёл человек с бородкой.

— А вы видели, что у него рассечена бровь? Они так и не смогли её как следует замазать. И потом: проволока — это не орудие самоубийства, — сказал он даже несколько весело, словно ему только что удалось разгадать кроссворд.

— Какая проволока? — нехотя спросил я.

— Его нашли повесившимся на проволоке, — оживился собеседник. — Вы разве не знали? Так это ведь невозможно! Что, у него верёвки в доме не нашлось? Если, как убеждает следствие, он и в самом деле готовился к самоубийству, и как доказательство приводят его завещание, то что же он нормальной верёвки подготовить не смог? Е-рун-да! Им просто не хочется вешать на себя заведомо нераскрываемое дело. Или связываться с теми, кто приходил к Петру ночью...

Стук молотков прервал завязывающуюся было беседу, и я успел отойти к гробу. С директрисой было спокойнее. По крайней мере ничто не мешало думать хорошо о Пете.

21

Погост, выросший на берегу большой реки, конечно, отличается от привычного сельского кладбища, укутанного травой и тенями от скорбных деревьев и прошлого: здесь просторнее, больше ветра и света. Оно свежее, дух уныния быстро выветривается отсюда, и когда директриса, представив, подтолкнула меня к гробу, я заговорил о Любви. О том, что вот не стало среди нас человека, который отдал себя на служение людям, а это и есть Любовь. Но это не значит, что Любви в мире стало меньше. Любовь, которой он щедро делился с нами, не могла не остаться в нас, хотя бы малой частичкой, хотя бы малым семечком. И мы должны так же де-

литься Любовью, которой одаривал Петя, с окружающими нас, тогда и мир вокруг станет другим. И Петя... Он же не оставляет нас. Его просто повысили, переведя в небесные полки. Сверху ему будет проще спешить к людям на помощь, только нам надо научиться слышать и понимать то, что приходит свыше. И помнить, что это самое свыше — действительно есть. И оно любит нас... Как-то так я сказал и отступил к директорисе.

Тут же на освободившееся место дёрнулся дядечка с бордкой, но директориса остановила его.

— После выступите, — и подала знак четырём молодцам, которые уже стояли на изготовке с верёвками и лопатами...

С кладбища сельчане отправились в бывшее здание школы, где теперь была гостиница для туристов, а при ней в переоборудованной бывшей школьной столовой располагалось кафе. Там накрыли столы: традиционные щи и рис с изюмом, чтобы помянуть и не разгуляться. Впрочем, местные нанесли пирогов с блинами, так что трапеза выглядела чуть ли не празднично.

После поминальной рюмки поднялся дядечка, которому не дали слово на кладбище, и спросил:

— Можно мне два слова?

— Говорите, — разрешила директориса.

— Во-первых, — начал тот, — я хочу представиться: долгое время я работал в прокуратуре следователем по особо важным делам...

И я вспомнил, откуда знаю этого человека. Да это же Порфирьев! Эдуард Фёдорович. Надо же, я даже имя-отчество помню!

Эдуард Фёдорович прославился в своё время разоблачением либеральных властей, выворачивал наизнанку всяческие махинации, раскрывал глаза на очередные дутые проекты, в общем, громил и обличал. Как-то он приходил ко мне в редакцию и принёс для журнала статью в том же ниспроверяющем духе. Только тогда он был без бороды. Да и привёл-то его Петя. Точно! Петя представил его и сказал, что это хороший человек, настоящий борец за справедливость, и просил прочитать его статью. Я никогда не читаю тексты при авторах: сам знаю, как болезненно воспринимается, когда человек, сидящий напротив, хватается карандаш и начинает черкать по выстраданному тобою тексту. А если б вы знали, какая мука при этом для черкающего — видеть полный недоумения и ненависти взгляд автора! Ужас! Тогда мы просто поговорили, обрядово по-

ругали власти, предали анафеме Запад и, расставаясь, пожали друг другу руки. Но вот вечером, начав читать принесённую статью, я не мог отделаться от чувства, что меня окунают в ведро с помоями. И получают при этом удовольствие. Конечно, жизнь у нас не сахар, и обо всём вроде бы говорилось правильно, более того, я готов согласиться с каждой отдельно взятой фразой, но вот соединённые вместе они производили удручающее впечатление. И в то же время я чувствовал, как тёмная сила ненависти, разлитая по статье, перетекает в меня: хотелось рвать и метать, устраивать баррикады и кидаться булыжниками. Я долго не мог уснуть, всё мне мерещилось, что пишу прокламации и произношу трибунные речи, а когда удалось забыться, то снилась всякая дрянь.

Через пару дней Эдуард Фёдорович пришёл без Пети, и я сказал ему, что не смогу напечатать его злободневную статью, не наш, мол, формат, и мы вообще занимаемся исключительно литературой.

— Понятно, — протяжно вздохнул он, словно ничего другого и не ожидал, и небрежно так бросил: — Вам, как мне известно, денег из бюджета пообещали...

Моя рука, протягивающая рукопись застыла в воздухе, я даже, кажется, покраснел, потом собрался и положил рукопись рядом с гостем.

— Это не имеет никакого отношения к вашей статье.

— А-а, все вы одним миром мазаны. Вам только помаша пальчиком, пообещай копеечку, и вы тут же готовы на задних лапках бежать. Правильно Ленин про вас говорил.

Я молчал, чувствуя, что всякое слово вызовет десять ответов. Эдуард Фёдорович сказал ещё что-то справедливо-обидное и, не дождавшись от меня никакой реакции, забрал рукопись и ушёл. На прощание, пророчески возвысив голос, предрёк:

— А денег вы всё равно не получите. Надуют вас.

Про деньги следователь почти не ошибся. И хотя особо я на них не рассчитывал (тоже знал, что надуют), но желание обрести достаток и возможность нормальной работы всё же пощипывало.

Как ни странно, деньги нам дали. Меньше, конечно, гораздо меньше, чем обещали, но это в традициях дающего. Власть постепенно всё больше обретала уверенность и уже могла сама решать, кому с ней по пути. Эдуарда Фёдоровича в конце концов хитро подставили (как говорили одни), под-

сунув фальшивый компромат, а, может быть, он и сам зарвался (как говорили другие), уверовав в свою непогрешимость, но из органов уволили. Он протестовал, устраивал акции и голодовки, но из моего поля зрения выпал. И вот — свидетелись...

Тем временем он произносил пламенную речь и чем-то напоминал Ленина на трибуне. Он, как всегда, резал правду-матку. Что никакое это не самоубийство, что медэкспертиза — полная туфта и писалась со слов участкового, он докажет это в два приёма; что не была даже предпринята попытка выяснить, что за ребята приходили к Петру Брашникову ночью, вроде как заблудившиеся в пещере туристы, а кто они, отчего такой беспорядок в его доме, и если уж пишется завешание, как убеждает нас в этом следствие, то почему хватаетея первый попавшийся под руку моток проволоки... В общем, говорил он опять справедливо. Но была в этих его справедливых словах какая-то червоточинка, отчего многие сидели, поникнув головами. Словно Порфирьев говорил что-то неприличное, словно пришёл в храм и стал требовать, чтобы во время службы прекратили торговать свечами.

И тут я понял, почему его справедливая речь вызывает такой неприятный осадок: в нём совершенно не было благоговения. Всё было правильно, а благоговения не было — и от того не ложились на сердце его слова. И вдруг услышал его насмешливый голос: «А перед кем благоговеть-то? Перед этими, которые называют себя образом Божиим? Перед законом, что ли, благоговеть»? Я смутился, но подумал, что благоговеть надо перед вечностью, которая сегодня открывалась нам.

— Правильно! — раздалось с другого конца стола. — Надо потребовать эксгумации трупа!

— Обязательно! — подхватил обрадовавшийся Порфирьев и вспыхнул с новой силой, словно в угасающий костёр прыснули керосину.

За столом развернулась дискуссия, каждый начал излагать свою версию происшедшего. Кто-то предложил помянуть покойного. На минуту шум смолк, но спорщиков было уже не остановить, они и выпили-то как-то спешно, чтобы не потерять азарта, словно ныряльщики, которые, сделав глоток воздуха, тут же уходят на глубину.

— Пойдёмте, — шепнула мне директриса.

Она поднялась, за ней встали ещё несколько человек, и мы вышли из бывшей школьной столовой. Набирающий обороты митинг нашего ухода не заметил.

На улице было тихо и торжественно-печально. Даже дождик завис, словно ожидая разрешения: пролиться ему на это село или уж двигаться дальше. И воздух, наполненный влагой, был тягуч и по-осеннему насыщен запахами уходящего лета.

Как само собой разумеющееся, мы шли к музею. Там, опять же как само собой разумеющееся, стоял накрытый стол. Сели, словно всё было предуготовлено, и каждый знал свои места. Я налил в рюмки водки.

— Давайте помянём, — сказала директриса.

И снова воцарилось спокойное молчание, которое редко случается и меж двух людей, а тут нас находилось шесть человек.

— Он последнее время сильно болел... Так радовался весне... Пасха радостная была. Нам тут министерство разные преобразования наобещало: будем музейный комплекс организовывать, территорию расширили, концертную площадку сделали...

Я кивнул.

— Летом он ещё ходил в музей, а как пошли дожди, так уж больше не появлялся. Мы, конечно, не забывали. Ольга за ним присматривала, она недалеко живёт...

Оля низко опустила голову и убрала руки под стол.

— Теперь вот не знаем, что делать... — закончила директриса и посмотрела на меня.

— В каком смысле? — не понял я.

— А вы разве не слышали про завещание? Он накануне написал завещание: свою библиотеку, а она у него огромная, передал музею, а дом завещал Ольге.

Все посмотрели на Олю.

— Я ничего не просила, — прошептала она.

— Продайте, — сказал я.

— Что «продайте»? — спросила директриса.

— Дом.

Теперь все смотрели на меня.

— Скорее всего Петя хотел и дом музею оставить, но вы представляете, какая волокита бы началась, да и не оформили бы никогда на музей. В общем, он мудро поступил. Помещений у вас сейчас, говорите, прибавилось? Так что для библиотеки место найдётся. Назовите её Петиным именем, Оля пусть будет библиотекарем, а дом продайте. Деньги поделите так: во-первых, обустройте могилу. Во-вторых, обустройте библиотеку. Если из министерства заинтересуются, на какие шиши, скажите: население помогает, народная, стало быть,

библиотека, они поверят, там? и в самом деле думают, что у населения денег полно и девать их некуда. В-третьих, после продажи всем работникам дайте по сколько-нибудь денег, но только в равных долях — и сторожу, и директору. Ну, а в-четвёртых, отправьте Олю в Иерусалим.

Тут и Оля подняла на меня большие влажные глаза.

— Она там помолится — и за всех вас, и за Петю.

Откуда это всё возникло у меня в голове, что я нёс?

Видимо, так же думали и сидящие за столом.

А я даже никак не мог пояснить то, что говорил. Я вдруг почувствовал, что не случайно приехал, что не случайно сказал на кладбище про Любовь, не случайно меня подняли из-за поминального стола и привели в музей, и всё, что я сейчас сказал, было не случайно, а теперь, когда я исполнил то, что должен, — пора и домой. На душе стало легко, словно освободился от довлеющего груза. Причём даже неважно было: в точности ли исполнят они то, что слышали, или распорядятся иначе, моё дело было сказать. Как говорится, проку-карекал, а там хоть солнце не вставай.

За столом продолжали осмысливать услышанное. Я под-нялся.

— Да, писателей не забудьте. Устройте как-нибудь праздни-к. Петя писателей очень любил.

Никто меня не удерживал, словно и правда я пришёл сюда только лишь для того, чтобы передать Петину волю, а теперь могу быть свободен.

23

К пристани я шёл весело, чуть ли не напевал. Я только что пережил соприкосновение с чем-то необъяснимым, высшим. Это редкие минуты и такая радость. Хотя, конечно, смотре-лось глупо: человек идёт с похорон — и радуется. А я радо-вался. Радовался, что почувствовал то иное бытие, которое всех нас ждёт, радовался, что и я, погрязший в земных забо-тах, кажущихся бессмысленными и никчёмными, всё-таки сподобляюсь такого причастия. А стало быть, не всё так без-надёжно — может, ещё и спасёмся. Этому я и радовался.

Я даже особо не расстроился, когда мимо пронеслась боль-шая чёрная машина и забрызгала мне плащ. Да я и не заме-тил её, хотя, кажется, мне сигналили, а потом ещё водитель кричал, опустив лобовое стекло... Ну ладно, виноват, про-стите...

Показалась пристань, я свернул с дороги, которую не-сколько лет назад построили к приезду президента (вот она, конкретная польза от визита властей!), и стал спускаться по

скользкой тропе. Когда до пристани оставалось метров пятьдесят, я поднял голову и увидел на ней бородатого, который что-то яростно доказывал стоявшим перед ним чуть ли не навтыяжку трём пассажирам.

Ужас, настоящий ужас охватил меня. Ноги очугунели, но я продолжал переставлять их в направлении пристани. Меня заметили. Порфирьев перестал жестикулировать, пристально посмотрел в мою сторону и помахал рукой. А я представлял, как два часа буду слушать его версии убийства, а также про Ольгу, которая заставила написать завещание, а потом подговорила хлопцев на преступление... Наверняка ведь потянет потом в какой-нибудь комитет, заставит, поди, подписать составленное обращение, а я не смогу отказать... Господи! Ну почему Ты касаешься души на такое малое время, почему сразу же в неё лезут эти козлобородые? Откуда они вообще? Зачем, Господи? Так хорошо с Тобой, а эти — зачем?

Вдалеке показался катер, плывёт себе, перевозит людей туда-сюда, и никакого дела ему нет, какие на берегу страсти. А тут вон ожидающий хитрый прищур: а ну-ка, батенька, расскажи, что делал в музее? Деньги ходил делить, поди, и на писателей долю урвал?

— Эдуард Фёдорович! Эдуард Фёдорович! — донеслось сзади.

Хитренький прищур развеялся, как дым, появились замешательство и неуверенность. Я почувствовал, что взгляд уже обращён не на меня, а куда-то дальше. Порфирьев опустил руку, а меня чуть не сшиб сбегавший вниз человек. Я оглянулся. Наверху стояла большая чёрная машина, которая минут двадцать назад обрызгала меня.

Я снова повернулся к пристани. Обогнавший меня человек и Порфирьев о чём-то спорили. Порфирьев указывал в сторону приближающегося катера, а человек — в сторону машины. Наконец человек схватил Порфирьева за рукав и чуть не силком потащил с пристани. Порфирьев вырывался, но не удержал равновесия и наверняка бы упал, но человек поддержал его и ещё крепче перехватил руку. Порфирьев присмирел, что-то буркнул, кивнул ошалевшим трём пассажирам, выдернул руку и пошёл по трапу на берег, а человек двинулся за ним.

Я поспешил уступить дорогу и сошёл с тропы.

Проходя мимо меня, Порфирьев изобразил улыбку, но она показалась мне злобной.

— Из прокуратуры приехали, — сообщил он. — Хотят выслушать мою точку зрения. Спыхватились. Факты у них какие-то ещё... В общем...

Я молчал, прямо глядя на его поникшее лицо.
— В общем... — неуверенно повторил Порфирьев, а сопровождающий подталкивал его в спину. — Я найду вас в городе.

«Ничего ещё не кончилось, ничего», — подумал я и пошёл к пристани.

24

Всю дорогу я переживал происшедшее. Не похороны, не откровение в музее и не обещание найти меня в городе — всё было как некие декорации... По-настоящему я переживал те полчаса радости и свободы, пока шёл от музея к пристани и мне казалось, что Бог коснулся меня. А потом — чувство вышней борьбы, о которой я даже помыслить не могу, но она идёт, идёт, и мы здесь, на земле, даже не подозревая, участвуем в ней... Может ли солдат, защищающий незначительную деревеньку или даже овражек подле этой деревеньки, знать планы генерального штаба? Ну, общий-то план понятен: победить! Но как? А тут куда выше генералов...

А ещё я почувствовал, что уехал из города тоже не просто так, а промыслительно, и что-то непременно произошло, пока я выпал из общей суеты.

Так и случилось. На следующий день оказалось, что предназначавшуюся мне работу над одной громоздкой и денежной книгой отдали другому издательству. Материально это, конечно, напрягало, даже сначала обескуражило, но в то же время я и обрадовался: у меня вдруг образовались две недели, которыми я мог распоряжаться по собственному усмотрению.

И я сел писать этот рассказ. Это были счастливые две недели, потому что вспоминать о хороших людях — всегда радость.

Но самое главное, я всё время старался помнить про чудесные полчаса, дарованные мне, и так хотелось, чтобы — хоть мигом — то светлое чувство коснулось тех, кто прочтёт рассказ. Хотя... разве под силу человеку передать это?

БРАТЬЯ

Братья очнулись практически одновременно, будто кто-то потянул за общую ниточку и сказал: пора. Паша сел на кровати и поначалу недоуменно разглядывал узкую комнатку, пустые бутылки на столе и полулежащего в кресле брата.

«Даже не разделся, — то ли осуждающе, то ли жалеючи подумал Паша и ощутил себя: — Собственно, я тоже...» А вслух сказал:

— Деньги-то хоть остались? — и голос его был сух, словно шелест осеннего ветра.

Саня приоткрыл веки, но они тут же сами и захлопнулись. Затем последовал стон, который, как известно, песней зовётся, а в ней сокрыта вера и надежда. Только очень глубоко.

— Не могли мы всё за раз ухайдокать. — И Паша стал шарить по карманам. — А где мой пиджак? Вот он. — Паша увидел пиджак на полу и попробовал наклониться за ним, но тут же ощутил всю мощь земного притяжения, в башке замутилось, и он резко вернулся в прежнее положение. — Так, — определил он, — пиджак на месте, — и сделал следующее заключение: — А вот в мире как-то нехорошо. Ты-то как? — попытался втянуть в разговор брата.

Тот на этот раз не издал ни звука, но слабо пошевелил рукой, что, судя по всему, свидетельствовало о солидарности с миром.

— Ну и ладно, — порадовался за брата Паша и продолжил вхождение в действительность. — А сколько сейчас времени?

Тут брат даже шевелиться не стал, потому что вопрос больше принадлежал вечности. Паша, посмотрев в сторону окна, заключил:

— Судя по всему — утро. Причём хмурое. Чего, у тебя даже часов нету? А у меня есть, — радостно вспомнил Паша и поднёс левую руку к глазам, долго щурился, а потом констатировал: — Ни хрена не пойму: то ли без пятнадцати десять, то ли без десяти девять.

Он ещё какое-то время то приближал, то удалял от глаз руку, потом решил:

— Всё же ближе к десяти. Так что пора вставать. Душ-то у тебя функционирует?

Тут Саня кивнул, отчего качнулся вперёд и глаза раскрылись сами собой, как у говорящей куклы.

— Ма! — произнёс он.

— Какая ма? — не понял Паша.

Видно было, как Саня собирается с силами.

— На ххх... — тут выдох закончился и брат снова откинулся на спинку кресла, и глаза закрылись.

— Н-да, — произнёс Паша и задумался: начиналось-то всё, как всегда, правильно. Позвонил брат, сказал, что у них перед началом учебного года аврал на складе, даже спецбригаду сколотили, но один студент не выдержал, а тут как раз последний день, нужна подмога, и начальник обещал хоро-

шо заплатить. У Паши, работавшего охранником сутки через трое, был как раз выходной. В такие дни обычно он таксовал. Или брал пиво и смотрел футбол. «Ты когда починешь шпингалет в ванной?» — донеслось из ванной. И это было решающим аргументом. «Брату надо помочь», — сказал Паша и стал собираться. Ну, и повкалывать вчера пришлось! Как в молодые годы. В армии, помнится, прилетел грузовой «Ан», битком забитый контейнерами с техникой, им говорят: до захода солнца самолёт должен улететь. А их всего десять. На целый «Ан». «Н-да», — покачал головой Паша, вспомнив, как их потом завезли в столовую, полную всякой еды. А есть совершенно не хотелось, тошнило, и хотелось рухнуть и не двигаться. А, кстати, начальник канцелярского склада не обманул — нормально заплатил. И они отметили сначала бригадой, потом... Потом с самим начальником, потом... Вот те хмурое утро...

— Деньги всё-таки зло, — заключил наконец Паша. — Ладно, копи силы, а я пойду. — Он попробовал встать и тут же схватился за угол шкафа. — Ёпсель-мопсель. Ну и штормит, — удивился он. — Что-то давненько я так не радовался жизни, — и то ли с грустью, то ли с гордостью добавил: — Старею... — И осторожными шажками пошаркал к двери.

Через несколько минут из-за двери раздался истошный вопль, Саня в ужасе распахнул глаза и вцепился в подлокотники кресла. Раскрылась дверь, и в комнату вошёл мокрый Паша, неся перед собой скомканную одежду.

— Чё эта старуха у тебя орёт, она что, голого мужика не видела? А ты чё?

— Тя... те... тю... — залепетал Саня.

— Приснилось что? — Паша бросил одежду на кровать. — Я чего, знаю, какое там чёё полотенце? У тебя есть полотенце? — Он распахнул шкаф и стал там ковыряться. — О! — он вытащил невзрачного вида материю и развернул её. — Простынь, что ли... Сойдёт. — Паша протёрся ею и обернул вокруг доброго пуза. — Фух, — выдохнул он и сел рядом с комом одежды. Лысина его блестела, огромные груди свисали на обвивавшую тело простынь, а наколотый на предплечье тигр хищно лыбился — до сходства с Буддой Паше не хватало грамм сто пятьдесят. А лучше двести.

— Вставай! — решительно произнёс Паша.

— На... — отозвалось из кресла.

— Не на, а поживём ещё. — Затем старший брат объявил задачу: — Прими душ и старуху проверь, а то как бы кондрачий её не хватил, отвечай потом. Давай, давай. — Паша, разбирая ком одежды, вдруг воскликнул: — О! Вижу! Я уж думал

ослеп с этой водки. Десять часов! Вставай-вставай. Уже магазины открылись. Так. — Паша поднял с пола пиджак и уверенно полез во внутренний карман. — Деньги на месте! Рота, подьём! — Однако это на неслужившего Саню не произвело никакого впечатления. Тогда Паша бросил пиджак и точно так же приподнял за шиворот брата. Тот оказался на удивление податлив, но неустойчив. — Да стой ты! — И так тряхнул брата, что тот чуть не вытек из пиджака, после чего весьма членораздельно выдвинул условия:

— Сначала в туалет.

— То-то же, — согласился Паша и поволок слабое тело в коридор.

Оттуда снова раздался истошный вопль.

Когда они вернулись, Паша проворчал:

— Ну и соседи у тебя... Она что, ненормальная?

Голова Сани тоже была мокрая, но, судя по тому, что он оставался одетым, обошлось без душа.

— Это наша заводская белая кость. Она у нас в парткоме работала.

— А как же она в твоём бараке оказалась?

— Дети квартиру продали.

— Вот я и говорю: детьми надо заниматься, а не по собраниям бегать. А вторых соседей что-то не видно.

— Так они в школе. Сегодня ж первое сентября.

— Ах, да. Ну у тебя и соседи: партийцы да интеллигенция.

— Ну да, интеллигенция, — хмыкнул Саня, — она уборщица, он слесарь, а сын на зоне.

— Ну вот, все при деле, это в наше время редкость. У тебя же вот нет постоянной работы.

Саша вздохнул, но как-то без сожаления, ну, нет и нет. Потом перевёл взгляд на стол, и вздох его получился более глубоким.

— А у нас всегда так, — отозвался Паша, напяливая на себя одежду. — У нас характер такой: мы либо работаем, либо гуляем, нам эти растягивания одной рюмочки за вечер противны. У нас то посевная, то уборочная, то зима наступает, то лето, то Путин приезжает, то ещё какой праздник. Вся жизнь авральная. Мы по тридцать лет на печи лежим, но уж если допекут, то уж извиняй. Ну, я готов!

Саша всё ещё изучал стол.

— Ну, чего уставился? — поинтересовался Паша.

— Даже сигарет не осталось.

— Конечно, не осталось. Мы ничего после себя не оставляем. Пошли, сейчас всё купим, поправимся, а дальше уже думать будем.

На улице было хмуро и неуютно: висели тёмные патлатые облака, и по идее должен идти дождь, но его не было; было тепло, но стоило задуть ветру, как становилось зябко — такое чувство, что и природа была с похмелья, и никак не могла определить, в какую сторону качнуться: то ли перетерпеть, то плюнуть на всё и выпить. Погода, впрочем, особо братьев не заботила. Пройдя ещё два таких же двухэтажных унылых домика, построенных в послевоенное время, они зашли в третий, на первом этаже которого красовалась вывеска «Продукты» и нарисован виноград с бутылкой.

— Где? — спросил Паша, когда они зашли в магазин. Саня кивнул направо, и Паша на ходу достал деньги и так и застыл с протянутой рукой. — Не понял.

Весь винный прилавок был завешен куском полиэтилена через который угадывались бутылочные очертания, но посреди полиэтилена висела красная ленточка, какие обычно перерезают по случаю торжеств. Паша призывно помахал рукой с деньгами, но никто к нему не поторопился. Паша поднёс к глазам другую руку.

— Ну, двадцать минут одиннадцатого, — и громко позвал: — Эй, аллё! Есть здесь кому перерезать ленточку и сделать мир прекраснее? — Опять возникла незаполненная пауза, и Паша возмутился: — Слушайте, уже половина одиннадцатого! Что за бардак!

Приоткрылась дверь в подсобку, и обозначилась дородная женщина, и, не явив себя полностью, устало и с некоторым неудовольствием заученно произнесла:

— Мы сегодня алкоголем не торгуем, — и, как бы предупреждая раскрывшего рот Пашу, добавила: — А будете орать, вызовем милицию.

— Милиции-то уж нет давно, — хихикнул из-за плеча Саня.

— Кого надо, того и вызовем, — нахмурилась женщина и закрыла дверь.

Паша, всё ещё с открытым ртом, обернулся к Саше.

— Может, у них учёт? — предположил младший брат.

Паша опустил руку и некоторое время что-то осмысливал.

— Ладно, веди в другой магазин.

— Пошли в универсам.

Теперь идти пришлось дольше, и они дошли до пятиэтажек, где посередке на месте бывшей давно развалившейся хоккейной коробки стоял красочный ангарчик, будто инородное тело среди серых будней. Там перед двумя стеллажами с бутылками висела цепь. Паша дотронулся до цепи, она звякнула и качнулась.

— Настоящая, — промолвил Паша и возмутился: — Что происходит?!

Он буквально схватил молодую девчушку, которая раскладывала на противоположных стеллажах печеньки и повторил вопрос:

— Что происходит?

Та испуганно моргнула глазами, и Паша понял, что перестарался, разжал руку и решил быть вежливым:

— Скажите, а почему закрыт отдел? Вроде у нас в городе с десяти торгуют.

— Так сегодня же праздник, — пролепетала девчушка.

— Ну! — почти обрадованно воскликнул Паша и продолжил наводящим вопросом: — И?

— Так по праздникам не торгуем.

Паша замотал головой.

— Ничего не понимаю. Если праздник, то почему «не торгуем»? Что за ахинея?

Девчушка уже пришла в себя и пояснила:

— Это не ахинея, а распоряжение губернатора.

— Какого ещё губернатора? — Паша опять стал заводиться.

— Нашего, — спокойно и даже с некоторой гордостью ответила девчушка и, чувствуя, что правда на её стороне, покатила тележку с печеньками дальше.

Паша оборотился к Сане.

— Ты чего-нибудь понимаешь? Что произошло в мире за этот несчастный день, что мы гробились на складе? Почему в праздники нельзя продавать алкоголь? На кой тогда вообще эти праздники?

Саня на все вопросы только моргал и делал бровки домиком.

— Кстати, а какой сегодня праздник?

Тут Саня пожал плечами.

Паша бросился догонять девчушку с тележкой, потом вернулся ещё более ошарашенный и доложил:

— Сегодня первое сентября. Это, блин, оказывается, теперь праздник. Я вообще ничего не понимаю: ну, у детей праздник, так им и так продавать не положено, а мы-то причём? Хватит с меня, что мы вчера умирали на этом складе. Это что вообще... Губернатор ещё, он что, совсем с катушек съехал?

— Слушай, а пошли в винный погребок.

— В какой ещё погребок! Она говорит, что вообще не торгуют. Во всём городе! В области!!!

— Ну, это в таких, в общих магазинах, наверное, но чисто винные не могут же закрыть.

Паша задумался: в этом виделась хоть какая-то надежда.
— Там, кстати, и столики стоят, сразу и выпьем, — добавил Саня.

Это был аргумент, но Паша всё же пробурчал:

— От наших властей всего можно ожидать, — и вздохнул: — Слишком далеки они от народа. Ну, пошли, показывай свой погребок.

Винный магазин находился в полуподвальном помещении одной из пятиэтажек, на его двери висело объявление: «1 сентября в связи с распоряжением губернатора магазин не работает. Позаботьтесь о празднике заранее».

— Суки! — Паша со всей злости ударил по двери. — Вот не хотел на выборы идти, теперь специально пойду.

— Что делать-то?.. — растерянно проговорил Саня, и в его голосе слышался не вопрос, а обречённость.

— Пойдём хоть пива выпьем.

Но и пиво не продавали. После мотаний по всему микрорайону выяснилось, что спиртное можно купить только в ресторане. Братья добрались до двухэтажного особняка, но ресторан открывался только в два. Паша опустился на стоявшую чуть поодаль особняка лавочку и уставился в небо, лицо его было измученным и жалким, словно у отвергнутого нищего.

Саня присел рядом. Он тоже устал, два часа представлялись ему вечностью.

Рядом что-то громко ухнуло, и по окрестностям прокатилось тревожное эхо, потом послышался скрежет, шум, что-то заворочалось, задвигалось, застучало.

— Строят чего-то, — определил младший брат происходящее.

Паша шумно вздохнул и, не отрывая глаза от неба, произнёс:

— Слушай, Сань, неужели в аду хуже?..

Саня пожал плечами и тут же подскочил:

— Паш, а пошли в церковь!

Паша опустил глаза на брата.

— Ты чё? Думаешь, Бог нас услышит?

— Я не об этом. Там кагор продают. В лавке. Я сам видел. В том году, когда после стройки вокруг храма убрали, я там калымил. Так вот я точно помню: в лавке был кагор. А церковь-то у нас от государства отделена. Сечёшь, а?

— Слава Богу! — произнёс Паша, поднялся и, широко перекрестившись, скомандовал: — Пошли!

До церкви пришлось идти в обратную сторону, за ней уже тянулось городское кладбище. Сама церквушка была белень-

кая и аккуратная, как хохлятская мазанка. И внутри она показалась уютной и домашней, и даже стоящий посередине небольшой гробик, покрытый синей тканью, только добавлял всей обстановке умиротворённости. Паша вздохнул:

— Детей всегда жалко.

— Вон, — ткнул его в бок Саня, указывая глазами на оказавшийся за спинами прилавок.

Паша обернулся: на небольшом столике были разложены книги, за столиком сидела женщина переходного возраста, то есть на родительские собрания ей уже ходить было поздно, а чесать языком на лавочке у подъезда рановато. За ней были полки, на которых были расставлены иконы, ещё книги, а в самом углу бутылки, пластмассовые, судя по всему, с маслом, а вот тёмно-зелёного стекла, этикетка которой, правда, прикрывалась белой бумажкой, — то, что надо. Паша приблизился и, не обращая внимания на всё более испепеляющий взгляд женщины, прочитал: «Церковный кагор. На пожертвование в алтарь».

«И тут всё непросто», — подумал Паша, а вслух как можно увереннее сказал:

— Почём у вас кагор?

— Это на пожертвование! — отрезала женщина: так предупреждают родственников в больнице, когда приходят в тихий час.

— Ясно, в алтарь, — ещё увереннее произнёс Паша, он сам работал охранником и умел разговаривать с посторонними.

Женщина, услышав слово, прозвучавшее для неё магически, несколько растерялась.

— Так сколько?

— Двести, — сказала она.

— Это по-Божески, — согласился Паша. — Нам два, — и понял, что допустил ошибку: женщина тут же приняла боевую стойку.

— Это в алтарь!

— Я понимаю, — пошёл на попятную Паша. — Так и нас двое. Один за меня, а другой за брата, — и он показал на Саню. — Мы ж братья, — совсем проникновенно произнёс он и протянул деньги.

То ли деньги, то ли слово «братья» опять размягло женщину, и она спросила:

— О здравии записать?

— О! Конечно, о здравии!

— Кого? — спросила женщина и, взяв ручку, приготовилась писать.

— Павла и Александра, — подал сзади голос Саня.

Паша удивлённо оглянулся, а женщина, записав имена, снова приняла позу ожидающего вдохновения писарчука.

— А можно ещё кого-нибудь записать? — спросил Паша.

— До десяти имён.

— О как! — снова обрадовался Паша. — Тогда пишете, — и он назвал имена жены, детей, и задумался: называть тещу или нет? Ей уже было под восемьдесят, и крови она попила изрядно. — Ладно, — махнул рукой Паша, — Изольда.

Женщина остановила в полёте ручку.

— Это неправославное имя, — строго сказала она.

— Я так и знал! — воскликнул Паша, а потом растерялся: — А как же быть? Нет, её надо помянуть. Она хоть и теща, но всё ж это... теща...

— А она крещёная? — ещё строже спросила женщина.

Паша задумался, но почему-то не о теще, а о себе: а я? Я-то крещёный? И стало так неуютно и грустно. Детей крестили... Жена крестила. А жену заставила теща. Стало быть, с ней понятно, а я?

— Надо как-то записать! — потребовал Паша, и в голосе прозвучала такая уверенность, что женщина задумалась. — Она моих детей крестила, так что надо.

Женщина достала толстую книгу и стала листать.

— Давайте запишем как Исидора.

— Давайте, — обрадовался Паша. И подтолкнул Саню. — А ты чего стоишь?

— Да я... я ж один...

Паша поскрёб в затылке.

— Жалко, у нас ещё четыре вакансии.

— А может, — вдруг обрадовался Саня, — мне соседней записать?

— А чего, давай. Ещё одно имя осталось, — задумчиво произнёс Паша на вопросительный взгляд женщины. И снова почесал затылок. — Вот ведь... Тут ведь никак промашки быть не должно.

Перед ним всплывало множество лиц, он отмахивался от них, словно отодвигал в сторону, и каждый раз ему становилось неловко от того, что он отодвинул человека. Да я помню, как бы обращаясь к каждому, говорил он, но тут только одно место. И ему становилось жаль всех, столпившихся за его спиной...

— Ну? — не выдержала женщина.

— Не знаю, — растерянно произнёс Паша.

— Ну, так и отдадим, — сказала женщина, сложила записочку, достала из-под прилавка сначала одну бутылку, потом

вторую, поставила их в сторонку, приложила к ним записочку и, довольная, посмотрела на братьев: всё?

— Так это... — несколько растерялся Паша. — Давайте нам... это...

— Чего? — не поняла женщина.

— Кагор.

— Так я передам.

— Кому? — теперь явно не понял Паша, потому как ни в чьих других руках бутылки не представлял.

— Батюшке, в алтарь.

— Нет уж, давайте мы...

— Да как же вы? Батюшки-то и нет: он в школу пошёл, вот придёт, я ему и передам.

— Нет, — начал уже качать права Паша, чувствуя, что и тут добыча уходит. — Мы деньги отдали, так и товар отдайте.

— Это — в алтарь, — отчеканила женщина и, прищурившись, точно как тёща, спросила: — Вам-то зачем?

Паша задохнулся от такого безобразия, он, правда, ещё никак не мог понять: издевается над ними женщина или она просто дура, но и разбираться в этом было некогда, надо было спасти ситуацию.

— Ты это... — начал он не то чтобы угрожающе, а скорее предупредительно погрозил пальцем. — Отдай.

— Нет, — и было понятно, что за пожертвованное добро она будет стоять до конца.

— Не нагнетай, — ещё раз предупредил Паша и навис над прилавком.

— Вы чего тут, братья, шумите? — услышал он вдруг сзади тихий голос.

Обернувшись, он увидел невысокого человека в длинной чёрной одежде, поверх которой была накинута куртка, вид у мужчины был усталый, а борода простая, с седыми прядками. «Вот и батюшка, понял Паша, — попались».

Женщина сразу выскочила из-за прилавка и подскочила к священнику, сложив ручки и склонив головку. Тот её перекрестил и снова посмотрел на братьев:

— Ну?

— Вот, — Паша указал на женщину. — Она не отдаёт.

— Чего ты им не отдаёшь? — священник теперь смотрел на женщину.

— Они хотят кагор забрать.

Священник перевёл взгляд на братьев, потом на женщину.

— Ну и отдай им.

Паша аж икнул от неожиданности.

— Как же отдать?! Они ж его в алтарь пожертвовали! Две бутылки!

Батюшка призадумался.

— Это хорошо, что пожертвовали, — наконец определил он. — Две, говоришь? Это очень хорошо. Нынче жертвователей-то мало. Так давай их сюда.

Женщина мгновенно оказалась на месте и поставила бутылки на прилавок.

— Вот и записочка с именами.

— Так, — батюшка взял записочку. — Это тоже хорошо. Поставь пока, — сказал он женщине. — И это, вот что, Евгения Петровна, принеси-ка со склада свечей.

— Так вот же! — ответила женщина и показала на нераспакованные свёртки, лежащие у стены.

Батюшка опять призадумался.

— Ты других принеси. Больших.

— Зачем?

— Господи! Принеси и всё.

Женщина с явной неохотой выбралась из-за прилавка и пошла куда-то в боковую дверь.

Батюшка оборотился к застывшим братьям.

— Вы к плащанице-то прикладывались? Ладно, пойдёмте. Давайте, давайте, что застыли, как соляные столбы.

Батюшка подошёл к покрытому голубой тканью гробику в центре храма, перекрестился, опустился на колени, потом подошёл к гробику и трижды поцеловал ткань и книгу, лежащую на нём. Снова опустился на колени, поднялся, посмотрел на братьев и повёл рукой, приглашая их сделать то же.

Сначала пошёл Паша. Он несколько неловко опустился на колени, потом склонился над гробиком и увидел там изображение женщины, никак не похожей на покойницу. В женщине была радость и умиление. Паше показалось, что она смотрит на него и жалеет, как смотрела раньше мама. Особенно это чувствовалось утром, когда она поднимала его в школу. Он-то давно уже проснулся, но ему не хотелось вставать из кровати не потому, что хотелось ещё поспать, а потому что хотелось продлить минуту, когда он чувствовал, как маме жаль его будить, и как она его любит, и как хочет, чтобы всё у него сложилось хорошо. Наклонившись к гробику, он почувствовал запах. И это были не цветы, стоявшие вокруг, а что-то совсем уж невероятное, это был не запах, а именно благоухание, и невозможно было понять, что так пахнет, Паша никак не мог вспомнить, на что это может быть похоже. Он вздохнул глубже, но и так только ещё боль-

ше почувствовал, что вошло в него нечто иное, успокаивающее и примиряющее со всем окружающим. Тут его толкнули в бок. Это был Саня, который нетерпеливо переминался рядом. Паша нагнулся к книге в блестящем окладе, лежащей посередине, ткнулся лбом, и металл немного остудил его. Потом он приблизился совсем к лицу женщины, и ему сделалось страшно. Он никак не мог представить, что вот сейчас сможет поцеловать её лицо. Настолько оно было прекрасно и настолько Паша почувствовал себя мерзким: как он мог касаться, когда изо рта одна похмельная вонь, да и вообще?.. Он покосился на батюшку, тот смотрел одобряюще и даже слегка кивнул. Паша затаил дыхание и прикоснулся к плечу. Затем отошёл, опустил на колени, больно стукнулся лбом об пол и встал рядом с батюшкой. Поднялся с колен Саня, и Паша подумал: «Неужели я тоже такой обалдевший?»

— А это кто? — медленно произнёс Паша, даже боясь показать рукой на центр храма. — Кто помер-то?

— Богородица, — ответил батюшка. — И не умерла она, а уснула. Потому что смерти нет. — Он замолчал и смотрел в центр храма, где, укрытая плащаницей, лежала Богородица. — Разве это непонятно? — И в его голосе услышалась грусть, словно он говорит ученикам, что дважды два четыре, а те всё спрашивают: как да почему?

— Понятно, — поспешил успокоить его Паша, хотя всё-таки до конца не понимал, почему именно четыре, а не, скажем, пять, но чувствовал, что так. По крайней мере, он верил этому немного уставшему человеку, так как верил первой учительнице в школе.

— Ну, раз понятно, тогда пойдёмте. Дел ещё сегодня.

Батюшка двинулся к выходу и остановился у прилавка.

— Так, что вы там жертвовали-то? — и он взял с прилавка две бутылки кагора, к одной из которых была прикреплена записка.

— Эту я приму, а эту никак не могу. — И он сунул Паше бутылку без записки. — Идите с Богом.

Паша чувствовал в руках гладкое стекло, чувствовал увесистость содержимого и пребывал в растерянности.

Где-то в глубине храма послышалось, как открылась и закрылась дверь, брякнули ключи.

— Да идите уже, — почти приказал батюшка.

И Паша почувствовал, как Саня тянет его за рукав. Он хотел что-то сказать, но сзади уже слышались скорые шаги, и он вслед за Саней вылетел из храма.

Они отошли от храма и свернули в какой-то проулок.

— Фух, — выдохнул Саня. — Свезло-то всё-таки. Ты припрятать, а то несёшь, как знамя. Сбегутся ведь. Дай-ка, у меня карман-то глубокий, устроенный... А бабушка-то какой славный, прозорливец, как он нас сразу определил-то: чего, говорит, шумите, братья. Во! Откуда он узнал?..

— Точно, — как опомнился Павел. — Подержи, я сейчас.

Саня не успел сообразить, как остался один с бутылкой в руках. А Павел торопливо шагнул обратно к церкви.

Зайдя внутрь, он сразу направился к прилавку.

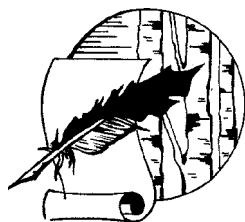
Женщина настороженно посмотрела на него и приняла оборонительную позу.

— Я вот чего, — начал Павел, и от его виноватого голоса женщина немного обмякла. — Я спросить хотел... А как бабушку-то зовут?

— Павел, — ответила она. — Протоиерей Павел.

— Вот-вот, — обрадовался Павел. — Там у нас же одно имя ещё осталось. Мы же девять записали, так? Вот. Запишите его, протоиерея Павла. Обязательно запишите.

г. Самара

Александр ЛАЙКОВ

ПРИВКУС ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

* * *

Листья ложатся мазками Ван Гога,
Старые птицы сбиваются в круг.
Сколько шагов остаётся до Бога?
Сколько ещё мы напишем, мой друг?

Первая изморось тронула травы,
Свищет над Волгой норд-вест ледяной...
Нет, я не жажду ни денег, ни славы —
Лишь бы Россия осталась со мной!

В мокром саду покосилась ограда,
Падают яблоки — белый налив.
Как хорошо в кутерьме листопада
Тихо насвистывать бодрый мотив!

Но заколочены ставни у дома,
Лозунг трепещет на шляпках гвоздей...
Я — современник эпохи разлома
И меркантильно-бесовских страстей.

Бедные души темнее, чем готы.
Что там расскажет потомок про нас?
Слово родное выходит из моды,
И зарастает тропа на Парнас.

Змейкой железною вьётся дорога,
Тянет полыньёю и пылью разлук.
...Сколько шагов остается до Бога?
Что же ещё мы напишем, мой друг?

ВЕРБЛЮЖЬЯ КОЛЮЧКА

Верблюжья колючка на жёлтом песке,
На красном солёном суглинке
Царапает небо в зелёной тоске —
Вокруг ни цветка, ни былинки.

Здесь летом бывает за сорок в тени,
А зимы бесснежны и люты.
Не встретишь ни суслика тут, ни змеи,
И редко пасутся верблюды.

Под зноем палящим живые кусты
Невзрачны, корявы и ломки...
А вот умудряются буйно цвести,
Багрянцем плеснув на иголки!

О, если упали бы капли дождя
Из рыжей задумчивой тучки!
...Учитесь добру и отваге, друзья,
У скромной верблюжьей колючки.

* * *

Здравствуй, Волга, и свежесть моряны,
Дом родной и дымок из трубы!
Как давно не бывал я в Икряном,
У истоков капризной судьбы!

Здесь без матушки холодно в доме,
Без любимой сестры и отца...
Лишь лампадка горит у иконы,
И Россию всю видно с крыльца.

В ней церковей златоглавые свечи,
А на травах роса, как слеза,
И звенит, где солотник, у речки
С мелодичным шуршаньем коса.

А в серванте тетрадки из школы,
Где лиловые кляксы с пера...
Здесь мои зарождались глаголы
Из уроков любви и добра.

Обмелели речные протоки,
И всё реже поют соловьи...
Я поэт переломной эпохи
С деревенской живинкой в крови!

А вокруг меркантильные нравы,
Нувориши стригут барыши...
Слава Богу, что эти отравы
Не спалили крестьянской души.

Хлещет время, как пиво из крана.
Вижу, предок седлает коня...
Все надежды мои и утраты
Бумерангом стреляют в меня.

* * *

Что мне делать совсем одному
Посреди мироздания и быта?
Серым волком поковылять на луну?
Да она облаками размыта...

Зажимаю слезу в кулаке:
Как пустынно без матушки в доме!
Отражается детство в реке,
Красный бакен горит на затоне.

Моеет косы над плёсом ветла,
Как вопросы, задумались цапли,
И стекают проворно с весла
Виноградно-багровые капли.

Это я так отважно гребу
По судьбе на студёном рассвете.
Кто там ждёт на крутом берегу?
Никого. Только чайки да ветер...

Возвращаюсь к родному крыльцу,
Где мои зарождались глаголы,
И частицы Вселенной — пыльцу
Собирают проворные пчёлы.

В. Х.

Седой романтик при свечах
Забыл о кнопке монитора.
Мерцают стрелки на часах,
И время виснет на плечах,
Как рваный плащ тореодора.

От самых ласковых времён
До одиночества в квартире
Он был бесстрашен и умён,
И в божьем храме окрещён,
Но задыхался в грешном мире.

На стрежне ядерных эпох
И оцифрованной бумаги
Всего один свободный вздох —
Тетрадный с рифмами листок
Остался от былой отваги.

А сколько откровенных строк
Жестоко проглотила Лета!
Но время подводить итог.
А правда леденит висок,
И в мире не хватает света.

Чадит надорванный талон
Времён фатальной перестройки.
Орёл двуглавый бьёт крылом.
И нет свободы за Днепром
Для полусонной птицы-тройки.

Морозно и темно вокруг —
На Западе и на Востоке...
Сквозь наледь глянцевого фрамуг,
Луны серпастый полукруг
Плывёт, как парус одинокий.

Ничего не приходит на память:
Ни имён, ни событий, ни дат...
Но всё время отчаянно тянет
Выйти ночью в намокнувший сад,

Где на ветках змеиные тени,
И луны апельсиновый срез,
И дурман от персидской сирени
Вдоль Икрянки разносит норд-вест.

Шебуршат моложавые листья
В предкушенье весенних дождей...
И рождаются вещие мысли
В голове поседевшей моей.

Хлопнет ветер распахнутой ставней —
Хлынет в горницу солнечный свет...
И пойму я, что в мире светает
И с природой един человек!

* * *

Жизнь течёт по известным законам,
Как придумали люди — не боги.
Видишь, розы цветут по газонам?
Слышишь, песня звенит на дороге?

Помнишь, холм с молодой травой,
Безутешные слёзы невесты?
Что, дружище, поник головою,
Не найдёшь ни покоя ни места?

Да и сам я в промозглые ночи
Не смыкал воспалённые веки.
Можно жить и спокойней и проще...
Да стучат костылями калеки.

Да свистят ошалевшие пули,
Разрывая пространство и сердце...
Боже правый! Нас снова надули:
Что мне делать в ауле чеченца?

По «Корану» мы все — человеки.
Но в Москве — круговая порука.
А у храма, как в пушкинском веке,
Молит хлеба седая старуха.

Кто подаст ей в дрожащие руки —
Перекрестит, промолвит: «Спасибо...»
... Что вы ждёте, иудины внуки?!
Не старуха то вовсе — Россия.

* * *

Я родился в Союзе,
Но в России помру!
Пусть любимая Муза
Погрустит на яру

О великой державе,
Где Чапай на коне!
И запишет в скрижали
Пару строк обо мне.

Не в рубашке явился
Я на свет поутру —
Я судьбой породнился
С топольком на ветру.

Нас ломали и гнули
До плакучих ракии,
От ножа и от пули
Сердце в шрамах горит.

Но вцепившись корнями
В пядь российской земли,
Мы над бездной упрямо
Прямо в небо росли!

Что нам стужа и ливни,
И пурга в феврале?
Привкус горькой полыни
У подковы в золе.

Я нашёл её в детстве
У костра, на яру..
Допою свои песни —
И в России помру!

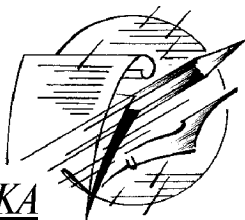
г. Ульяновск

Александр БЕНДИН,
доктор исторических наук, профессор, г. Минск

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Личность и дела генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьева, управлявшего Северо-Западным краем России (Литва и Белоруссия) в 1863—1865 годах, обладают особой притягательной силой. Профессиональный интерес к фигуре виленского генерал-губернатора испытывают не только ученые-историки. Граф М.Н. Муравьев давно уже стал объектом пристального внимания лиц, число и разнообразие которых вызывает неподдельное удивление. В этом пестром списке представлены польские сепаратисты, русские радикалы, экстремисты и либералы, коммунистические партийные функционеры, деятели науки и культуры, белорусские националисты, государственные и оппозиционные, и прочая, прочая.

Связующей нитью между этими лицами — независимо от их места в истории, идейной ангажированности, образования, партийной и этнической принадлежности, является многоликая и вездесущая русофобия. Сквозь призму отношений к фигуре М.Н. Муравьева небезынтересно изучать и различные общественные явления. Например, такие,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

как белорусский национализм и «национальная» история Белоруссии. Названный подход позволяет выявить носителей и творцов русофобской идеологии, их мотивы и цели, а также формы, в которых она проявлялась в белорусской истории и современности.

Прежде чем перейти к изложению названной темы, следует рассмотреть события польского мятежа 1863 года и ту политическую опасность, которую он представлял для Российского государства, единства русского народа и Русской православной церкви. Мятеж начался в ту пору, когда Россия вступила в эпоху Великих реформ императора Александра II (1855—1881). Так как речь шла об освобождении миллионов крестьян и перераспределении собственности на землю между дворянами и крестьянами, конфликтов и противоречий в столь сложном деле было не избежать. Недовольство испытывали и дворяне, и крестьяне, интересы которых ущемляли условия освободительной реформы 1861 г.

Россия вступила в полосу социальной турбулентности, и важнейшей политической задачей в этих переходных условиях становилось сохранение государства, которое было гарантом общественного порядка, законности и территориальной целостности страны. Сохранение сильного и единого государства становилось решающим условием успешного проведения реформ и спасения страны от хаоса, анархии и катастрофического развала. В связи с этим монархия оказалась в весьма непростой ситуации, поддерживая порядок и устанавливая новый баланс интересов между двумя основными условиями российского общества.

Для того, чтобы точно определить степень внутренних и внешних угроз безопасности Российского государства в 1863 г., целесообразно использовать понятия: «друг—враг». Кто же был в это время политическим врагом, целью которого было разрушение Российского государства и срыв его в пропасть распада и гибели? В первую очередь, к категории политических врагов следует отнести вооруженных польских сепаратистов, которые ставили своей целью расчленение Российской империи, отторжение от нее Царства Польского, а также Литвы, Белоруссии и части Малороссии, с преобладающим западно-русским (белорусы и малороссы) православным населением.

Победа сепаратистского мятежа означала в тех условиях разъединение большого русского народа, политический, этнический и религиозный отрыв малороссов и белорусов от великороссов центральной России. В восстановленной Речи Посполитой ее подданные — белорусы и малороссы (соглас-

но польской пропаганде — «народы Литвы и Руси») должны были стать врагами побежденной России. Раскол с помощью восстановления унии с Римом ожидал и Русскую православную церковь в Литве, Белоруссии и Малороссии, которые должны были войти в состав независимой Польши.

Ведущей социальной силой вооруженного мятежа было дворянство, шляхта и ксендзы. Интегрирующим и направляющим началом национально-патриотической идеологии сепаратистского мятежа была воинствующая русофобия, призванная вызвать «настоящую вражду» и ненависть к «москалям» — «русским варварам и угнетателям европейской Польши».

Подпольная пропаганда с помощью щедрых социальных обещаний и политических провокаций пыталась взбунтовать крестьянство названных регионов в интересах достижения политических целей сепаратистов. Предполагалось использовать в качестве пушечного мяса сепаратистского мятежа не только польских, литовских, белорусских и малороссийских крестьян западных окраин, но и великорусских крестьян центральной России. Объектом подстрекательской пропаганды становилось и великорусское старообрядчество, дискриминируемое в России по религиозным мотивам.

К началу польского мятежа в России сформировалась подпольная экстремистская организация «Земля и воля», задачей которой являлась организация общероссийского крестьянского бунта. В помощь сепаратистскому мятежу началось провоцирование междоусобной кровавой резни, в которой великорусские крестьяне должны были истребить великорусских дворян и разрушить государственный и общественный порядок в своей стране.

Польских сепаратистов и великорусских экстремистов из «Земли и воли» активно поддержала радикальная и влиятельная в России эмигрантская газета «Колокол», издаваемая в Лондоне А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Возник ситуативный политический союз, объединивший политических врагов Российского государства — польских сепаратистов, с одной стороны, великорусских экстремистов и радикалов, с другой.

И «Земля и воля», и «Колокол» стали пешками в чужой политической игре, представ в роли политических провокаторов, пропагандировавших в русском обществе лукавые идеи о том, что у польских сепаратистов и освобожденных правительством русских крестьян общий враг — Российское государство, которое нужно уничтожить общими революционными усилиями. В тоже время усилия пропаганды —

западной либеральной, польской патриотической, а также российской — экстремистской и радикальной — были направлены на то, чтобы идейно и морально обессилить русское общество и правительство, внушить им представление о собственной неправоте в деле защиты России и о правоте и справедливости освободительной польской борьбы.

Подняв вооруженный мятеж против России, польские мятежники рассчитывали, что на помощь им придут войска Франции и Великобритании. И тогда кровавые крестьянские бунты внутри страны и вооруженная интервенция извне помогут им сокрушить Российское государство, расчленив и оккупировать его западные территории. Следует добавить, что в защиту мятежников выступила либеральная и прогрессивная общественность Западной Европы, призывая русских варваров уступить польской цивилизации свои западные земли.

Если использовать современную терминологию, то в 1863 г. против Российской империи началась первая гибридная война, временно объединившая ее внешних и внутренних врагов, которые использовали такие приемы, как иррегулярные военные действия, терроризм, политические провокации, светскую и религиозную пропаганду внутри страны, внешнеполитический шантаж и информационно-пропагандистское давление извне. Военно-политическая угроза для реформируемой России была серьезная, на кону стояло будущее не только реформ, но и самой страны.

И вот в годину надвигающейся новой Смуты в правительстве появился человек, принадлежавший к той категории избранных, которых в первую Смуту начала XVII века называли «прямые люди» и которые, в отличие от «кривых», были способны жертвовать собой для защиты Русской земли и православной веры. Речь идет о Михаиле Николаевиче Муравьеве, которого император Александр II назначил в апреле 1863 г. генерал-губернатором Северо-Западного края России, включавшего территорию современной Белоруссии, Литвы и части Польши. На вызов новой гибридной войны генерал-губернатор сумел найти ответы, оказавшиеся необычайно убедительными и эффективными.

В отличие от многих представителей высшей имперской бюрократии, М.Н. Муравьев не страдал «кривизной» заискивающего, подбострастного либерализма, по-холопски взирающего на мнение «цивилизованной» Европы. Муравьев, по словам Л.А. Тихомирова, был твердо уверен, что «русская идея» сильнее «польской идеи». Поэтому без оглядки на русофобские выпады «прогрессивной» Европы и негодова-

ние сановных петербургских либералов он действовал против политических врагов России решительно и твердо.

Разумно используя методы принуждения и убеждения, М.Н. Муравьев в короткий срок поставил мятежное дворянство, шляхту и ксендзов на колени, заставив их публично просить императора о пощаде. И в это же время своими решительными действиями Муравьев буквально поднял с колен угнетенное, униженное и ограбленное польскими панами западно-русское крестьянство.

Виленский генерал-губернатор ясно понимал, кто является врагом, а кто — другом России. Поэтому в лице Муравьева русская власть впервые выступила в роли не только экономического, но и национального освободителя белорусских и малороссийских крестьян от колониального гнета польского дворянства и шляхты. Началось расползание и деколонизация Северо-Западного края России с помощью русского образования, русской культуры и Русской Церкви. Были проведены реформы, улучшившие социально-экономическое положение православного духовенства и местного крестьянства, независимо от его этнической и конфессиональной принадлежности.

Реакцией западно-русского крестьянства как православного, так и католического стало массовое выражение преданности российскому императору и, самое главное, произошло пробуждение традиционного общерусского самосознания и российского патриотизма. Благодаря умелым действиям М.Н. Муравьева, правительственная борьба с польским сепаратизмом в Северо-Западном крае России получила широкую социальную поддержку. В своих обращениях к императору Александру II и генерал-губернатору Муравьеву местные крестьяне заявляли, что они русские и готовы защищать свое Отечество Россию.

Появилась потребность в русском образовании, и местное крестьянское население стало охотно посылать своих детей в народные училища. Имя Муравьева, ставшее известным всей России, стало знаменем справедливой и победоносной борьбы за территориальную целостность государства, единство русского народа и Православной Церкви.

В это время страх перед Муравьевым испытывали польские мятежники — дворянство, шляхта и ксендзы, преступления которых он наказывал в соответствии с законом, сбивая с виновных привычную сословную спесь. Глубокую ненависть к Муравьеву испытывал первый творец отвратительного и пошлого антимуравьевского мифа А.И. Герцен. «Гуманист и народолюбец» Герцен высокомерно отворачивался от извес-

тий о сотнях белорусских крестьян, повешенных, замученных, изувеченных польскими мятежниками за верность России и царю-освободителю Александру II. Но стоило русской администрации наказать мятежников, приговоренных судом за государственные преступления и терроризм, как избирательно гуманный «Колокол» поднимал неистовый пропагандистский трезвон, оскорбительно именуя Муравьева «злодеем» и «вешателем».

С легкой руки политического провокатора Герцена и его польских соратников началось русофобское шельмование имени М.Н. Муравьева в революционной и либеральной печати. В этом непристойном деле содействие политическим врагам России, как ни странно, оказало и российское правительство.

В конце 60-х годов XIX века правительство решило отказаться от муравьевской политики, основанной на «русской идее» наступления на интересы дворянско-шляхетского меньшинства Северо-Западного края России. В управлении краем произошли серьезные перемены. Началось возвращение к прежней «безыдейной» политике сословной солидарности с польским дворянством. Напуганные практическим воплощением «русской идеи» и вынужденно смирившиеся политические враги России смогли, наконец, облегченно перевести дух. Воспрянувшее было православное духовенство и западно-русское крестьянство вновь впади в уныние. Настало торжество либерально «кривых» администраторов, вернувшихся к привычной практике сословного соглашательства с «благородным» польским дворянством.

Имя и дела «прямого» М.Н. Муравьева и его «русскую идею» негласным образом было приказано забыть и вычеркнуть из народной памяти. Настало время принудительного официального забвения, которое продлилось до конца 80-х годов. Однако в правление императора Александра III (1881—1894) либеральная «кривизна» региональной политики стала постепенно исправляться. Начался правительственный разворот в сторону защиты в крае русских национальных интересов.

В связи с этим появилась возможность на основании общественной инициативы и по разрешению правительства начать всенародный сбор средств на создание памятника М.Н. Муравьеву в столице Северо-Западного края г. Вильне. В 1898 г. при огромном стечении народа памятник виленскому генерал-губернатору был торжественно открыт. Запечатленный в бронзе граф М.Н. Муравьев-Виленский стал олицетворением нравственной правоты, силы и справедливости «русской идеи» на западе России.

Но не дремали и политические враги России. Теперь в деле создания русофобского антимуравьевского мифа к прежним врагам Российского государства присоединились новые — польские социалисты и литовские социал-демократы. Вскоре инициатива в антимуравьевском мифотворчестве перешла к белорусским большевикам.

В результате победы Октябрьского переворота 1917 года большой русский народ, состоявший из белорусов, малороссов и великороссов, оказался искусственно разделенным на отдельные политические нации. Административно-политическому делению подлежала и территория исторической России. На ее западных окраинах по инициативе руководства партии большевиков была создана Советская Белоруссия. Первое в истории национальное белорусское государство, возникшее в результате воздействия внешнеполитических факторов, остро нуждалось в исторической легитимации. Суть этой легитимации заключалась в сочинении мифической истории о том, что в создании белорусского советского государства главную роль сыграли факторы внутреннего происхождения.

Для этого следовало внушать гражданам Советской Белоруссии заимствованную польскую идею о том, что белорусы — это отдельный от великороссов и малороссов народ, который являлся жертвой национального и классового угнетения со стороны великодержавной России. Следующим шагом в процессе исторического мифотворчества становилось создание героического мифа о борьбе белорусского народа с деспотическим царским режимом за свою свободу и политическую независимость.

Таким образом, партийные теоретики создали идеологическую основу белорусского исторического мифа, а пропагандисты, «мастера культуры» и доморощенные ученые, используя механизмы политической диктатуры, должны были внедрить его в общественное сознание. Советские белорусизаторы, создававшие «национальную» историю, столкнулись здесь с проблемами, которые научным путем решить было невозможно. Возник непримиримый конфликт между историческими фактами и целями большевистской исторической политики, направленной на дерусизацию коллективной памяти.

Дело в том, что большую часть населения нового национального государства, вошедшего в состав СССР, составляло западнорусское крестьянство — православные этнические белорусы, в массе своей обладавшие общерусским самосознанием. Это массовое общерусское самосознание опи-

ралось на коллективную память, общую российскую историю и православную веру. Большевистские строители белорусской социалистической нации рассматривали общерусское самосознание и российский патриотизм белорусов как явление идейно и политически опасное. Для того чтобы это явление искоренить, большевики в 20-х — начале 30-х гг. прошлого века начали проводить политику белорусизации общественной, культурной и политической жизни. Одним из мотивов этой политики являлась официальная русофобия, ставшая идейно-политическим основанием белорусского советского национализма.

В связи с этим из социальной памяти новой нации изгонялось общерусское, российское и православное содержание, которое заменялось советской национальной мифологией. Официальная русофобия проявлялась в принудительном вытеснении из общественной, научной и политической жизни страны русского языка, русской культуры, подавлении западнорусской интеллигенции и православия. Объектом белорусизации стала общая российская история и коллективная память об общерусском единстве, русском самосознании и российском патриотизме белорусов.

Классовую и национальную злобу большевистских белорусизаторов вызывали личность и дела носителя «русской идеи» М.Н. Муравьева. Ревностный просветитель белорусских крестьян был объявлен «русификатором», который якобы безжалостно запрещал белорусский язык и подавлял мифическое белорусское «возрождение». Зловещий образ «русификатора» Муравьева, созданный белорусизаторами 20-х годов прошлого века, стали охотно использовать белорусизаторы постсоветские, сочиняя новую «национальную» историю и ее мифологические сюжеты.

Как уже отмечалось, несущей конструкцией советской исторической мифологии являлась польско-большевистская идея о том, что национальным и классовым угнетателем белорусского народа являлась самодержавная Россия. Однако события 1863 г. стали убедительным свидетельством того, что белорусское крестьянство, прежде всего православное, не только осознавало и заявляло себя русским, то есть частью большого русского народа, но и готово было с оружием в руках защищать свое Отечество Россию от притязаний польских угнетателей и сепаратистов.

Но признать эти достоверные исторические факты советские творцы «национальной» истории не могли по причинам идеологическим и политическим. В таком случае, рушился бы создаваемый героический миф о самоотверженной борь-

бе белорусского народа за свою свободу и независимость, врагом которой была назначена «деспотическая» Россия. У советских производителей исторической мифологии не оказалось иного выхода, как с легкой руки польских мятежников устроить политический маскарад в стиле ретро. Произошло это следующим образом.

В 1863 г. польские шляхтичи — агитаторы и пропагандисты, сочиняя подпольные агитки, рядились в мужиков и солдат, чтобы от их имени подстрекать западно-русских крестьян к мятежу против власти царя-освободителя Александра II. Колониальные угнетатели, которых крестьяне искренне ненавидели, теперь самочинно выдавали себя за «освободителей», стремясь использовать тех же крестьян в качестве средства для восстановления в крае политического господства панов и шляхты. Затея эта с треском провалилась, но не прошла бесследно.

Советские белорусизаторы истории, усвоив опыт пропагандистского маскарада, решили отобрать «героические» лавры у польских мятежников, воевавших за восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. Было решено не только нарядить польских патриотов в белорусские национальные одежды, но и беспардонно подменить мотивы и цели их вооруженной борьбы. Непристойный маскарад, обесценивший польский патриотизм, превратил ряженных белорусами поляков в борцов за мифическую белорусскую независимость.

Правда, сами православные белорусы, будучи преданными патриотами России, о каком-либо политическом сепаратизме даже и не помышляли. Более того, с ним они активно боролись. Тем более не помышляли о белорусской независимости и польские сепаратисты, воюя с Россией за свое польское государство, включающее в свои будущие границы территорию современной Белоруссии.

Русофобская составляющая советского «национального» мифа, разделявшего белорусов, малороссов и великороссов на отдельные нации, была представлена отталкивающими образами императорской России и ее выдающихся государственных деятелей. В русофобской картине мира, созданной творцами белорусского этнического национализма, персональным олицетворением классового зла, порождаемого имперской Россией, стал виленский генерал-губернатор Михаил Николаевич Муравьев.

Выбор этот не был случайным. В благодарной коллективной памяти западнорусского населения носитель «русской идеи» М.Н. Муравьев по-прежнему оставался народным заступником, просветителем и освободителем от гнета польских

панов и шляхты. Поэтому большевистские производители «национальной» мифологии целенаправленно прибегли к привычной технологии ретроспективного маскарада.

Согласно перевернутой реальности этого маскарадного мифа, который следовало воспринимать сквозь призму «классовой борьбы», ряженных в белорусские мужички свитки польских шляхтичей безжалостно преследовал и уничтожал ряженный в классового врага белорусской свободы российский «угнетатель» и «вешатель» М.Н. Муравьев. Тем самым мифологический сюжет белорусизации польского мятежа 1863 г. получал завершённую форму и точную прагматическую направленность. С помощью маскарадного мифотворчества советские белорусизаторы истории убивали одновременно двух идейно-политических зайцев.

Во-первых, целенаправленно нейтрализовался польский национальный патриотизм, проявленный вооружёнными сепаратистами в Северо-Западном крае России. Во-вторых, из формируемой коллективной памяти вытравливались российский патриотизм и общерусское самосознание, которые массово проявились у белорусских крестьян при защите территориальной целостности России.

Для белорусского этнического национализма «русская идея» Муравьева и белорусы, массово ее поддерживавшие, представляли гораздо большую идейно-политическую опасность, чем польский национальный патриотизм. Ведь главная задача белорусизаторов заключалась в том, чтобы вычленив белорусов в качестве отдельного народа из общерусского исторического, этнокультурного и церковного пространства и сочинить ему особую «национальную» историю.

Поэтому маскарадная мистификация польского мятежа, сотворённая советскими создателями «национальной» истории, сохраняла свою актуальность вплоть до упразднения Советской Белоруссии. Как уже отмечалось выше, для этого были весомые идейные и политические причины. Белорусский этнический национализм, который идейно обосновывает существование белорусов как отдельного народа, и русофобия, категорически отрицающая единство большого русского народа, связаны воедино. Без русофобии — своей идейно-психологической основы — данный вид национализма как целостная и функциональная идеология политическим существовать не может.

Такая же взаимозависимость существует между идеологией белорусского национализма и «национальной историей» Белоруссии. Идеология национализма, взятая в качестве познавательного инструмента, превращает «национальную

историю» Белоруссии в «ретроспективную мифологию», которая, в свою очередь, выполняет функции псевдонаучного обоснования той же националистической идеологии. Создается замкнутая система идеологических координат, в соответствии с которыми происходит целенаправленное конструирование коллективной памяти, утверждаются новые символы и представления.

В коллективной памяти, созданной советской пропагандой и образованием, воспоминания и факты общерусского самосознания и российского патриотизма были заменены элементами исторической русофобии и этнического национализма. Справедливости ради следует отметить, что т.н. этнический национализм советского образца принимал не столько этнические, сколько «классовые» формы. Его разъединяющее, потенциально сепаратистское начало купировалось идеями и практикой советского интернационализма, общесоюзной историей и объединяющей русской культурой. Однако русофобия, присущая белорусскому советскому национализму, сумела внедрить в коллективную память маскарадную белорусизацию польского мятежа 1863 г. и зловещий образ «русификатора» и «вешателя» М.Н. Муравьева в его «классовой» интерпретации.

С появлением в 1991 г. государства Республика Беларусь созданная советскими белорусизаторами идеология этнического национализма претерпела известную эволюцию. В связи с распадом СССР коммунистическая идеология национальных окраин утратила свой «классовый» и «интернациональный» характер и приобрела сугубо «национальное» измерение. Вышедший из советского источника современный белорусский национализм в настоящее время представлен двумя основными разновидностями: официальный — бюрократический и популистский; и оппозиционный — этнический и радикальный. В последние годы граница между официальным и оппозиционным национализмом стала заметно стираться.

Следует отметить, что русофобия в той или иной степени присуща обоим видам белорусского национализма. Агрессивной формой русофобии отличается национализм этнический, оппозиционный. Данное обстоятельство вызвано тем, что современный этнический национализм как идеология политической оппозиции вобрал в себя идеи белорусской эмиграции и коллаборантов, сотрудничавших с нацистами в годы Великой Отечественной войны.

Однако общей русофобской основой обоих национализмов является негативное отношение к общерусскому един-

ству белорусов, малороссов и великороссов. Следовательно, столь же негативным является отношение к общерусскому самосознанию и российскому патриотизму, которые демонстрировали белорусы во второй половине XIX — начале XX века. Осталось неизменным и отношение к таким объектам русофобии, как «русификатор» и «вешатель» Муравьев и его «русская идея», которая в свое время была политической программой просвещения и освобождения белорусских крестьян от колониального гнета польских помещиков и шляхты.

В идеях общерусского единства, основанных на исторически достоверном опыте российского прошлого, националисты как официальные, так и оппозиционные видят угрозу белорусской независимости. Иррациональные, глубинные страхи современных белорусизаторов заставляют их обращаться к практике большевистских белорусизаторов и прибегать к репрессиям против критиков официального и оппозиционного национализма. Достаточно лишь вспомнить громкое «дело регнумовцев» и обвинительные приговоры, им вынесенные.

И в том, и в другом случае объекты русофобии и маскарадные сюжеты «национальной» истории остаются практически неизменными. Следовательно, белорусский национализм, в какое бы время и в какой бы ипостаси он ни выступал, без русофобской составляющей не функционален. Отношение к личности и делам М.Н. Муравьева служит убедительным подтверждением этому факту.

ПУРГА В ТУНДРЕ

РАССКАЗ

В феврале-месяце, в середине «десятих» годов нашего века под Воркутой случилась беда. В полусотне километров южнее города бригада оленеводов перегоняла стадо оленей через железнодорожный путь. Стадо большое — сотни голов. Выходили животные на насыпь не спеша, озирались по сторонам, хоркали носами да принюхивались к земле, выискивая корм. Олени, в отличие от тех же коров, идут сами, подгонять их невозможно. Кнутом здесь не пощёлкаешь. С юга в это время на полном ходу шёл товарный порожняк — шестьдесят вагонов под уголь на обогатительную фабрику Воркуты. Утро было мгlistым, светало медленно, видимость метров пятьсот...

Когда машинист тепловоза заметил на путях стадо оленей, вначале даже не понял что происходит, потом на пару секунд понадеялся, что оленеводы отгонят оленей с путей, потом решил тормозить... Время было потеряно.

Олени переходят дорогу не по одиночке, не волчьей вереницей, а широким ходом, бок о бок, гурьбой.

ПРОЗА

На свистящих тормозах, на скорости километров в семьдесят, двухсоттонный тепловоз, за которым тянулось более полусотни вагонов, врезался в стадо, словно грузовик в курятник. Первый десяток оленей тут же взвились в воздух и, пролетев метров сорок над тундрой в разные стороны, упали бездыханно в снег, хоркая горлом, дрыгая ногами да истекая кровью. За ними последовала другая партия оленей, что перешла дорогу чуть в стороне и была ещё больше, выстроившись в ряд, словно на убой. Тепловоз прошёлся по ним, словно на пути и не было никого, словно мягкие игрушки взлетали вверх и там уже разрывались на части, окрашивая снег красными, кровавыми пятнами. Когда состав наконец остановился, в тундре стоял лишь один сплошной хрип умиравших животных. Погибло около сотни оленей, десятая часть стада.

На место происшествия прибыли представители прокуратуры, следственный комитет, полиция. Ходили по путям, по целине снежной, считали убитых животных, определяли вероятность столкновения, что-то ещё... На другой день оленеводы стали собирать остатки оленей, что могли пойти в пищу, но уже к вечеру в тундре пошёл снег, подул ветер и в кутерьме метели подбирать убитых животных стало невозможно.

А через сутки с Баренцева моря в Воркуту пришла пурга. Настоящая пурга с оттепелью. Снег валил крупный, мягкий и влажный, прилипал ко всему до чего мог добраться. Город жил пару дней в одном белоснежном хаосе. Потом утихло. На пару часов вышло солнце. Было воскресенье. Проснувшиеся воркутинцы увидели довольно привычную картину — город засыпало. Вместо дорог и тротуаров образовались сугробы, на которых уже темнели глубокие проторённые тропинки, а вместо автомобильных парковок во дворах — снежные холмики из частных автомашин.

Савелий Гирский, сорокалетний мигрант из Украины, работал в Воркуте водителем «КамАЗа». Возил шахтную породу на отсыпку, где прокладывали трубы газопровода, что тянулся с полуострова Ямал через Байдарацкую губу, а потом через Воркуту, через всю Большеземельскую тундру на юг и там уже далее на запад.

В Воркуте Савелий жил десять лет. Купил квартиру, благо что здесь это было недорого. Поначалу сменил несколько профессий: был шахтёром, экспедитором, штукатуром-маляром, каменщиком... Шахтёром долго не выдержал — хоть и парни там что надо, но темно внизу, под землёй. Тесно в шахтных выработках. Не для него. Экспедитором просто не

смог — побоялся, что воровать начнёт. На всякие малярные краски аллергия пошла. Вернулся к шоферской работе. На своей Украине, в Полтаве, водителем тяжёлого грузовика проработал не один год, потому и взяли без особых вопросов.

Через пару лет, как обустроился, Савелий съездил в Полтаву, женился на красавице местной — Наташке, увёз её на «север-дальний», в Россию. Наташка вначале ершилась, но потом, взвесив по-женски все «за» и «против», быстро поняла, что будущим детям лучше в пурге да накормленным, чем в украинском раю, да с перебоями, с регулярной неизвестностью — а что там завтра? А тут дочка родилась. Назвали Оксаной. В квартире стало тепло, уютно. Ещё через два года родился сын — Володька. Наташка пыталась его в метрике записать по-украински, как Володимир, но Савелий сразу отрезал все попытки, заявив:

— Вот ещё! Будешь здесь дурью маяться! Чтоб смеялись над пацаном! В России живём.

Жить в Воркуте было непросто. Частных домов и частных дворов здесь не было. Куры не вкочтали, как на родной Украине, петухи по утрам не пели, собаки по ночам не брехали на чужих. Так... орут да визжат иногда под окном девки молодые, да бранная речь изредка рвётся снизу до его третьего этажа в стоквартирном доме. Зимой темно три месяца — с ноября по февраль, мороз под «сорок», метели такие, что соседнего дома не видно в тридцати метрах. В воздухе кислорода не хватает, деревья не растут...

Четырнадцатый год с новостями из Украины Савелий встретил холодно. На работе своим сказал лишь один раз по пьянке и больше не возвращался:

— Дурачьё тупое, на дармовую дешёвку подались! Нашли себе героя!.. Бандера! Кому «бандера», тому: чемодан, вокзал, Галиция! Правильно отец говорил — все они там ополяченные да австрияченные. Это же надо так людей оболванить?!

Сам по себе Савелий был человек прижимистый, накопительный. В сущности, как и любой прижимистый, порядочный да хозяйственный хохол. Возмущался на эту тему мило, словно оправдывался:

— Шо вы хочите? Я — хохол, южно-русский человек с примесью турецкой крови. У меня прадед, как у Шолохова там один у романе... Сто лет назад дивку себе приволок из Турции... (имел в виду последнюю войну с Турцией 1877—1878 годов. — В.Л.) с этой... как её, городину?.. Кабулетти! Слышали такой посёлок? Теперь Грузия. На кой мы её, Грузию эту, от турок спасали? Людей своих клали, русских, на закланье!.. Дурачьё!

Пару лет назад Савелий купил себе старенький снегоход, который то работал, то не работал. Прав на управление снегоходом у него не было, да и ездить ему, в сущности, на нём было некуда. Так... катался на авось в тундре возле города. Всё ждал: что случится первым в этих прогулках — снегоход сдохнет или «гаишник» нарисуеться? Зачем купил? Сам не знал. Продавали задёшево, вот и купил.

После случая на железной дороге со стадом оленей потянулись по городу Воркуте слухи, что туш этих зарезанных в тундре сейчас столько валяется бесхозных, что можно весь город накормить.

Бесхозно? Как же так? Разве можно, чтоб бесхозно валялось мясо? Если бесхозно, надо прибрать... к рукам прибрать. По-хозяйски.

И засобирались тут же Савелий в тундру на своём снегоходе. Быстро собирався. Только пурга стихла, сразу и покатил. Даже выходной внеочередной выпросил у начальства, пообещав тому кусок оленьей вырезки. Утром только пятилетнему сыну Володьке и сказал:

— Папа в магазин... далёкий магазин за мясом... будем сегодня строганину есть.

День выдался так себе. Пурга только-только угомонилась, намело много снега. Он простирался новыми, белыми «языками» по тундре от одного скопления кустов тальника до другого. Снегоход Савелия шёл легко. Солнца не наблюдалось. Ветер практически отсутствовал. Небо было хоть и в тучах, но не такое хмурое, как обычно перед непогодой.

На месте трагедии туш зарезанных тепловозом оленей, практически не было. Кое-где валялись ломанные рога да оторванные копыта. А так — пусто, снежно и не более. Пурга ещё присыпала. Однако Савелий не сдался и долго тархтел снегоходом вначале с одной стороны железнодорожных путей, потом с другой.

Мысль о дармовом мясе Савелия мучила давно. Когда прикупил снегоход, она сама и всплыла наружу. Товарищи по работе иногда рассказывали, что всякие бесхозные олени часто бродят недалеко от города... Если с ружьцом поехать... Понимаешь?

С ружьцом, правда, как-то всё откладывалось, времени не было проходить комиссии, да курсы в полиции. А здесь такая удача! Это же просто дар небесный — поезд задавил сотню оленей! Вряд ли все туши оленеводы могли собрать. Пурга два дня шла, присыпало оленей снегом! Надо срочно ехать и хорошенько поискать.

В гараже Савелий достал собственноручно изготовленные санки-салазки в полтора метра длинной, с откидной задней частью. Санки представляли собой обычный лист фанеры, загнутый спереди вверх по форме лыж, которые были намертво привинчены по бокам. Сверху санок на рояльной петле сидела откидывающаяся часть, которая при желании могла увеличить площадь до двух метров. Конечно, вид такого прицепа явно наведёт местных полицейский на всякие мысли... Но, как говорится: не пойман — не вор! А на обратном пути он пройдёт до речки Воркута, и там по её руслу выйдет к городу со стороны ТЭЦ... Если ехать вечером, то народу там не так и много. Проскочит. Дом у него на окраине города стоит.

Тушу своего оленя Савелий нашёл метрах в ста от места трагедии. Олень был уже приморожен, пурга его закидала снегом так, что сверху торчали лишь копыта в разные стороны, рога были обломаны напрочь, голова разбита. Похоже, олень этот встретил тепловоз «лицом к лицу».

Савелий на всякий случай оглянулся вокруг себя, тут же достал небольшую лопатку, за три минуты откопал тушу, уложил её на санки. Ноги оленя нелепо торчали по сторонам. Савелий достал топор и прямо на санях обрубил голяшки с копытами. Развернул заранее приготовленный брезент, перетянул им тушу, перевязал её капроновым шпагатом, осмотрел со стороны — на что похоже? Долго смотрел, пытаюсь придумать, на что могло быть всё это похоже?... На тушу оленя только и похоже — вынужденно согласился он.

Едва тронулся в обратный путь, как задул ветер, поднимая снег. Началась низовая метель. Низовая метель — это не страшно. Дует ветер, подхватывает снег, крутит его, но видно всё на километр вперёд.

Ветер был с запада. С запада — это в бок, когда по «железке» возвращаешься в город. Неудобно, но терпимо. А сейчас это даже Савелию выгодно — поменьше в тундру вылезет таких же любителей поживиться оленьиной да и всяких «охранителей», порядка будет поменьше. А может, позвонить своему напарнику Сашке, чтоб к оленьсовхозу подскочил на грузовичке? Прямо в тундру, в районе кладбища. Спрятали бы оленя за борта... Нет. Тогда придётся напарнику полтуши отдавать или четверть. Обойдётся. О!.. Савелий похлопал себя по карманам. А телефон-то сотовый он дома в спешке позабыл. Вот дела! И ладно. Меньше будет соблазна напарникам всяким звонить. Главное — добраться до дома тихо. Довести тушу без приключений и лишних встреч с кем угодно. Мама дорогая, это же теперь у него полцентнера мяса дармового!..

Пятьдесят кило! Это, если перемножить... Рублей четыреста за каждый килограмм... Двадцать тысяч выручки!

Через минут тридцать Савелий вышел на ручей с обрывистыми берегами, по ручью надо было пройти до речки Воркуты. На ручье мело поменьше, русло было извилистым и ветру негде было разогнаться. «На речке тоже будет потише, нежели в открытой тундре, — соображал он, — там руслом пройдем до ТЭЦ, мимо трубы, до стадиона «Юбилейный», а от него триста метров — и дома! Дворами. В пурге и проскачу».

На очередном повороте ручья Савелий остановился. Остановился и замер. Ему даже показалось, что его «Буран» сам заглох от увиденного. Прямо перед ним, метрах в пятидесяти из снега ручья торчал гусеницами вверх вездеход... Большой, мятый, грязно-зелёный вездеход. Лежал он здесь уже около суток, если судить по снегу, осевшему на гусеницы сверху. Высокий, обрывистый берег над ним был весь изрыт и вспахан от его падения, словно там бомбу взорвали.

— Это как же тебя?.. — застыл от страха да изумления Савелий. — Прямо со скалы кувыркнулся?

Он подкатил ближе, сошёл с «Бурана», осторожно прошёл к перевернутой машине. «Только чтобы без людей, — вдруг заколотило от страха в голове. — Только чтобы без людей... Вездеход перевернулся, люди вышли и ушли в город за помощью... Только чтобы без людей». Он склонился к водительской двери и крикнул: «Живые есть?!» В ответ никто не ответил. Слава богу! Савелий открыл дверцу — пусто. Заглянул глубже — в полусумраке вездеходного салона увидел торчащие в разные стороны оленье копыта... А-а... Вот как! Ещё один любитель поживиться дармовым мясом! Савелий усмехнулся. Сколько ж здесь туш? Штуки три? Только он уже хотел влезть внутрь кабины, как откуда-то из полумрака вездехода раздался слабый хрип со стоном... Савелий вздрогнул, словно ему туша оленя копытом под дых ударила. Всмотрелся вглубь и увидел там скрюченного человека с намотанной на голове тряпкой.

— Ох ты ё-ё! — вырвалось у него. — Ты кто? Эй, слышишь меня? — он сказал, а весь мозг его пронзила страшная и холодная мысль — раненый!.. Да не дай бог!..

Быстро забравшись внутрь, Савелий увидел человека — парень как парень, лет тридцати, тряпка на голове была полотенцем, промоченным насквозь кровью. К обеим ногам в районе голени были привязаны по две небольших доски, похоже, выполнявших роль шин — значит, сломаны ноги. Не удивительно, такой кульбит на вездеходе сделать с обрыва. Стоя на четвереньках, Савелий аккуратно подхватил парня

под мышки, потянул на себя к выходу, топчась по оленьим тушам коленями.

— По мясу ходим, мать твою! — выругался он.

Парень опять застонал. Матерясь, Савелий вытащил рывками парня наружу. Усадил его на снег, оперев головой о вездеход. Парень открыл глаза, губы его дрогнули, и он спросил совсем тихо:

— Ты что тут делаешь?..

— Живой, — тяжело дышал Савелий. — Ещё есть кто?

Парень мотнул головой и вскрикнул от боли.

— Кто будешь? — спросил Савелий, оглядываясь. Снег начинал крутить сильнее, вихри его рождались ниоткуда столбиками снега, похожими на ёлочку, поднимались вверх. Когда низовая метель начинает мести легкими завихрениями, поднимая снег в небо, а ветер меняет направление — это лёгкое предвестие пурги на севере.

— Лёха, — ответил парень через силу, словно тяжёлый груз одновременно поднимал. — Обрыв я не заметил, снег навалил, а «дворники» сломаны, залепило стекло... А тут ручей... Перевернулся я.

— Ноги что?

— Поломаны... я очнулся — в крови весь... перевязать себя успел... кровь остановить не мог... Может, вена? Или, как её — артерия... Встать не могу... Пробовал. Холодно.

— Вездеход чей? Искать будут?

— Личный вездеход... Списанный он... Не будут.

— Телефон есть? Позвоним в эмчээс.

— Телефон тут, — кивнул он себе на грудь, на внешний карман куртки. — Пробовал. Не берёт. Далеко.

Савелий выругался ещё раз себе под нос, вновь оглянулся. А что оглядываться? Ручей как ручей, что тут смотреть? Что смотреть, что смотреть! А что делать?.. Как вот тут теперь? Куда его? На «Буран» не посадишь, ноги сломаны, голова висит... А место на санках занято... Ну да... Занято... А как?.. Эти санки... Я же их брал не раненых перевозить. Это вообще... для мяса. Для оленя...

Савелия пронзила жуткая мысль, можно даже сказать, не пронзила, а поселилась у него в голове и теперь никуда не выходила — тушу оленя придётся оставить здесь! Выбросить!.. (Да что ж ты будешь делать-то, а?) От этой мысли заныло где-то под горлом. Так заныло сильно, что перехватило дыхание. На пару секунд у Савелия мелькнуло: «А может, положить парня на тушу оленя? А что? Шкура от человека нагреется в минуты! И Лёхе тепло и олень останется. Глупо: шкура не нагреется в минуты, потому что это не шкура, а туша!..

Замороженная туша. Глупо всё это... И мясо жалко. И чего прямо не поехал?... Вдоль «железки»? Поехал бы прямо, никого бы не встретил... Не мучался бы вопросом. М-да... хреново. Скотом становиться нельзя...»

— Пуржить начинает, — выговорил парень. — Делать что будем? — Глянул на Савелия и предложил, чтобы не навязываться: — Если... не можешь... так езжай. В городе МЧС скажи, где я сижу... Идёт?

— Да нет, не идёт, — тихо выговорил Савелий, ругаясь про себя какими-то новыми бранными словами. — Куда тут езжай?

Он в который раз глянул на раненого парня злыми глазами. Парень этот сейчас просто отнимал у него таким трудом добытую оленину! Обкрадывал его на полцентнера мяса! А может?... Или... Нет, не может. «Вот он, твой олень» — просвистело чьим-то неуловимым голосом в голове Савелия, и глаза его вновь уткнулись в парня.

Тушу оленя придётся бросить здесь. От этой мысли внутри него всё перевернулось ещё раз. О боже! Цель была достигнута так просто, так быстро. Полцентнера мяса... полцентнера мяса надо было сейчас просто вышвырнуть на снег... А может... Лёха сумеет на заднем сиденье удержаться? Да куда ему держаться со сломанными ногами да с головой, которая и так висит, как колбаса... Да что ж ты будешь делать-то, а?! Ну что за жизнь?! Только нашёл! Только нашёл и тут же потерял!.. И не потерял, а выбросил даже!.. Тьфу!

Он вздохнул тяжело и стал отвязывать тушу от санок. Когда отвязал, поволок её в сторону, под обрыв, где намело много снега и тушу можно было просто зарыть.

— Ты лучше её в вездеход забрось! — из последних сил хрипло сказал Лёха. — Там песцы не достанут.

— Ага, — кивнул Савелий, припорошивая снегом своё мясо, — потом эмчээсовцы вместе с твоим вездеходом и твоими тушами себе заберут... Нашли дурака!

Санки он разложил полностью, откинув площадку сзади. Ростом бог Лёху не обидел, да и весил он килограмм под девяносто. Вытянет ли его «Буран»?

«Буран» вытянул. Он даже вначале как-то излишне легко потащил за собой санки с Лёхой, замотанным в брезент, как только что была туша оленя. Прятаться теперь необходимости не было, Савелий решил ехать в город по прямой. Теперь получалось — чем они быстрее выйдут на людей, тем лучше. А если встретят вездеход в тундре — вообще красота! Тогда можно будет Лёху — им, а самому — назад за оленем...

На подъёме из русла ручья «Буран» пару раз пробуксовал, вырвав из-под себя вихрь пережёванного гусеницей наста, но выполз на равнину тундры.

Был полдень. Пошёл мелкий снег. Ветер не стихал и даже усиливался. Низовая метель стала переходить в обычную пургу. Переходила она быстро, захватывая клочьями и плетями снега всё пространство перед Савелием. Ветер пару раз прорвал снежную завесу, и в этом небольшом прорыве пурги Савелий увидел далеко впереди себя чёрную полосу неба. Это дымил город. Ветер переменялся, дул теперь в спину. Савелий обернулся назад, глянул на Лёху — тот лежал на санках перемотанный брезентом, как мумия, как покойник... «Не вытянешь ты его, не вытянешь...» — мелькнуло в сознании. Тут же сверху снег обрушился так плотно и вязко, что пространство перед ним померкло в «молоке». «Мумия» Лёхи стала ещё больше напоминать, волочащегося сзади покойника.

«Буран» шёл ровно, мотор гудел монотонно. Тундра растилалась перед ними плоская, снежная, без кустов. На пустыню похожа. Дороги впереди уже не было видно. Очень скоро пошёл жёсткий ледяной снег. Он осыпал лицо Савелия мелкими иголками, налипал на глаза и стекла по щекам вниз. Снегоход шёл медленно, словно пробирался вперёд, высматривая дорогу и стараясь не сбиться с пути. Пути этого Савелий как раз и не знал, знал лишь направление.

В пургу жизнь в тундре замирает — не встретишь ни куропаток, что стрекочут клювами при любой опасности, словно деревянными трещотками, ни мохноногих канюков, что парят в вышине неба, выискивая зазевавшегося лемминга на снегу и изредка оглашая белые просторы канючьим клёкотом, ни осторожных, но любопытных песцов с пушистыми хвостами, вынюхивающих норки мышей. Да и вся прочая живность будет сидеть где-то под кустом, свернувшись клубком от непогоды, и ждать затишья. Причём совсем рядом, под похожим кустом, в десятке метров от какого-нибудь зайца может сидеть его хитрый враг — белая сова, моргать своими глазами, крутить головой и не двигаться с места. Но если ветер стихнет... зайцу конец. Потому что пурга — это в лучшем случае буря или шторм, в худшем — ураган. Сносит всё живое.

Снегоход шёл в пурге тихо, едва-едва перекрывая своим урчанием завывания ветра. Хорошо хоть снег был мелкий. Такой снег не липнет сразу на наст, а собирается в ложбин-

ках и трещинах, не мешая движению. И снегоход, и сани по жёсткому насту идут свободно, легко. Главное — выбраться.

Савелий старался держать направление так, чтобы ветер постоянно подгонял его в спину, вторично ветер не мог так быстро сменить направление, а значит, они идут ровно на город, хоть в десяти метрах и не видно уже ничего. «Молоко» вокруг.

Почему-то в голове постоянно прокручивался путь от железной дороги до обрыва... Почему-то постоянно после этого «кино» в голове стояла картинка, где под обрывом тушу закопал... Куда, в каком направлении поехал... Потом — как можно проехать обратно к этому месту... Всё правильно — тушу ведь надо будет забрать...

Снегоход шёл ровно, неторопливо, пурга мела протяжно. Видимости на десяток метров впереди — это ровно столько, сколько при такой скорости надо, чтобы успеть остановиться и не кубыркнуться с обрыва вниз, как Лёха. Савелий изредка оборачивался назад, смотрел на раненого парня. Да на кой же леший ты, Савелий, поехал к реке?.. Эх, Савелий, Савелий! Поехал бы напрямик по «железке» в город... Теперь кто его знает — найдёт он оленя потом? Да и сможет ли привезти обратно? А так бы сейчас под покровом пурги спокойно по городу прошмыгнул, и всё!.. Ах, ты ж напасть! И надо же было Лёхе за этими тушами поехать?! Мяса ему подавай! Мародёр хренов!..

Ветер бил сзади своими порывами так, что снег залетал Савелию за воротник, где плотно был уложен шарф. В порывах ветер насквозь продувал и зимнюю куртку, и кожанку под ней, и свитер шерстяной, холодя спину. Савелий поднял капюшон, застегнул замок под самое горло. В голове мелькнуло — может, Лёху посмотреть...

Он остановился. Сошёл со своего вездехода. Порыв ветра ударил в лицо, едва не опрокинув его навзничь. Савелий устоял, склонился над раненым Лёхой — снег запорошил того уже полностью, тело в брезенте стало напоминать замотанный труп... Но щёки у Лёхи были мокрые... Это снег на них таял.

— Живой? — крикнул он громко.

Лёха открыл глаза. Тяжело как-то открыл, посмотрел куда-то вверх, попытался прошептать что-то. Не получилось. Собрался с силами, прохрипел:

— Живой. Где мы? Я, кажется, отключился... Где мы?

— Не знаю. По дороге в город, будем надеяться. Может, надо что? Вон как тебя снегом замело всего... Может, перевернуть ногами вперед? Меньше будет заносить...

— Сдурел? Ногами вперёд...

Савелий вывернул кусок брезента у его головы, немного прикрыл лицо, чтобы не так порошило. И «Буран» покатил дальше.

Пурга выла, пурга кружилась. Ветер бил в спину, продувая куртку, заметал глаза так, что от налипшего на ресницы снега они не закрывались полностью и моргали как-то наполовину. Савелий прижимал пальцы к ресницам, чтобы снег стаивал. Снег таял на щеках и стекал вниз на горло. Снег порывами залетал в рот, мельтешил перед глазами, отчего было трудно дышать и смотреть вперед. Крайний Север. Заполярье. Территория Арктики. Обычное ненастье.

Сколько часов шёл старенький снегоход в пурге, Савелий не знал. Он уже потерял связь со временем и только ежеминутно ждал одного — что из пурги вырастет город... Здание... забор... дорога...

Он ушёл из города на юг. С южной стороны что у нас в городе? Вокзал, оленьсовхоз, кладбище... Ещё вояки какие-то были... Может, на воинскую часть выйдет? Когда темнеет в феврале? Когда приходит вечер? Часов в пять? Никогда об этом не думал. Скоро придется ехать в темноте... Савелий вздрогнул. Засыпает... Он засыпает. Ветер убаюкивает. Он понимал, что монотонность пляшущего снега перед глазами снижает внимание и погружает в сон. Но нельзя засыпать! Кувыркнёшься, как Лёха! Впереди образовалась прореха, снегоход резко встал... Ручей. Простой заметённый ручей, русло в низине. Перекатим.

Когда начало темнеть, Савелий не заметил. Внезапно снег стал серым, пурга мутной, а снегоход ни с того, ни с сего вдруг заглох и остановился... Савелий дёрнул за стартер. Мотор чавкнул и смолчал. Савелий дёрнул ещё раз. Потом ещё... Он сошёл с машины. Разбирался в технике Савелий прекрасно. Неисправность нашёл мигом — бензин был на нуле. Бензина было достаточно для того, чтобы съездить за полсотни километров в тундру и вернуться обратно в город, но не для того, чтобы на скорости пешехода кружить по тундре целый день. Савелий сел на сиденье, руки положил на колени. Приехали!..

— Что там? — донеслось от Лёхи.

— Сдох коняка. Бензин вышел. Не рассчитал я на такую прогулку.

Разговор на этом закончился. Пурга стонала и выла. Ветер стал визжать так, словно радовался беспомощности человека. Савелий взял горсть жёсткого, холодного снега, протёр им лицо.

Варианты? Остаться здесь до конца и ждать, что пурга закончится так же внезапно, как и началась? Сколько Лёха протянет без помощи врачей? Сутки, двое, или, может, несколько часов? А если бросить Лёху одного, добраться до города и организовать спасательную операцию... Но где искать потом? Заметёт полностью его, не найдёшь. Если только по снегоходу найти? Так и снегоход заметет за одну ночь. В низине стоят, в низине всегда заметает.

— Есть мысли? — докатился до него голос Лёхи.

— Есть одна, — отозвался Савелий.

Он сошёл на снег, подошёл к Лёхе, не торопясь отцепил санки от своего «Бурана». Потом залез в багажник своей заглохшей техники, нашёл там пакет с НЗ: хлеб, сало, спички, зажигалка, спирт сухой, что-то ещё... Впрягся в трос, каким были прицеплены санки к снегоходу, и потащил их вместе с Лёхой куда-то в темноту ночи. Лёха, похоже, всё понял и застонал из последних сил:

— Да не надо это!..

В первые минуты Савелий даже как-то порадовался и за себя, и за Лёху, что идти по снежному и твёрдому насту оказалось не столь и тяжело. Лямка упиралась в плечи и грудь чуть ниже горла, Савелий придерживал её руками, немного оттягивая перед собой. По старому насту санки с Лёхой катили легко, словно по льду, но на новых белых «языках» только что наметённого снега — тормозили. Хорошо, что намело его не так уж много. Одно было нехорошо — тундра не бывает ровная. Когда катились вниз, приходилось санки придерживать, а когда вверх, тогда Савелий упирался так, что, казалось, глаза из орбит вылезают потихоньку.

Полной ночи как таковой в тундре зимой не бывает. Даже в безлунную ночь кое-что видно вокруг, хоть какие-то очертания местности. Но снег забивает всё, вплоть до света луны и звёзд.

Савелий шёл, куда ветер дул. Он давно уже потерялся в пурге, и единственным ориентиром был ветер, что дул в спину. Но ветер в пургу не дует однообразно, он бьёт порывами так, что может свалить с ног.

В низинах ветра было меньше. Здесь Савелий терялся — куда идти? Вроде только что дуло в одну сторону, а уже — в другую. Куда из низины выходить? Ужасно стало натирать плечи. Савелий перехватывал лямку от саней наподобие хомута, пропустив её подмышками, но очень быстро стало натирать шею через шарф. Сил оставалось всё меньше, хотелось завалиться на снег и уснуть... Поспать немного, хоть

полчасика... Он опустился на снег, встал на колени. От тюка брезента донеслось слабым голосом:

— Савелий! Телефон возьми, может уже...

Вот дурак старый! Савелий себя даже по голове хлопнул. Заигрался в герои! Телефон же есть?

Он быстро отвернул брезент, пошарил рукой по груди Лёхи, нашёл в кармане телефон. Включил. Телефон вспыхнул в ночи яркими, цветными огоньками. Цивилизация. Савелий глянул на дисплей. Ноль. Полный, тихий, не опознаваемый ноль.

— Себе возьму, — сказал он, — буду проверять, может, где поймаем сеть.

Вставать со снега не то что не хотелось, а просто не моглось. Они сидели в низине, ветер здесь кружил снег, а не бил порывами. Здесь можно было спокойно сидеть и даже спокойно дышать, не ловя воздух ртом, как там — наверху. Но надо было выбираться наверх, всё равно надо было идти вперёд, в город, к людям. Лёха долго не протянет. Эта мысль занозой сидела в голове Савелия.

— О чём думаешь? — вдруг спросил Лёха.

— Ни о чём, — прерывисто ответил Савелий.

— Скажи. Легче будет...

— Легче не будет, — сказал Савелий, — «Буран» сдох, мясо потерял, пурга усилилась, а идти надо... Дойти надо.

— У тебя семья есть? — спросил Лёха.

— Есть. Для них и корячился.

— Может, один дойдёшь? Может, так быстрее будет? Там объяснишь всё эмчээс...

— Один не дойду, — сказал Савелий, — ветром сдует.

Савелий поднялся, подхватил лямку, впрягся и потащил сани наверх из низины. Наверху ветер рвал и бил своими хлыстами так, что иногда даже помогал двигаться вперёд, особенно на спусках. Подгонял так, что Савелий санки придерживал ногой. Потом опять вверх, опять: то поперёк лямку, то сверху на шею, то поперёк, то сверху... В какое-то время Савелию показалось, что мозг у него больше ничего не воспринимает, кроме снега, ветра и ломящей боли в плечах. Вначале он поминутно смотрел на дисплей телефона, надеясь, что тот обнаружит сеть, потом забыл про него... Телефон стал бесполезной игрушкой в руках природы. Савелий спускался в низины, поднимался наверх, падал, поднимался, хватал летящий снег ртом, подхватывал его рукавицей с наста, жевал до ломоты в зубах и голове. Ужасно хотелось пить. Воды у них не было. Про хлеб да сало Савелий ни разу и не вспомнил. Хлеба не хотелось. Хотелось спать, пить, закрыть глаза

и уснуть. Уснуть стоя, уснуть на ходу, уснуть на минуту, секунду, но уснуть, забыть... Всё забыть, поверить, что всё это — кошмарный сон. Хотелось упасть и не вставать. Никогда больше не вставать.

Савелий шёл, бездумно передвигая ноги, ничего не соображая, ничего не понимая, ничего вокруг себя не видя. Просто надо было идти и надо было тащить за собой санки с человеком. Почему? Потому что надо идти в город, в тепло, к людям. Почему надо тащить на себе эти санки с человеком? Потому что ему тоже надо к людям, а сам он идти не может... А к людям ему надо... А Савелию надо домой, у него пацан Володька, у него дочь, жена... В пурге он увидел сына — тот играл на снегу с большой машинкой, снег возил...

Ночь оказалась длинной. И ночь оказалась холодной, потому что Савелий вспотел. Нет, он не вспотел, пот просто капил с него крупными каплями по всему телу, потому тело стало мокрым от пота, и его холодил этот жуткий, страшный ветер, продувая куртку, проникая внутрь, морозя тело...

Пару раз Савелий крикнул что-то Лёхе. Просто так крикнул, без дела, без нужды особой. Чтоб ответил. На голос тоже силы надо. Сил не было. Их не осталось совсем. Савелий остановился, подумал: может, Лёха умер? Скончался так вот тихо человек, никому ничего не сказав. Хорошо это или плохо? С одной стороны, труп можно здесь оставить... А с другой? Песцы могут лицо обгрызть. Всякая живность тут начнёт человека есть... Нет, так нельзя, тащить надо и труп...

Савелий остановился, ноги подкосились и он упал на колени. Так стоял какое-то время. Ему показалось, что глаза его закрылись, и он уснул на секунду или минуту...

— Сава! — крикнул кто-то женским голосом.

Савелий очнулся — как по голове ударили. Голова раскалывалась от боли.

— Савелий! — услышал он голос Лёхи.

Савелий очнулся, увидел, что стоит на коленях. Поднялся. Подошёл к Лёхе. На колени уже не опускался — бухнулся.

— Савелий, — сказал тот из-под брезента, — я забыл... У меня в кармане, во внутреннем... спирт на лимонном соке... с золотым корнем... в дорогу... Попробуй. Золотой корень силы даёт.

Савелий минуту молчал, не понимая, что от него хочет Лёха? Какой спирт, какой ещё лимонный сок?.. Сок?.. Сок — это вода!

— Где? — нехорошим голосом спросил он, шаря по груди у Лёхи. — Где сок?..

— Не сок, Савелий. Спирт разбавленный соком лимонным.

— Спирт? Зачем спирт? Делать что?

— Хлебани глоток, — сказал ему Лёха уже потвёрже, — он на золотом корне. Поможет. Силы даст на время. Только много нельзя... Опьянеешь — уснёшь.

Савелий нащупал тонкую, выгнутую фляжку во внутреннем кармане Лёхи, вытащил, в потёмках отвинтил крышку и сделал глоток. Потом сделал ещё глоток. Потом третий... Захотелось сразу есть. Он достал пакет НЗ. Достал хлеб и сало нарезанное.

— Что ж ты молчал? — уже пришёл в себя Савелий. — Спирт тебе нужен в первую очередь. Ты же много крови потерял. Когда доноры кровь сдают, им всегда то вино сухое, а то и спирту медицинского дают... Это какой спирт? Медицинский?

— Да нет, Савелий, — пробормотал Лёха, — гидролизный это спирт... сушит от него по утрам сильно, если переборщить. Но не отравишься, не бойся.

— Спирта бояться, скажешь тоже, — жевал сало Савелий, просто мгновенно ощущая, как приходит в себя и как по венам струится кровь, как неведомо откуда вместе с кровью бежит по жилам сила.

— Холодно, — прошептал Лёха, — спину не чувствую. Помираю, что ли? Сдохну — ты брось меня. Потом найдут. Весной. Знаешь, под погибшими людьми снег не тает, и весной в тундре появляется «гриб» снежный, а сверху тело человека... Худо, правда. Пошевелиться бы мне... Не могу... Холодно под спиной...

Савелий стянул с себя куртку, свернул её в три полосы, как это делают в магазинах, когда упаковывают, быстро развернул брезент, Лёху резко приподнял с краю и засунул куртку под него.

— Дурак, — сказал Лёха благодарно, — тебе важнее, ты же тащишь... Савелий...

— У меня ещё кожанка, — показал тот во тьме короткую, тёртую кожаную куртку в пояс, — и свитер там — шерсть чистая. Вытащу. Ну-ка, давай!

Савелий приподнял Лёху за спину, поднёс фляжку. Лёха руку одну вытащил, ухватил как-то слабо фляжку, отпил пару глотков, поморщился, попросил:

— Зажевать дай?

Савелий быстро достал кусок хлеба с салом. Лёха откусил вместе с залетевшим в рот снегом, чуть прожевав, и вымолвил:

— Ну да... слохнуть всегда веселее навеселе.

Савелий уложил его обратно, подоткнул брезент, поднялся на ноги, впрягся в лямку, ухватив её перед собой руками и потащил сани дальше.

Что всегда визжит в пурге — неизвестно, но завывания ветра со снегом бывают такие пронзительные, что давит на уши и мозги. Ночная пурга рвёт человека сильнее, чем дневная. Ночная крутит человеком так, словно он попал в мясорубку. Бывает, что даже посмотреть впереди себя — большая проблема, потому что едва лицо поднимешь, отхлестает снежными плетьюми так, что начнёшь плевать и ругаться, отмахиваться неизвестно от чего. А бывает, что вроде и несильно снегом обдаёт, да тот же ветер так напирает, что хоть носом, хоть ртом ухватить воздуха невозможно, а потому опять — голову вниз.

На одном из подъёмов тундры, Савелий достал телефон Лёхи... Сети не было, часы показывали два часа ночи.

Силы, что даёт алкоголь на непродолжительное время, заканчиваются очень быстро, если их расходовать неразумно. Например, если тащить сани с человеком. Здесь никакого алкоголя не напасёшься. Похмелье придёт в момент, дурь пьяная через пот выйдет за полчаса, а отравление останется. Потому человек прикладывается вновь и вновь, что заканчивается весьма плачевно.

Шёл Савелий теперь не столь автоматически, как раньше. Теперь он соображал, что вокруг творится и что он делает. Поставил цель — если начнёт сдавать, если начнёт засыпать, если глаза станут смыкаться, только тогда можно ещё... Пить можно только для поддержки, а не для расслабления. Потому что, если он грохнется и уснёт, Лёшка ведь даже и помочь ничем не сможет. Один будет замерзать во сне, другой наяву... Тьфу, зараза! Надо думать о чём-то хорошем... Песни, что ли, петь?..

Он уже давно стёр ноги в своих ботинках, давно промёрз весь, насквозь, до самой макушки головы, обморозил руки, потому что на ветру, в мороз, держать кулаки сжатыми нельзя... кровь не ходит по ним. А как их держать, если надо лямку перед собой удерживать? Иначе не потянешь. Савелий уже привык к темноте, под ногами снег просматривался — и слава богу! Иногда в глазах вспыхивали какие-то молнии, которые были похожи на круги белого света, причём круги были на снегу, на настe, там, где он и видеть их не мог, потому что стена снега... Перед ним стояла стена бушующего снега... Наст был виден лишь под ногами.

Савелий обтирал лицо ладонью от облепивших его снежинок, сжимал холодными пальцами ресницы, чтобы глаза хоть как освободить от налипших ледышек, рука мёрзла ещё сильнее, он быстро прятал её в рукавицу, сжимал в кулак, чтобы пальцы хоть немного друг о друга согрелись — ничего не помогало. Когда он внутри рукавиц сжимал и разжимал пальцы, слетала лямка троса, падала ему на грудь... Савелий останавливался, какое-то время стоял беспомощной фигурой в ночи, потом, словно бурлак на реке, поднимал лямку и опять шёл, тянул за собой сани с Лёхой... А кто этот Лёха?..

Пурга как-то совсем внезапно усилилась. Мало того, что усилился ветер, так ещё и тучи стали более плотными и стало совсем темно. Савелий снял с себя лямку, хотел под мышками пропустить, чтоб кулаки немного отогрелись, чтобы руки немного отдохнули, но ветер ударил таким порывом, что его бросило на снег и прокатило валиком по насту... Он встал и... не увидел саней...

— Лёха! — крикул он во тьму. Ответа не услышал. Ветер, вой, свист, какой-то издевательский свист.

— Лёха!! — крикнул он что было силы.

И тут же подумал — а что так орать, Лёха ведь крикнуть в ответ не может?

Савелий достал фляжку, сделал один глоток, второй... Затем быстро, буквально не соображая, зачем и что делает, вытоптал поглубже в насте маленькую площадку, разбивая его рёбрами ботинок, чтоб было видно, где сейчас он стоит, тут же мелкими шагами, твёрдо ступая по снегу, так, чтобы в насте оставались насечки, сделал десять шагов в одну сторону — пусто. Вернулся по следам, всматриваясь перед собой в полусогнутом положении. Площадку нашёл, сделал также несколько шагов в другом направлении — пусто. Крикнул — нет ответа. Вернулся. Пошёл в третьем направлении — пусто. В четвёртом — пусто. Может, не доходит? Может, укатило ветром много дальше, чем кажется? Савелий поправил площадку с изломанным снегом, вытоптав её ещё больше, пошёл опять... шаги мерял, ноги вдавливал. Куда его катануло? По ветру? По ветру, конечно. Что ж тогда он не находит сани?.. Вернулся. Постоял, спиной ветер прочувствовал: ровно по ветру стоит... Но порыв ударил так, что его согнуло пополам, он упёрся руками в снег, ветер ударил вторично и его прокатило по снегу дальше... Он поднялся на колени, стал искать площадку, проломы в снегу — ничего. Снег здесь был ровный, чистый. Теперь и «площадку» потерял.

Ветер ударил в третий раз, но Савелий удержался, потом плюхнулся на снег ничком и так лежал какое-то время. Когда порывы прошли, он поднялся. Но куда идти?

Савелий достал таблетку сухого спирта. Как поджечь спирт, чтоб не потух на ветру? Надо ему какую-то защиту, совсем маленькую, лёгкую защиту, чтобы порывом пламя не сорвало...

Выход нашёлся сам. Савелий выкопал перочинным ножом маленькое углубление в насте снега, положил внутрь таблетку, поджёт её от зажигалки. Пламя огня заколыхалось, стало разгораться. Савелий хотел руки обогреть, да времени не было, пурга мела, следы заметало. Он выждал пару мгновений, когда порывы ветра вновь спали, поднялся и пошёл обратно, против ветра. Где-то здесь... где-то здесь... Обернулся пару раз назад — горелка его сияла неземным огнём тепла и жизни. Где-то здесь... Савелий встал на четвереньки, стал искать словно пёс, чуть ли не вплотную к насту лицом. Вот!.. Вот пролом от его ботинок! Сделал пару шагов в сторону и нашёл то, что уже осталось от его вытопанной площадки — лишь штрихи от ударов подошвы ботинок. Теперь — от неё дальше против ветра... Стоп! Савелий вновь выкопал ножом углубление в насте, поджёт ещё одну таблетку спирта, опустил её в снег.

Озираясь, пошёл на ветер. Сделал десять-пятнадцать шагов. Пусто. Посмотрел назад — огонь прорывался светом сквозь месиво пурги слабо, но его было видно. Савелий плюнул и пошёл дальше. Через пять шагов наткнулся на сани... Есть! Вот он, Лёха, вот его друг Лёха! Никогда бы Савелий раньше не подумал, что может обрадоваться чужому человеку, да ещё в той ситуации, когда этот чужой человек вполне может его погубить своим беспомощным присутствием.

Он упал перед Лёхой на колени, откинул брезент, Лёха на это открыл глаза.

— Ага, — сказал Савелий, — я тут... Нельзя одному никак, понимаешь?

Он тащил сани, опять ничего не соображая, не понимая, не чувствуя ни боли в плечах, ни холода и усталости, не видя перед собой ничего, кроме наста под ногами... Савелий шёл. Сани обречённо и безвольно тащились за ним. На санях недвижно лежал человек, жизнь которого стоила сейчас ровно столько, сколько Савелий мог вытянуть, сколько мог выдержать.

Он достал телефон, глянул на дисплей — три часа ночи. Сети нет. Светает где-то в шесть... Ещё три часа... А что ему

даст рассвет?.. Похоже, сейчас будет спуск, слишком долго пришлось упираться, выходя наверх.

— Что, не видно города? — услышал он едва-едва от тюка на санях.

Быстро подошёл, откинул брезент. Лёха был живой, в сумраке ночи моргал глазами.

— Метёт, собака, — ругнулся Савелий, — пять метров, дальше — стена.

— С пути не могли сбиться?

— Ветер в спину был. Перемениться не мог. Рановато ему... Да ты не гоношись... Вытяну.

— Спирт как?

— Берегу.

— Пьёшь как?

— Глотками.

— Да нет... Помощи просишь?

— Что? — Савелию показалось вначале, что он ослышался, потом подумалось, что Лёха начал бредить.

— Когда пьёшь, у духов неба и тундры надо помощи попросить, — сказал Лёха.

— К-как это? — запнулся Савелий.

— Так. На полном серьёзе.

Савелий смолчал, чтобы не обидеть Лёху ненароком. Состояние у обоих всё же было не очень здоровое. Потом глянул вокруг себя, ничего не увидел, чуть насмешливо спросил:

— И что просить надо? Вездеход, вертолёт или машину «скорой помощи»?

— Да то, что они тебе дать могут, — сказал Лёха.

Савелий сел на снег рядом с Лёхой, достал фляжку и самому себе сказал — сейчас, что ни делай, хуже не станет. Отвинтил пробку, фляжкой на вытянутой руке чуть взмахнул, как в приветствии, и крикнул что было мочи вверх:

— За духов неба и тундры! Дорогу покажите? Город мне покажите? Город!

Встал на ноги, глянул по ветру, куда шли, в крошечную темноту, в снежную стену.

— Тучи сносит, — донеслось от Лёхи.

И внезапно стихло. Как-то по-сказочному стихло на мгновение, словно кто-то дунул и снег сошёл. Снег сошёл вместе с ветром куда-то вниз, темнота осталась, а снег растворился. Это длилось мгновение, это было неестественно красиво. Пурга мела, а перед ним вспыхнул огнями город Воркута. Вспыхнул так, словно Савелий на горе стоял, а город под ним расстилался. Вспыхнул на секунду в просветлении пурги, вспыхнул, как оазис в пустыне снега, холода и мрака, и пропал тут же.

— Город! — заорал Савелий, безумно смотря перед собой в снежную стену бушующей пурги. — Город, мать вашу!

Ухватил сани и побежал вниз с подъёма.

Бежал Савелий так, что сани дёргались от его рывков, словно привязанная лодочка за большим кораблём. Иногда сани, срываясь с места, догоняли его и били по ногам. Савелий ничего не чувствовал, ничего не соображал. В голове сидела картинка светящегося перед ним города, картинка жизни и спасения. Ветер выл ещё сильнее, стегал порывами резче, крутил снег ещё гуще, беспросветнее, словно испугался, что Савелий убежит сейчас от него.

Город! Савелий видел город! Тот самый город, в котором прожил уже столько лет и никогда даже подумать не мог, что этот город так красив и привлекателен, так уютен и удобен для жизни. Он светился в ночи, как самый неповторимый город на Земле. Он вспыхнул в ночи, словно звезда на тёмном небе, словно яркий месяц после чёрной и непроглядной грозы в поле, как это было у него в Полтаве... далёкой Полтаве, где ночью без месяца на небе никуда...

Савелий достал фляжку, приложился ещё на пару глотков, закусывать не стал, не до закуски сейчас... Дойти! Надо дойти! Они уже рядом, уже вот-вот...

Савелий упал... Упал, не потому что запнулся. Устал. Организм выдохся, сердце заходило, стучало так, словно выскочить хотело. Секунды он лежал, шептал тихо — не спать, не спать, не... Что-то толкнуло его в ноги, Савелий очнулся, открыл глаза, повернулся... сани стояли рядом, уткнувшись ему своим носом в ботинки.

— Савелий! — позвал Лёха. — Не спи! Я звуки слышу...

— Что? — Савелия словно кто-то стегнул плетью, он поднялся, тут же склонился над Лёхой, отвернул презент. — Какие звуки? Где?

— По металлу стучат, — сказал Лёха, тихо шевеля бескровными губами. — Это вокзал, Савелий, это путейщики по колёсам... своими молотками... Вот, слышишь?

Савелий не слышал, но Лёхе он поверил. Он бы не поверил, если бы не видел перед собой в низине город, светящийся огнями. А так — поверил. Город был, они идут с юга, с юга у города находится вокзал. Город, город... Темно как. Скорее бы рассвет, темнота давит, сознание работать не хочет, скорее бы рассвет!

Через полчаса город не появился. Савелий достал телефон, проверил сеть — сети не было, телефон показал ему четыре часа утра.

Снежная кутерьма под утро не уgomонилась. Савелий отчего-то вспомнил море... Чёрное море, где он, бывало, отдыхал с семьёй летом. На море как-то утром всегда тихо, спокойно, штиль... Почему море?.. В Полтаве тоже есть снег, даже метель может быть, но такого снега, как здесь, нет... Если сейчас снег убрать, то окажется, что Савелий висит в воздухе... Наметает в Большеземельской тундре около пяти метров снега за зиму — вспомнилось ему.

Пот катил ручьём по лицу, по телу. Савелий опять внезапно ощутил, что ему жутко холодно, что он идёт вперёд с закрытыми глазами, что он где-то потерял свой шарф, потому что на груди подбородком уже не чувствовал его узла... Он ведь завязал его на груди... Завязал, и узел этот постоянно тёрся о подбородок... Теперь нет... Потерял шарф...

Если сейчас бросить сани — он дойдёт точно! У него сил ровно на двадцать две минуты. Дальше — всё! Сон. Холод. Забытьё.

Если сейчас бросить сани — он выживет и дойдёт до города, а там он расскажет, где сани... Найдут? А леший их знает, как они ищут?

Если сейчас бросить сани — город станет реальностью. Он увидит свет, он выйдет к городу... Он достигнет... Дети, жена...

Савелий упал носом в снег, упал в жёсткий наст и от боли даже очнулся. Сел на колени. Смотрел бездумно, безучастно перед собой. Снежное молоко — больше ничего. То есть?.. Савелий вздрогнул, всмотрелся в «даль». В голове застучала мысль — как молоко? Значит, белое? Значит... светает?.. Достал телефон — сети не было, часы показали шесть утра... Утро! Как это он не заметил? Пока размышлял, как он будет здесь сани бросать — рассвет пришёл!

Его била лихорадка от боязни, что свет сейчас исчезнет, что часы врут, что он просто уже уснул, и это предсмертный бред... Но свет не исчезал. Стали проглядываться вихри снега на метры перед ним. И словно возглашая рассвет, где-то ударил колокол... Колокол ударил тонким коротким звуком... Но разве у колокола может быть короткий звук? Савелий замер. Вновь ударил колокол... «Как так, — думал он, — мы что, уже в городе возле церкви?..»

Савелий быстро вскочил на ноги. Сил не было никаких. Он пошёл без сил, потому что организм уже просто сдох. Глаза ничего не видели. Он шёл на звук. Мозг сейчас мог выполнять только одну работу — переставлять ноги, он и переставлял их.

Третий раз колокол ударил совсем рядом, Савелий поднял голову, всмотрелся и в прорывах пурги, в десяти метрах от себя увидел... тепловоз. Тепловоз... За ним вагоны. Рядом стоял путеец и молотком на длинной ручке стучал по колёсам... И что ему пурга?..

...Какие-то мужики тащили Савелия под руки куда-то через пути, какие-то мужики, охая и ахая, тащили за ними сани с Лёхой, как-то быстро нашлась машина, большая какая-то машина... Какой-то голос слева молвил:

— Тихо, тихо тащи, телефон у него выпал, подыми вона... сунь в карман.

Голос справа молвил в ответ:

— А что ж он эмчээс не набрал?..

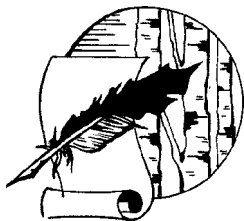
Голос слева:

— Так вышка же грохнулась!.. Забыл?

Только погрузились, только сели куда-то на лавку... Только глаза Савелий закрыл, уже надо выходить. Где мы? Куда приехали? Домой? Савелий сам спуститься с машины не мог. Помогли, повели куда-то... Коридор... Он закрыл глаза, его посадили в кресло в коридоре, он что-то постоянно им всем говорил — я в порядке, устал очень... Лёха... Лёху гляньте, у него голова...

Лёху унесли на носилках. Брезент и куртка Савелия осталась лежать на санках, которые внесли с Лёхой в приёмный покой. Савелий остался один. Совсем один. Он достал фляжку, отвинтил крышку, хлебнул крепко. Сознание вернулось мгновенно. Он был в городской больнице номер один, сидел в коридоре приёмного покоя. Напротив него лежали его санки с брезентом, а на них куртка. Савелий хлебнул ещё раз спирта, лёг на санки и через секунду спал беспробудным сном.

г. Воркута

Диана КАН

НА РАСПАХНУТОМ НАСТЕЖЬ ПРОСТОРЕ

* * *

Не кручинься и не плачь,
Что под небом зябко мгlistым,
Оренбургский карагач,
Ты глядишься неказистым.

Не печалься, не грусти,
Что не уродился кедром,
Ибо кедру не снести
Приступов степного ветра.

Непокой да неуют.
Да ещё (их нрав неистов!)
Вновь и вновь стеной идут
Степняки-ветра на приступ.

И чинуш спесивых рать —
Ты им тоже не по нраву.
Ой горазды вырубать
И налево, и направо!

Размахнутся топором —
Только мы тебя видали!
Что им, дурням, что знаком
Ты был с Пушкиным и Далем?

Пригодятся на гробы
И на плашки для паркета.
Кабинетные дубы,
Незнакомые с поэтом.

Что им гордый русский стих,
Устремлённым на Канары?..
Ты — бревно в глазу у них,
Знойным пальмам ты не пара!

Топором взмахнёт палач...
В дни печали и раздора
Оренбургский карагач
Малой родины опора!

ИСТИНА ШУКШИНА

Мы все — немного чудики.
А ты у нас — один!
Нам истину на блюдечке,
Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
Необходима нам.
И с голубой каёмкою,
Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
Когда ночей не спал.
Но неподкупной истины
Язвительен оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

...Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг..
Подарена... Потеряна!..
А без неё — никак!

* * *

В изысканном корейском ресторане
На закуску закажу себе селёдки..
О родине, потерянной в изгнание,
Мы говорим за стопкой русской водки.

Забуть про неприкаянность надеясь,
Мы вопреки политкорректной скуке
Тоскуем о прабабушке Корее,
Которая сама с собой в разлуке.

Всё это сколь почётно, столь печально.
Чем дальше, тем страшней, как в старой сказке, —
Держать удар меж русской наковальной
И молотом надменным самурайским.

Как вольный ветер, по миру скитаться,
Но всё ж заветы прадедов лелеять.
В горниле роковых репатриаций
Надеяться, любить, бороться, верить...

Ты, мой народ, цены себе не знаешь!..
Упряданный в напевы Арирана,
Великодушьем русским укрощаешь
Змеинный холодок меча-катана.

Хотя и нет тебя исповедальной,
Но разгадать тебя поди попробуй —
Сроднившийся с российской наковальной
Народ корейской — самой прочной! — пробы.

* * *

Вдоль по камушкам Кама бежала —
Своенравная песня-река.
В Волгу вовсе впадать не желала —
Мол, я ей не простушка Ока.

Я раздольнее, шире, древнее...
Кто первее — открытый вопрос.
Кто во мне усомниться посмеет?
Кто в меня не поверит всерьёз?

Говорила Оке, говорила —
Не роднилась бы с Волгой-рекой
И объятья её отклонила,
Впредь оставшись свободной Окой.

Что бы проще? Сбежав от истока,
Суверенный блюсти интерес,

И небес лучезарное око,
Отразив, разливаясь окрест.

Но сестрица не вняла совету,
Восприяла совет за навет...
Эй, откликнись, Ока моя, где ты?
Песня, волжская песня в ответ!

Что тут думать и сетовать долго,
Волгу лютой захватчицей клясть?
Проложу-ка я русло под Волгой,
Чтоб в объятья её не попасть!

Чёрный ворон поможет мне в этом.
Каркни, милый, как выйти на свет!
Коли ты не родился поэтом,
То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною камня,
Кама глубже под землю пошла...
Но в заветное это мгновенье
Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон от страха и злобы
Перепулав, кто грязь, а кто князь.
Из земной потаённой утробы
Вышла Кама и — с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
Голубая печаль глубока.
Обнимается с Камой сестрица —
Вдохновенная Волга-река!

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам — повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь — опасное искусство —
Взасос, взахлёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень — очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы — по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблоч летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небьель,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,

Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность ни спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я ни приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

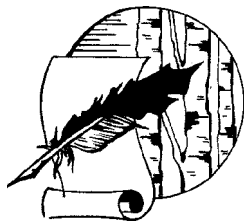
В той роще, как поэт непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом встречном-поперечном
Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девочкам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,
Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся — дырой!

г. Оренбург

Юрий МАНАКОВ

МАРЬИНА РЕЧКА

* * *

А когда-то в мире жили сказочники,
И года, как молоко, текли.
Толпы распоясавшихся лавочников
Это всё за край отволокли.

И юдоль земную обезбожили,
Все преданья обратили в дым.
Для кого расчистили дороженьку —
Это им известно лишь одним.

Но пока они собой любят,ся,
Жизнь кроют под закрома свои,
То подснежник где-нибудь проклонется,
То взорвутся песней соловьи.

ЗВЕЗДОЧЁТЫ

Не в моде теперь звездочёты:
Ни денег тебе, ни почёта.

Сейчас впереди счетоводы —
И блага у них, и погода.

Продажной эпохи кумиры,
Торговцы — владельцы мира?..

И тот между ними хороший:
Кто больше людей облапошит.

А мне по душе звездочёты —
Ведь есть в них небесное что-то!

МАРЬИНА РЕЧКА

Под горой в омшанике, в склон упёртом крышею,
На повети свежего сена постелив,
Как спалось — любилось нам, даже звёзды слышали
Наших песен чувственных сладостный мотив.

А уж как мы поутру уходили во поле
Да звенели косами острыми в лугах!
За твоей косынкою я носился соколом,
И роса поблескивала жемчугом в валках.

И когда полуденно растекалось марево,
Знали мы укрытие в тесных берегах:
Речка невеликая под названьем Марьиная
Огибала пасеку в ивовых кустах.

Серебрились заводи вперемешку с плёсами,
И вода прозрачная тёплой была.
Я всю эту реченьку на тебя выплёскивал,
Ты же, как лебёдушка, берегом плыла.

Позже дед улыбочивый нас всё мёдом потчевал,
Из тенёчка выставив кринку молока.
Хлеб макали в миску мы, дожидаясь ноченьки,
И друг дружку весело торкали в бока.

...Нет давно омшаника, обмелела реченька,
Потускнели росписи брошенных лугов,
Но в душе отчётливы те деньки сердечные.
Я за них по-прежнему всё отдать готов.

* * *

Июль нараспашку по родине бродит,
Осинники треплет на горных хребтах.
Цветут помидоры в моём огороде:
Зелёное с жёлтым в богатых рядах.

Ползут на тропу огуречные плети,
И ягоды вишни рубином горят.
Пионы на цыпочках — малые дети! —
О чём-то неслышно своим говорят.

А в кадке с водой отражается небо,
Купаются звёзды в её глубине.
И жук-носорог пролетает свирепый,
Но с ним я знаком — и не страшен он мне.

Качается солнечный зонтик укропа,
Клубника отходит, пространство кисля.
А я, как и в детстве, молю Бога, чтобы
Всегда оставалась такою земля!

* * *

Дорога в гору. Крутизна. И кедры,
Кудряво расступившись по краям,
Целебный запах источают щедро
И словно путь обмахивают нам.

В просветах пики снежные и солнце
По-августовски ласково блестит
На листьях чемерицы. Колокольцем
Трель жаворонка в зарослях звенит.

И вдруг неясный гул и содроганье,
Покой разодран, топот всё слышней:
Натягивает привод мироздания
Хмельной табун несущихся коней.

Беда в лицо оскалом конским брызжет.
Стихийных сил сквозное торжество...
И как успел своих я ребяташек
Смахнуть с дороги под кедровый ствол!

Пахнуло на мгновение отгоном,
Альпийским лугом, влажным потником
И первобытным чем-то, незнакомым,
Что долго еще чувствовал потом.

Пронёсся смерч, упругий, беспощадный.
В пыли табунщик придержал коня:

«Остались живы все? Ну вот и ладно». —
И он умчался, стременим звеня.

А мы стояли, я и мои дети,
В нас клокотал отчаянный восторг:
Вот так вот просто взять и вечность встретить,
Впустить в себя, раскрыть такой простор!

Вновь над кустами пташечка свистала,
И кедры путь нам лапами мели.
Нас всех тогда судьба поцеловала
И табуном растаяла вдали.

ПОЧЕРК

У мамы почерк был каллиграфический,
А я, как лапой курица, чиркал.
Порядок был такой идиотический:
Чтоб каждый только правую писал.

А я — левша. Указкою по пальцам мне
Учительница правила мозги.
В тетрадях оттого, как ни старался я,
Росли каракули, как пауки.

Ах, как же я любил чистописание!
Перед листом всегда благоговел
И промокашкой, словно накрахмаленной,
Я без помарки промокнуть умел.

Но буквы и слова брели по-разному —
Не управлялась правая рука.
И от пятёрок, как великих праздников,
Была моя учёба далека.

Вот говорят: по почерку характеры
Учёный может вмиг определить...
А если не своей рукой, как трактором,
Меня принудили весь век водить?

Теперь, когда и жизнь почти вся вызнана,
На ней я вижу грустную печать:
Того, что было с вечера написано,
Мне поутру уже не разобрать.

* * *

Мне еще хоть изредка, но снится,
Исцеляя голову мою:
Льёт отвесно тёплый дождь, и птицы
В белопенных яблонях поют.

Тучи растекаются над лесом
И уже предсолнечно светло.
Я сижу на лавке под навесом,
Прошиваю старое седло.

Отошли недельки нежилые...
За иглой проворною следя,
Вздёвываю нити золотые
Солнечного майского дождя.

Сбруя нынче будет то что надо!
Оседлаю к вечеру коня
И умчусь сквозь проблески заката
Завтрашнюю зорьку догонять.

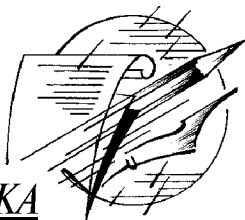
г. Риддер, Рудный Алтай

Вячеслав ТЕТЁКИН,
доктор исторических наук

«ПАТРИОТИЗМ» ОЛИГАРХАТА

То, что Россия находится не в лучшем экономическом и политическом состоянии, вряд ли нужно доказывать. Факторов здоровья или нездоровья экономики много. Один из ключевых — качество управления. Сколько раз мы видели, как страна с тем же самым населением и природными ресурсами вдруг совершала поразительный взлет, — Сингапур, Китай, Вьетнам... Почему они ускорились столь мощно? Да потому, что смена руководящих кадров обеспечила выбор новой, успешной стратегии развития. В Сингапуре эта смена ассоциируется с именем Ли Куан Ю, в Китае — с Дэн Сяопином, во Вьетнаме — с переменами в руководстве компартии.

Европа и США, невзирая на постоянные кризисы, в целом сохраняют стабильность, поскольку политическая система, отработанная в течение веков, позволяет гибко перенастраивать управление государством в зависимости от меняющейся обстановки в мире. Есть, однако, и примеры обратного свойства. Украина. Одна из крупнейших по территории и населению европейских стран,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

обладающая богатейшими природными ресурсами, еще недавно располагавшая мощной, в том числе и авиакосмической промышленностью, эффективным сельским хозяйством, сильной наукой, социалкой. И вдруг на наших глазах страна летит в тартарары буквально за считанные годы. Гибнут промышленность и наука, зарастают поля, миллионы людей бросают родину и отправляются батрачить на клубничные поля Финляндии и картофельные угодья Польши.

Спрашивается: почему? Да потому что в результате государственного переворота в феврале 2014 года к власти пришли наследники фашистского наймита Бандеры, которых украинская олигархия использовала для окончательного разграбления страны. Если характеризовать основные беды Украины — это вопиющая коррупция и столь же вопиющая некомпетентность.

Иллюзия стабильности

А как справляется с государственным управлением элита России? Внешне может показаться, что гораздо лучше. Да, системный кризис углубляется, но постепенно, а не обвально, как на Украине. Это создает иллюзию некой стабильности. Однако лишь иллюзию, ибо российская элита ничем не лучше украинской: ей тоже присущи запредельная вороватость и столь же ужасающий непрофессионализм.

Что собой она представляет? Много говорят о разных «башнях» Кремля — властных кланах, находящихся в состоянии перманентной борьбы. Излюбленным занятием политологов и журналистов являются рассуждения, кто с кем дружит и кто с кем воюет, какие блоки возникают и рассыпаются, какие группировки усиливаются, а какие ослабевают, кто в фаворе у главы государства, а кто его доверие утратил.

Такой подход скорее сбивает с толку, нежели вносит ясность. Ибо неверно сводить оценку верхушки России лишь к персоналиям. На самом деле правящая группировка РФ состоит из двух основных элементов: высшей бюрократии и олигархии. Они тесно переплетены. Крупные чиновники обладают состояниями, сопоставимыми с богатствами олигархов. И наоборот — миллиардеры прямо влияют на политику государства, либо входя в состав его руководства, либо через своих представителей во власти. Есть примеры прямого сравнения высшего чиновничества и олигархии в виде руково-

дителей госкорпораций, которые, считаясь де-юре наемными служащими, де-факто являются их владельцами.

Происхождение и тех, и других — из лихих 90-х. После того, как КПСС — несущая политическая конструкция СССР — пала, к власти устремились откровенные проходимцы. Наиболее яркий пример агрессивных демагогов, прорвавшихся к власти, — бывший мэр Ленинграда Анатолий Собчак. Именно вокруг него сформировалась группа людей, которые до сих пор определяют политику страны.

Ее символ — бывший глава Роснано Анатолий Чубайс. Этот деятель после многочисленных скандалов, связанных с его именем, ныне ушел в тень. Однако в 90-х годах он был, что называется, для любой бочки затычка: руководитель администрации президента РФ, первый заместитель главы правительства, министр финансов, глава всей российской электроэнергетики (РАО «ЕЭС»). Поистине один из «столпов Отечества», обещавший забить последний гвоздь в крышку гроба коммунизма.

Он буквально катапультировался из младших научных сотрудников в кресло главы Министерства государственного имущества. Колоссальные богатства одной из мировых держав, созданные трудами многих поколений, попали в руки одного человека. Но руки эти были нечистыми. Целые отрасли промышленности, причем наиболее прибыльные, раздавались людям, случайно оказавшимся поблизости от злого гения российской экономики.

На самом деле в его поведении не было случайности. Там правила бал железная логика: замысел был в уничтожении общественной (государственной) собственности как опоры возрождения социализма в России. Одновременно за счет деиндустриализации шло уничтожение организованного рабочего класса как еще одного фактора восстановления социализма.

Чубайс был самым энергичным разрушителем. Однако в одиночку он ничего не сделал бы. В те годы под крылом Ельцина складывался целый пласт чубайсят. И если главный приватизатор ушел в тень, то, например, столь же непотопляемый Кудрин по-прежнему определяет политику страны.

Подросло и новое поколение «топ-менеджеров». В отличие от самородков первого, ельцинского призыва эти успели пройти обучение и стажировку в ведущих американских вузах. Достаточно упомянуть главу Фонда прямых инвестиций РФ г-на Дмитриева: Стэнфордский университет, Гарвардс-

кая школа бизнеса, работал в ивестбанке «Голдман Сакс» и консалтинговой компании «МакКинси», вошел в список «молодых глобальных лидеров» Давосского экономического форума. И вот этот человек с прочными корнями в западном бизнесе поставлен рулить российским инвестфондом в 10 миллиардов долларов.

Дело не в г-не Дмитриеве. Он лишь один из многих ему подобных воспитанников Запада, которые занимают стратегические позиции в правительстве РФ. В чем особенность новой аристократии России? Она почти не связана с Россией духовно и физически. Большинство из нуворишей, сколотив капитал, перебираются на ПМЖ в Европу или США. Там у них и семьи, и банковские счета. Россия для них — поле для разнузданного грабежа. Работают они вахтовым методом, навеваясь на родину лишь по необходимости. У этих людей атрофировалось чувство ответственности перед страной, где они родились, получили образование и сколотили капиталы. Народ значения уже не имеет. А если он чем-то недоволен, то для того и власть, чтобы держать его в узде.

У российской элиты нет собственной идеологии. Поэтому ее представители изначально пошли в идеологическое рабство к Западу, слепо заимствуя модели, которые на самом Западе уже стали предметом активной критики. Во всяком случае уровень «рыночного фундаментализма» — веры в чудодейственную силу свободного рынка — в верхушке РФ гораздо выше, чем в западных экономических ведомствах.

Западная экономика сейчас гораздо более регулируемая, нежели российская. Юрий Маслюков — председатель Госплана СССР, а затем — первый заместитель председателя правительства России — в свое время рассказывал мне, что Госплан СССР контролировал примерно 600 товарных позиций, а в Японии Министерство промышленности и торговли — более 2000. Вот вам и «свободный рынок». Однако вожди нашей экономики фанатично мчатся по курсу, признанному обанкротившимся во всем мире.

В отличие от западного правящего класса, который формировался веками и который научился удерживать власть не только силой, но и грамотно используя механизмы демократии, верхушка РФ взялась вроде как из ниоткуда. Никаких прочных и успешных традиций управления страной у них нет, отсюда неприкрытая ставка на фальсификацию всевозможных выборов и на силу.

Почему на Западе борются и достаточно эффективно с коррупцией? Потому что они там более честные? Вовсе нет! Воря и на Западе хватает. Но коррупция очень сильно искажает рыночные сигналы. А это препятствие к развитию экономики, что чревато тяжелыми социальными последствиями.

В нынешней России коррупция — неотъемлемая часть государственного устройства, выстроенного после 1991 года. Более того, она является стержнем этой модели. Возник «бандитский капитализм», как его назвал один из столпов мировой олигархии Джордж Сорос. Есть и другое определение — «блатной капитализм». Это не классический капитализм с его стремлением к эффективности как основному средству конкурентной борьбы. В российской модели главное — административный и силовой ресурс, густо замешанный на взяточничестве и коррумпированности судов.

Еще одна черта российской элиты, отличающей ее от западных коллег, — начисто отключенное чувство самосохранения. Правящие группировки Запада неплохо выучили уроки 1917 года в России и поэтому строят социальную политику так, чтобы не довести дело до революции. Нынешние же хозяева РФ полностью игнорируют уроки истории, по какой-то неведомой причине считая, что править им вечно.

Случайные люди

Почему эта власть до сих пор не рухнула? Дело не в мнимой пассивности народа. Русский народ уже неоднократно в своей истории доказывал способность подняться и отобрать у негодных правителей право распоряжаться своей судьбой. Причины мнимой апатии, на мой взгляд, две. Первая — запас прочности, созданный за годы советской власти практически во всех сферах жизни государства и общества.

В эти годы был рожден гигантский промышленный комплекс, включающий все современные типы производства. Возникли великолепные системы образования и науки, обеспечившие приоритет СССР по целому ряду направлений техники и производства. Создан колоссальный фонд жилья, больниц, поликлиник, вузов, школ, детских садов, спортивных комплексов. Именно в годы советской власти открыты и освоены колоссальные месторождения нефти и газа, на которых ныне держится бюджет России. Вооруженные силы получили ракетно-ядерное оружие, и поныне являющееся гарантом безопаснос-

ти страны. Эта огромная социально-производственная и оборонная инфраструктура до сих пор работает, несмотря на три десятилетия вполне сознательных усилий по ее разрушению.

Вторая причина устойчивости нынешней власти заключалась в постоянном росте мировых цен на энергоносители, продолжавшемся до определенного времени. Давайте вспомним конец 90-х годов. Экономика страны, разрушенная стараниями ельцинской команды, уже дышала на ладан. Именно в этом была причина неожиданного ухода Ельцина с поста главы государства и взлета мало кому известного тогда Путина.

Дело в том, что мировые цены на нефть оставались в течение всего правления Ельцина на весьма низком уровне — 15—20 долларов за баррель. К концу его срока в 1998 году они падали до 10—11, а то и до 9 долларов. Ельцин чувствовал, что скоро экономика, а за ней и его власть рухнут. Отсюда досрочный уход в отставку и назначение преемника, на которого можно было бы свалить свои грехи. Однако буквально через несколько месяцев после избрания Владимира Путина президентом РФ в марте 2000 года цена бочки нефти достигла 34 долларов. После этого цена энергоносителей продолжала идти вверх, достигнув в июне 2008 года исторического максимума — 143 долларов за баррель. После этого рекордного рывка черное золото несколько пошло вниз, но продолжало оставаться в пределах 110—120 долларов за бочку.

Полтора десятилетия на Россию лился подлинный золотой дождь. Причем без малейших усилий со стороны правящей группировки. В таких тепличных условиях ее главной целью была не модернизация экономики и социальной сферы с опорой на нефтяные сверхприбыли, а расталкивание их по банковским счетам счастливых членов «элитарного клуба». Вот так возникла нынешняя элита. Это люди абсолютно случайные. Они взлетели вверх не по заслугам, поднимаясь по служебной лестнице шаг за шагом, осваивая новые горизонты, расширяя свои знания и навыки управления, — нет, они вознеслись к небесам по принципу лояльности тому или иному деятелю, тому или иному клану или банковско-финансовой группе.

Однако повысилась ли управленческая компетентность правящей группировки? Не повысилась и не могла повыситься. Ибо для этого нужны два фактора: способность решать задачи общегосударственного масштаба и желание это делать. Ни того, ни другого у российской верхушки не обна-

ружилось. Да и откуда они возьмутся, если деньги в госбюджет и в их карманы сыпались сами, без малейших усилий.

Единственный случай успешного кризисного управления был с сентября 1998-го по май 1999-го, когда после дефолта, устроенного командой г-на Кириенко, Ельцин был вынужден назначить правительство профессионалов во главе с Евгением Примаковым. Справедливости ради нужно сказать, что реально это правительство возглавлял не «специалист широкого профиля» Примаков, а выдающийся государственный деятель, производственник и управленец Юрий Маслюков. Когда же Маслюков и его команда оттянули страну от края пропасти, необходимость в них отпала. Ельцин начал готовиться сбежать с тонущего корабля. Ему нужен был на капитанском мостике свой человек.

Ни Маслюков, ни сменивший его Степашин на эту роль не подходили. Так на вершине власти появился Владимир Путин — человек, не имеющий реального опыта государственного управления, но чей приход в Кремль магически совпал с быстрым ростом мировых цен на энергоносители. Необходимость в опытных профессионалах ввиду начавшегося золотого дождя отпадала. Вот мы и получили правительство, где Министерство промышленности и торговли возглавляет социолог Денис Мантуров, а космическую отрасль — журналист Дмитрий Рогозин.

Что представляет собой нынешняя элита? Даже численно — мизерную часть общества. К сверхбогатым, а именно они составляют элиту, относится около одного процента населения (менее 1,5 миллиона человек). Кое-кто из экспертов считает, что эта прослойка еще тоньше: примерно 100—120 семей. И это на фоне десятков миллионов нищих и бедных.

При этом средний класс, который в странах Запада является основной опорой власти, в России вполне сознательно уничтожается. Нет, наверху признают роль среднего класса как опоры власти, но только на словах. Алчные и хищные олигархи душат предпринимателей с одной стороны, а государственная бюрократия — с другой. Одним нужно набить карманы, другим — наполнить госбюджет (в интересах опять-таки олигархии). Но и те, и другие системно уничтожают мелких и средних предпринимателей.

К элите общества обычно относят творческих работников, крупных ученых, специалистов в различных областях жизни общества. Везде, но только не в России. Здесь «творческая интеллигенция» в полном соответствии с ленинскими оценками превратилась в обслугу олигархии. Безграмотные, без-

духовные олигархи и соответствующая бездарная, но алчная творческая обслуга. Что до ученых, инженеров, то их роль в обществе сведена до абсолютного минимума, о чем говорит нищенская зарплата настоящих интеллектуалов.

Ну а в чем же тогда суть противоречий между российской элитой и мировой олигархией, а также внезапно вспыхнувшего патриотизма верхушки РФ? Да лишь в том, что окрепшая отечественная олигархия отказывается предоставлять своим собратьям на Западе право грабить природные ресурсы России. Мол, это мы сами можем. Отсюда и источник так называемого патриотизма.

Социальная опора нынешней власти и ее элиты безостановочно сужается. Пирамида власти перевернута с основания на ее острие. Такая конструкция крайне неустойчива. Мощный порыв ветра истории — и она зашатается. Потрясения, которые вызывает политика нынешней элиты, опрокинут эту пирамиду. А мощные толчки — всё чаще...

<https://www.vpk-news.ru/articles/59465>

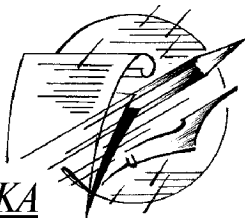
Валерий РАСТОРГУЕВ,
доктор философских наук, профессор МГУ

ТАЙНА, О КОТОРОЙ НЕ ГОВОРЯТ

19 ноября 1918 года дедушка Ленин на I Всероссийском съезде работниц растрогался и призвал молодых тружениц проще относиться к оковам брака: *«У нас в городах и фабрично-заводских местах закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остаётся на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак. Этим они обязаны влиянию священников, с этим злом труднее бороться, чем со старым законодательством».*

Есть большая тайна, о которой не говорят ни сторонники, ни противники социализма, ни в России, ни за рубежом. Заключается она в том, что социалистический проект, воплощённый в нашей стране, не был единым: он состоял из различных и разнонаправленных проектов, каждый из которых по отдельности мог бы оцениваться как утопия, но их смена не позволяет так рассматривать советскую историю.

Почему эту тему замалчивают? Есть несколько причин. У сторонников советского социализма она табуирована, потому что тогда придётся переписать всю историю КПСС, поскольку сами вожди никогда об этом не говорили, а

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

всё держалось на вождях. Если смотреть на их тексты, то они даже ни разу не проговорились о том, что проекты строительства кардинально менялись. Соответственно, почти никто из Центрального Комитета и уж точно никто из партактивов, а тем более из рядовых коммунистов об этом и знать не знал, и думать не думал, и не позволял бы себе даже задуматься, если бы такая возможность появилась.

А для врагов самой социалистической идеи было и остаётся крайне опасным раскрытие этой тайны, поскольку это совершенно иной взгляд на социализм и его потенциал, совершенно иной взгляд на будущее социализма, который, как еще говорил Чаадаев, обязательно победит уже только потому, что не правы его противники.

Самый интересный подход в этом отношении был высказан Иммануилом Валлерстайном, недавно скончавшимся выдающимся западным философом и мыслителем. Он создал уникальную собственную философскую концепцию, к которой редко обращаются, но, тем не менее, она занимает своё особое место в пантеоне больших философских учений. Я имею в виду его учение о мир-системе.

В одной из своих работ Валлерстайн достаточно детально показал эволюцию социалистического проекта в России. Пожалуй, он единственный, кто назвал вещи своими именами. Он говорил о том, что когда большевики пришли к власти, то они были последовательными марксистами, которые шаг в шаг следовали концепции Маркса. А концепция была очень проста в основных своих параметрах — это мировая революция, на алтарь которой следовало положить всё, что должно быть принесено в жертву, — от реакционных сословий, режимов до не менее реакционных народов и стран, и прежде всего славянских. Они, по словам Маркса, ничего не дали европейскому развитию. Но квинтэссенция реакционности — это, конечно, сама Россия. Учитывая, что все условия для мирового пожара уже созрели, было необходимо разрушить её до основания. Почему? По одной простой причине — она была жандармом Европы, сдерживающим её движение по пути радикальных преобразований.

И по-своему Маркс был прав, поскольку, как известно, в богословском истолковании Божьего промысла Россия была ничем иным, как «Удерживающим» — той великой и страшной силой, которая препятствовала наступлению царства антихриста. Еще апостол Павел учил: *«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»*. Множество великих богословов пытались истолковать смысл этих слов,

но наиболее известно толкования Иоанна Златоуста во 2-м Послании к Фессалоникийцам: *«Одни полагают, что под этим должно разуместь благодать Святого Духа, а другие — Римское государство. С этими последними я больше соглашаюсь»*.

При этом Златоуст называет две незыблемые основы, на которых строилась христианская цивилизация, да и все мировые цивилизации, — духовную твердыню и мощное государство, каковым и была в его время Римская империя. В этом и заключалась сакральная миссия Рима, которая позднее, во время упадка Рима, перешла к Византии, а от нее к России. Эту миссию невозможно ни украсть, ни позаимствовать, от неё можно только отречься, как отрекаются от отцов и матерей, от своего отечества и истории.

Как писал Александр Сергеевич Панарин, эту миссию безуспешно хотели присвоить себе либералы. По его словам, русские люди множество раз убеждали себя (а до этого их убеждали в том нерусские люди), будто являются *«свидетелями и жертвами самого последнего, самого жестокого зла, избавление от которого обозначит искомый финал истории — «день спасения»*. Так было и накануне 1917-го, когда царская империя представлялась воплощением последнего, невозможного в своих крайностях зла. Так торопили и уход советской империи как последнего зла, после которого должно было наступить царство всеразрешающего либерального порядка и внутри страны, и на мировой арене». И заключал свои рассуждения Панарин вновь словами апостола Павла *«Ибо когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба»*. Говорил Панарин и о не менее важной миссии России — о защите бедных и униженных, то есть о социальной ответственности, которую только Россия и может взять на себя. Да, именно Россия действительно сдерживала мир от погружения в бездну сатанизма и расчеловечивания.

Но вернемся к социалистическому проекту в России, который вначале был абсолютно разрушительным, глубоко враждебным духу мировой цивилизации и направленным на разрушение её основ: *«Весь Мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый Мир построим: Кто был ничем, тот станет всем»*. Соответственно, цель этого проекта была направлена и на разрушение каждой из мировых цивилизаций — европейской и, прежде всего, российской, православной. Не устранив «жандарма», нельзя было освободить Европу — освободить от морали, освободить от по-

рядка, освободить от культуры, освободить от традиций, освободить от старой цивилизации.

Когда большевики пришли в Россию, они практически всё делали грамотно, то есть в строгом соответствии с марксистским пониманием истории, потому что у них была одна идея — ослабить, разрушить, уничтожить российскую государственность. Революция разгорится во всём мире, а то, что Россия сгорит в этом огне, Маркса предупреждали его последователи из России, которые говорили о том, что это большая опасность и страшная беда, потому что будут огромные жертвы, и Россия погибнет. Маркс отвечал, что ничего не поделаешь, такова логика мировой революции, и колесо истории неизбежно проедет по России. Во имя этой цели большевиками, захватившими власть, были предприняты фантастические усилия, которые направлялись на разрушение всего и вся. В этом ряду и проведение национальных границ, и отмена губернского обустройства на принципах полиэтничности, который позволял всем народам жить в согласии на общей земле. Россию расчленили, когда когтями зверя провели границы между народами, что стало предметом повышенной опасности для единства государства, и теперь уже навсегда. Это была прелюдия катастрофы, которая заложена в самой системе, созданной именно в эту первую волну социалистического проекта, глубоко антицерковного и антицивилизационного по своей сути.

И только когда к 30-м годам XX столетия стало, в соответствии с логикой Валлерстайна, всем абсолютно очевидно, что в Европе революцию не только погасили, но и вытоптали все тлеющие её заделы, выпололи всё революционное поле, что никакая революция Европе не угрожает, а угрожают совсем другие силы, именно тогда проект был кардинально сменён. На смену ему пришёл совершенно другой проект — имперский, т.е. направленный на восстановление империи. И никто из большевиков никогда не заикнулся о том, что они это делали, хотя они это делали всеми силами и всеми средствами. Причём восстанавливали всё имперское в России — от начала и до конца, даже атрибутику. Восстанавливали идеи, основные концепции и установки, в том числе и идею единого славянского мира.

Этот проект оказался очень успешным, перспективным и мощным. Именно он вывел Россию в течение кратчайшего срока в число передовых стран и создал задел, позволивший выйти победителем в Отечественной войне. В число передовых стран Россия входила энергично, но её, конечно, не впустили. Для этого надо было освободиться от идеи всемирной

революции. Тогда для неё был бы открыт вход в число демилургов глобальной политики.

И Россия пошла на это, но только после того, как вынужденно повернула свои устремления на Восток, на Евразийское пространство, завоевав симпатии и уважение многих народов, разрушив навсегда представление об их отсталости и неспособности к развитию. Это третья фаза, как её называет Валлерстайн, социалистического проекта.

А четвертая фаза — эпоха, когда Россия была принята в союз ведущих держав мира с условием, что ни о какой революции, ни о каком Коминтерне речи никогда больше не будет. Это тоже очень важная стадия развития проекта. Таким образом, если следовать логике Валлерстайна, реальный социалистический проект, осуществленный в мире под водительством России, не следует рассматривать как утопию или тупиковую утопическую социальную инженерию (термин Карла Поппера). И у него было бы будущее, если бы его не убили на взлете.

Сама идея смены проектов мирового социализма, которую описал Валлерстайн, не нашла у нас ни малейшего отражения ни в теории, ни в практике левых и правых движений. О ней даже никто не вспоминает, хотя многие, конечно, о ней хорошо знают. Но об этой идее полезно вспомнить как раз в связи с ленинским отрицанием института брака, потому что отмена института брака — ключевой этап в разрушении твердыни традиционализма, основ цивилизации и всего, что было свято для России и русских.

От редакции

О смене проектов мирового социализма наш журнал пишет на протяжении последних тридцати лет.

ДВА РАССКАЗА

КЛИВИЯ

Среди подарков к восьмидесятилетию Клавдии Михайловны оказался этот цветок в горшке с глянцевыми, как мечи, ярко-зелёными листьями. Она не запомнила, кто его подарил: из школы, где она раньше работала, ветеранской организации или её бывший ученик Димка Рогов. Перенервничала в тот день, и всё закончилось высоким давлением, пришлось пить сразу две таблетки.

Нет, цветок, скорее всего, был не от Димки. Клавдия Михайловна вспомнила: он притащил охапку вишнёвых, почти чёрных роз. «Траурные», — подумала, но смолчала. На следующий же день все розы, как одна, уронили головки. Когда выбрасывала в мусорку, больно укололась шипами, сильно пошла кровь — давление, значит, опять подскочило.

А больше никто из учеников так и не пришёл на юбилей. Клавдия Михайловна успокаивала себя тем, что давно уже не работает, у всех её повзрослевших воспитанников свои семьи, дети, заботы.

Как-то раз у овощного киоска признала в полноватом небритом мужчине своего ученика Серёжку

ПРОЗА

Брызгина и решила спросить: «Серёжа? Ты?» Мужчина странно посмотрел на неё и ничего не ответил... А она весь вечер промучилась, её ли это ученик или показалось. Серёжка был любимчиком, которому всё прощалось. Клавдия Михайловна называла его ходячей энциклопедией — всё знал не по годам. Кем же он теперь стал? Вдруг прозябает грузчиком? Вроде, одет бедновато... Она додумывала, сочиняла, её любимым предметом всегда была литература. Лишь бы Серёжка остался добродушным, как в детстве, а работа, деньги — не самое главное. Этим себя успокоила.

Клавдия Михайловна не знала, что на юбилей Димку Рогова пригласила соседка по этажу Татьяна, тоже глубокая пенсионерка, бывшая преподавательница педучилища. Димка, точнее Дмитрий Викторович Рогов, занимал нынче высокую должность в областном Собрании депутатов. Татьяна пристыдила: «Не придёшь к первому учителю — всем расскажу, какой ты стал бессовестный, первого учителя не помнишь!» Вот он и припёрся с этими вишнёвыми розами и дежурным тортиком «Прага». Тоже постарел, весь седой: высокие должности, видно, просто так не даются.

Так от кого же был цветок в горшке? Белые хризантемы под цвет её волос — точно от совета ветеранов. Клавдия Михайловна каждый день меняла воду в тяжёлой вазе. Хризантемы стояли целую неделю, но и они повяли.

Клавдия Михайловна даже радовалась, что неизвестный цветок в горшке будет долго напоминать о празднике. Но почему же он не цвёл? Листья здоровые, прямо лоснятся, не погибают, но и не растут! Цветок поставила на солнечную сторону. Поливала, не забывала, только вода почему-то быстро убегала в поддон. Сверху вместо земли был насыпан крупный песок. Клавдия Михайловна подумала, что, может, так и надо. Она толком не умела выращивать цветы. Ей всю жизнь было не до них, не до плиты, не до вышивания, не до... А были только конспекты уроков, классный журнал, тетради, над которыми, уставшая, она засыпала. Если честно, готовить Клавдия Михайловна особо тоже не умела. Не от этого получала удовольствие в жизни, а от чужих детей. Своих-то у неё никогда не было. Молодые учительки в школе за глаза Клавдию Михайловну называли старой де-вой.

На юбилей в городской газете про неё написали штампом: «Она всю себя отдавала детям». Не садилась на больничный, когда даже не было сил идти. «На кого я своих птенчиков оставлю?» — переживала. Так и надсадила сердце. Одна запись в её трудовой книжке: средняя школа №7, и в конце —

много благодарностей мелким каллиграфическим почерком кадровика. Вышла на отдых заслуженным учителем.

Нет, что всё-таки с цветком? Она перестала поливать, думая, что он возьмёт силы из земли и зацветёт. Не случилось... Прошёл месяц, другой. Настало лето с белыми ночами, от которых Клавдия Михайловна не знала, куда себя девать. И так бессонница, а тут ещё солнце круглые сутки.

Как-то раз, проходя мимо витрины цветочного магазина, она увидела точно такое же горшечное растение. Зашла, посмотрела. Кли-ви-я. Так странно назывался цветок. Разговорила с продавцом — молоденькой ярко накрашенной девушкой.

— Да, это оранжевая кливия, или кафрская. Из амариллисовых, родина — Южная Африка, — свысока глядя на старушку в затрапезном пальто, бойко тараторила продавщица. — Как, у вас не цветёт?

Клавдия Михайловна покраснела: отчитали, как двоечницу.

В самом деле, оранжевые цветки, словно фейерверк, выросли из самой середины жирного стебля.

— А у меня не цветёт... — повторила Клавдия Михайловна.

— Удобряли чем-нибудь?

— Нет, не знаю, чем, — продолжала заворуженно рассматривать цветок Клавдия Михайловна.

— Возьмите вот это удобрение в капсуле. Разводите на литр воды и поливайте раз в две недели.

Клавдии Михайловне неудобно было уже отказываться: столько времени потратили на неё. И она поверила, всё ведь о цветке рассказала шустрая торговка. Подошла к кассе.

Продавщица положила в пакет удобрение и назвала цену.

— Сколько? — удивилась Клавдия Михайловна. Она эту сумму взяла для покупки продуктов на вечер. Больше денег в кошельке у неё не было.

— Удобрение хорошее, а так кливия у вас не зацветёт никогда, — «разводила» продавщица.

Трясущимися руками Клавдия Михайловна положила попку в сумочку, расстроенная, долго не могла застегнуть молнию.

Дома она первым делом подошла к строптивому цветку. Показалось, что в магазине всё-таки стояло другое растение.

Клавдия Михайловна приготовила раствор, как и рекомендовала продавщица, полила. Снова заметила, что вода быстро убежала в поддон: наверное, ничего и не впитали корешки. Прямо как некоторые её ученики: учила, учила, а они после звонка всё забывали.

Удобрение не действовало ни через неделю, ни через другую. Листья не росли, цветы не появлялись. А лето тем временем клонилось к закату. В августе уже было холодно на первом этаже маленькой «хрущёвки», где жила старая учительница. Клавдия Михайловна спала в тёплых носках, ноги и руки постоянно мёрзли.

Соседка Татьяна, навещавшая её каждую неделю, однажды не выдержала:

— Клавдия, чего ты всё трясешься со своим цветком! Выбрось уже его! Он у тебя какой-то неживой.

— Нет, ну что ты! — обиделась на соседку Клавдия Михайловна. И сказала уверенно: — Вырастет!

Она так же твёрдо перед завучем всегда защищала своих учеников, не переводила в спецшколу для отстающих, оставалась после уроков, учила читать по слогам. Первоклашки водили пальчиками по строчкам, размазывая типографскую краску. И всё не зря: двадцать пять слов в минуту кое-как вымучивали. Как радовалась их успехам Клавдия Михайловна! Больше, чем некоторые родители. Ни одного ученика за свою жизнь не сдала в школу «для дуриков».

...Снова пришла Татьяна, принесла продуктов. Вторую неделю Клавдия Михайловна из-за слабости не выходила из дома.

— Ну что ты вся изболелась? Всё из-за цветка! Клавдия, может, его пересадить в другой горшок, побольше? — с надеждой посмотрела Татьяна.

В голове у Клавдии Михайловны прояснилось: почему сама не додумалась, что цветок надо просто пересадить? Как пересаживала она слабых учеников к сильным, и они начинали тянуться. Или наоборот, рассаживала драчунов.

Клавдия Михайловна стала жить этой надеждой. Хотя соседка не советовала выходить из квартиры, на следующий же день старушка пошла в хозяйственный магазин и принесла тяжеленный пакет земли — пять килограммов. Откуда и силы взялись! А как любовно она выбирала новый горшок! Взяла керамический. «В нём корешкам будет теплее, ведь родина кливии — Южная Африка», — это она запомнила, когда ещё покупала дорожее удобрение.

От усталости или в предвкушении работы по пересадке цветка Клавдии Михайловне даже жарко стало. Расстелила на столе газеты, открыла пакет с землёй, полила цветок и аккуратно стала доставать растение. Песок сверху рассыпался... Клавдия Михайловна увидела пенопласт, в который был воткнут металлический штырь, от него и «росли» листья

кливии. Она смотрела и не верила, что все эти месяцы, почти полгода, она поливала и ждала цветков от пластмассы или какого-то другого искусственного материала.

Клавдия Михайловна села на табуретку. Слёзы потекли не сразу. Морщины на лице стали глубже, а прожилки глаз покраснели. Она плакала тихо, беззвучно, худые лопатки мелко вздрагивали под заношенным халатиком. Платка в кармане не оказалось, старушка утирала слёзы сухонькими, в чёрных пигментных пятнах руками. Слёзы капали на землю, увлажняя её. Клавдия Михайловна тщательно, как привыкла всё делать, утрамбовала почву. Аккуратно вставила пенопласт в середину, полила тёплой отстоявшейся водой и отнесла цветок на подоконник.

Газету свернула, чтобы не рассыпать остатки земли, и выбросила в мусорное ведёрко. И вдруг на неё навалилась такая усталость, словно всю жизнь не отдыхала. Шаркающей походкой, сторбившись больше обычного, добрела до комнаты, легла на старую софу и закрыла глаза, чтобы поскорее уснуть.

Из мучительного сна её вырвал резкий звонок в дверь. Солнце играло на стене, часы показывали десять утра. Почти полсутки проспала! Пошатываясь, дошла до коридора, открыла входную дверь. На пороге стояли двое мужчин, их лица показались знакомыми, почти родными.

— Клавдия Михайловна, не узнаете нас? — заговорил высокий, переминаясь с ноги на ногу. — Мы у вас учились! Ну, в одном классе с Димкой Роговым! Помните? Он нам рассказал о вашем юбилее и адрес дал.

Точно! Это были те самые пацанята, драчуны, которые в первом классе не могли долго научиться читать по слогам. Загадочно улыбаясь, высокий достал из-за спины большой горшок с живым цветком, усыпанным нежно-голубыми колокольчиками.

Клавдия Михайловна, не сдерживая себя, заплакала, но это были светлые слёзы радости.

ВАНЯ РУССКИЙ

Этот отпуск начался раньше, чем хотелось: опять пришлось подстраиваться на работе под других. Значит, и уехать из деревни придётся раньше, не дождавшись настоящей грибной поры.

Вот что по-настоящему люблю — тихую охоту. Та, где стреляют на поражение, не для меня, рыбалку тоже не переносю

из-за разорванных крючком губ и последних конвульсий ещё недавно красиво блестящей в воде рыбёшки.

Начало августа — только самый первый слой грибов. Обычно собирали в сентябре, когда схлынут такие же, как я, черги-отпускники. Ещё белые грибы пойдут после первых заморозков — корзина тогда вытягивает руки. В первых грибах тоже есть свои прелести: их мало, настоящая охота получается.

Накануне прошёл беззвучный и тёплый грибной дождик. Приехал к бору, чуть рассвело, а у въезда уже стояли машины, как в городе на парковке. Не люблю людей в лесу встречать! «Ишь, чего захотел», — сказала бы тётка. Все, не только я, соскучились по свежей грибнице. Тётка, правда, грибы почему-то зовёт «губами». Ничего похожего, кроме буквы «г», не нахожу.

Дождик, однако, не сделал своего дела — сухо в лесу. Надел кроссовки, а можно было смело в домашних тапочках ходить по белому мху. Слышно, как он ломко, словно снег, хрустит под ногами. Иду неторопко. Голова в первые минуты немного кружится, но, кажется, глаза видят зорче — всё от кислорода соснового бора, лес просветляет.

Нужно всматриваться перед собой, далеко лучше не заглядывать — так грибов не заметишь. И вот среди седого мха вижу коричневую шляпку. Ай да чудо! Сколько грибов видел, тысячи, наверное, но каждый раз удивляюсь. Оставляю на грибнице побольше ножки, заботливо прикрываю мхом. Рассматриваю: без червоточинки. Точно за ночь родился. Кружу по полянке: обычно белые грибы компаниями растут. Но этот боровик оказался одиночкой. Час в лесу и всего один белый гриб — плохо, конечно.

Натыкаюсь на банки, пакеты. Становится противно от этих находок, они кажутся такими нелепыми здесь, на белом мху, словно на Луне.

Да, одного красавца явно на грибницу не хватит — беру в корзинку несколько крепких моховиков.

Встречаю на выходе из леса дедка, сидящего на валежине. Старик с длинными седыми волосами, нос крупный — сам как гриб-боровик.

— Ну что, как улов? — спрашивает.

А мне толком нечего и ответить.

— Людей больше, чем грибов.

— Что верно, то верно. Рановато ещё. Разве что на Шее пособираешь, места там такие грибные, — советует старик.

Шеей почему-то называют дальнюю деревню. Правда, в сельсоветовских бумагах она проходит как Рябиновый Лог,

но это красивое наименование не в ходу у местных. Может, просто длинное. Рябины у речки там, правда, росли.

Дома уже сосед, увидев мой смешной урожай, улыбнулся во весь белозубый рот:

— Зачем пердунов-то набрал?

— Никакие это не пердуны, — обиделся. — Это моховики.

— У нас их пердунами зовут. Выбрось, не позорься.

М-да. Точно, придётся ехать на Шею, к нашему дальнему родственнику Ване Русскому. Он любит лес, и лес отвечает ему тем же. Дядька должен сводить на грибные места, а то отпуск закончится, а грибовницы не отведаешь.

Ехать до Ваниной деревни надо километров тридцать. Раньше этот путь растягивался на весь день — после дождя вместо дороги образовывалось красное глиняное месиво, канав не было, застревали даже гусеничные трактора. А сейчас — сухая, отсыпанная крупным песком дорога. Земляк на исходе советской власти встал во главе района и сделал дорогу домой. Лети на легкой хоть под сто километров. Только лететь скоро станет не к кому — доживает свой век деревенька.

Шея стоит у леса, точнее, лес за последние годы подступил к деревне. Не журчала бы рядом речка Тонковка — вовсе деревеньку в крепкое кольцо взяли бы ивняк да сосняк. Две улочки на Шее были выстроены крестом. Может, поэтому пожаров деревня не знала.

За домом дядька не смотрит с тех пор, как похоронил свою Надюшу. Она его ещё выгоняла из леса да заставляла что-то по хозяйству делать. Ваня держал козу Машку, скорее, по привычке. Сам доил, сам косил траву. Дом начал было перекрывать зелёной черепицей, но так дальше одной стороны и не осилил. Денег, видать, не хватило. Или желания. Вторая часть дома была закрыта чёрными, почти гнилыми досками. И как он тут зимовать собирается? — думал, подъезжая к дому. Да, старая изба — на тысячу, а вид вокруг открывается на миллион: только зелёный окоём впереди, а под носом — журчащая речушка.

— Ну, встречай гостей! — крикнул дядьке.

Я точно не знал, сколько Ване было лет, на пенсии он или ещё нет. Крепкий, кряжистый, в синем комбинезоне, дядя Ваня на огороде выдёргивал лук. Косы сплетённых головок уже сохли на солнечной стороне дома.

Дядька, похоже, не особо обрадовался гостю.

— Здорово! — не сразу подал чёрную ручищу. Сколько себя помню, руки у него были всегда чёрные. Сначала, когда дядька работал трактористом на «Беларуси», всегда в

масле-мазуте, а сейчас живёт лесом — грибами. От них руки тоже чёрные.

— Вот, приехал... — начал разговор.

— Проходи, чиво стоять.

В доме всё по-прежнему, только куревом сильно пахло. Раньше тётка Надя запрещала курить в избе, а сейчас Ваня дымил за столом, и даже на полу у незастеленной кровати стояла консервная банка, полная окурков.

— Пожарю тебе сейчас лисичек, пальчики съешь, — дядька пошёл за дощатую перегородку, где была электроплитка.

Уже на столе, покрытом старой клеёнкой, нарезал мелко зелёного лука, только что с грядки, отломил кусище хлеба. От предвкушения у меня свело зубы, рот наполнился слюной.

— Чего, лисички уже пошли? Пора нащупывать почву. — Достал из рюкзака бутылку. — Вот, «Первый номер» называется.

Дядька сразу же дёрнул маленький стаканчик. Пил как воду, не морщился.

— Ничего лучше «Пшеничной» не придумали за столько лет, — занюхал чёрным хлебом, лук обмакнул в соль и смачно зажевал. — Если бы не повырубали зимой, столько бы лисичек набрал сейгод. Все мои леса изгвоздали, сволочи.

Дядька сказал, конечно, круче, матом.

— Как тётка Натаха? — спросил Ваня после второй стопки.

— Так ведь умерла весной тётя Наташа. А ты не знал? — Я был крайне удивлён. Я знал, что у них в молодости что-то клеилось, но так и не срослось. — Всё хотела с тобой перед смертью повидаться, но из дома последние месяцы уже не выходила.

— А-а... Не знал, никто не сообщил. Ну, не чокаюсь. Хорошая была тётка...

Помолчали. Коза заблеяла около огорода.

— Я те щас! — дядя Ваня снова непечатно выругался. — Да, хорошая была Наташа, только правильная шибко. А ведь меня в пионеры из-за неё не приняли. Рассказала директору, что я лягушек каждый день казню. Во дела! Из-за её длинного языка меня в школе Цыганом дразнили. Чернявым потому что был.

— А когда ты Русским-то стал прозываться? — не удержался, спросил. Знаю, что на прозвище он давно не обижается. К тому же дядька, кажется, после второго стаканчика смягчился.

— Не сказывала, что ли, тётка? Один раз так достали парни, что пришлось выдернуть толстенную жердину из огорода

да по спинам пройтись: «Да русский я, русский!» Один потом в больнице месяц лежал, теперь голова на бок всегда повернута... Запомнили меня. Давай наливай!

— Дядь Вань, а вот ты знаешь, для чего люди чокаются?

— Ну, откуда? Это ты учёный.

— Это я прочитал у кого-то, что при выпивке обостряются все органы: осязание, обоняние, вкус, за исключением слуха. И вот, чтобы удовлетворить слух, чокаются.

— Толково вроде. Давай погремим тогда.

Дядя Ваня, кажется, был уже готов.

— А белый-то гриб на Шее есть? — приступил к делу, за которым, собственно, приехал.

— Да белый — это... — дядя Ваня радостно маюгнулся. — Вот в прошлом году мы барана нашли, это да!

Не понял, что за баран, может, дядя перебрал лишку.

— Чё, не слышал? А ещё учёный! Это такой гриб чуть не в метр в обхват. Щупальцы у него, как у кальмара. Лесным кальмаром ещё называют. Вкусный и полезный. Соусы из него разные делают. Эти... как его... жульены. Головную боль ещё снимает. Там есть какое-то вещество, из которого таблетки «Миг» делают. Ну, слышал рекламу? Быстро проходит головушка! Светка рассказывала.

Светка — единственная дочка Вани и Нади, моя ровесница. Работает в райцентре бухгалтером. Подумал, что дядя Ваня и вправду байки травит. Какие бараны? Галлюциногенные? Но тут дядька поведал историю, как его Светка приезжает с сумкой-холодильником из города и продаёт эти бараны скупщику в Москву. Причём берут только свежие.

— Вот, значит, в Москве на Тверском бульваре французский ресторан берёт моих баранов за большие бабки. Забыл, как ресторан называется. «Николай», кажется. Нет, «Николя»! Бывал там?

Такие подробности походили на правду.

— Я тоже не бывал. Да и в областной центр не выбирался уж лет десять. — Дядька давно подпирал голову. Пора было идти укладываться спать.

— Ну что, покажешь завтра своего барана?

— Покажу... Давай я тебе на повити постелю — свой будуар будет. «А в ресторане, а в ресторане...», — дядька затянул дурацкую песню.

Я ушёл на сеновал, где было выгорожено от комаров старыми простынями спальное место. «Будуар, ё-моё...» — вспомнил дядьку, помешавшегося со своими баранами на всём французском. Свежая трава из наматрасника колола в спину похлеще аппликатора Кузнецова, но я провалился в

сон. Снились барашки, но только настоящие. В детстве в нашей деревне их держали в каждом дворе. «Маси, маси!», — кричали вечером хозяйки, и бараны шли к своему хлеву. А говорят — глупые...

Проснулся от сильного скрипа, потом вдалеке что-то ухнуло. Дядька сидел на крыльце, точил ножи. Над Шеей собиралась гроза, ветер рвал на теплице плёнку, по небу словно кто-то катил бочку.

— Что стряслось? Что за шум?

— Крыша у дома Аркаши упала. Уж сколько пустует — лет двадцать, как померли они с Марьей — в один год ушли друг за другом... Ну что, пошлѣпали за бараном?

Голова раскальвалась то ли от вчерашнего «Первого номера», то ли от приближения грозы: низкие фиолетовые тучи чуть не касались старых дощатых крыш.

— Может, после обеда пойдѣм? Дождь вроде собирается, — пытался я отсрочить поход в лес.

— Не сахарный, не размокнешь, — отрезал дядька.

Путь предстоял немаленький. Дядька вчера говорил, что за баранами надо идти к Упирѣво, заброшенной деревеньке километрах в десяти от Шеи. Дядька уже собирал в корзину яйца, молоко, печенюги — перекусить в лесу. Кроссовки мои забраковал: «Ноги сразу намочишь». Нашѣл мне свои старые сапоги на два размера меньше, чем я носил.

Не сразу понял, что это будет ад. Через километр, как отошли от деревни, почувствовал, что пальцы немеют, пытался поджимать их.

— В армии, наверное, не служил. Ну, почернеет ноготь, отнимут палец, и что с того? — непонятно было, дядька шутит или говорит всерьѣз.

Он шѣл впереди семимильными шагами, я еле-еле поспевал. Сначала грунтовка была на две колеи, когда-то по ней ездили тракторы. Потом вторая колея потерялась в траве и дорога превратилась в тропку. Странно, но грозившиеся тучи так и не выдали ни одной капли.

— Дядя Ваня, а раньше-то эти бараны росли? Чего-то я не помню.

— Росли. Только их никто не собирал, пинали ногой. Коровы, правда, трескали хорошо. А помнишь, нашу корову Розку ты «Рожей» называл? Выйдѣшь на крыльцо вечером и кричишь что есть мочи: «Рожа! Рожа!» «З», значит, не получалось у тебя.

А я и забыл, что эту букву в детстве не умел выговаривать.

— Вообще этот гриб в Красную книгу занесѣн. Светке перекупщик сказывал, — продолжал болтать дядя Ваня.

— Так мы на преступление идём? — я пытался шутить, хотя пальцев на ногах уже не ощущал.

— Какое преступление? А не преступление, когда совхоз закрыли, мне старый «Беларус» дали. Только геморрой заработал. Потом в агрофирме на коммерсов пахал, и та лавочка накрылась. Без пенсии живу. Как эта... Агафья, на подножном корме, — дядька продолжил сложносочинённым матом.

Я молчал: что сказать? Правда...

Уже давно должна была показаться деревня Упирёво. Лес становился всё мрачнее.

— Дядя Ваня, смотри, какие ельники!

— Не люблю ель, сила в ней тёмная. Давит она сосну. Дерево-паразит.

— А какие ещё деревья не любишь?

— Осину. Нервная она быстро. Листочки трепещут, и эта нервозность мне передаётся.

— Ну, ты даёшь, дядь Вань! Никогда бы не подумал, что ты из-за листочков нервничать будешь.

Молча прошагали ещё минут десять.

— Долго ещё идти? — не выдержал.

— Чё как маленький? Знал бы — не взял.

Кажется, мы зашли так далеко, куда не совали свой нос люди и звери. Вот на тонкой паутинке висит сосновая иголка. Кусочек коры прилёг отдохнуть на лапу ели, украсив её, словно чудная новогодняя игрушка.

Присели на гигантский камень, поросший мхом. Как он тут оказался? Следникового периода, что ли? Подумал: камни, наверное, не стареют или виду не показывают. Достали нехитрый перекус из корзины, которая по пути уже наполнялась красноголовиками.

— В позапрошлом году один москвич сам пошёл баранов искать. Как я его отговаривал: «Не ходи один, заплутаешь. У нас тут такие дикие леса». А он отвечает так с гонором: «У меня компас с собой». Ну и чиво? Искали с собаками, вертолёт нанимали на неделю... Я только год спустя нашёл. Сидит вот тоже у камня, прислонился к сосне. Я снял с него компас — позарился. Грех, конечно, у мертвяков брать. Надюша тогда сказала: «Не бери этот компас с собой в лес, несчастливый он». Так он в комодке где-то и валяется. А я наш лес и без компаса знаю, даже и ночью по звёздам выйду, ежели чиво.

У меня при слове «камень», кажется, волосы на голове зашевелились.

— Дядь Вань, а ну его, этого барана! На грибовницу насобирали, да ещё на зиму насушу. Не надо никакого барана, — к тому же пальцев ног я давно не чувствовал.

— Ну, как знаешь. Может, сейгод неурожай на этот гриб. Не каждый год родится. Знаешь поговорку: много грибов — много гробов? Вот...

Мы нахватили на обратном пути лисичек: их легко собирать. Дорога домой показалась короче. Когда приехал в свою деревню, заметил, что каким-то чудом сосновая шишка прилепилась к резиновому колесу машины. Может, хотела, чтобы я взял её с собой, на память о походе в деревню с мрачным названием Упирёво? Сосед потом рассказал:

— Что ты! Ванька Русский свои грибные места никому не выдаст. Он этими грибами живёт.

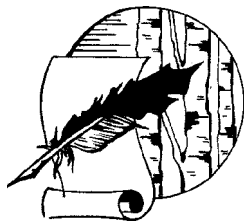
Потом уже догадался, что и сапоги на два размера меньше дядька, может, нарочно подсунул, чтобы мы не дошли до его баранов. А ногти на пальцах оставались чёрными ещё несколько месяцев.

Под Новый год в почтовом ящике обнаружил извещение о бандероли. Кто это подарок решил сделать? На коробке увидел корявые, скачущие буквы: «Рябиновый Лог, Иван Васильевич Мезенцев». Блин! Дядя Ваня. В посылке оказалась укутанная в старые тряпки банка, на крышке — белый пластырь с надписью «баран» и указан этот год. «Надо дядьке позвонить, поблагодарить!». Его номера в телефоне не нашёл, узнал у Светки. Набрал. «Абонент временно недоступен». Как ненавижу этот голос! Почему-то подумал: наверное, нечто ужасное произошло именно в этот день, когда получил несчастных барашков, которые в банке действительно выглядели как варёные кальмары. В воображении рисовались картины одна страшнее другой: дядька рано закрыл печь, тепло он любит, а сейчас морозы... Угорел! Или другое: заснул, окуроч упал на одеяло, задымилось... Вспомнил его дурацкую присловицу «Много грибов — много гробов». На часах уже полночь, но я снова и снова нервно тыкаю пальцем в телефон.

— Какой лешак спать не даёт?! — услышал привычный мат в хрипящей трубке.

Ругайся, ругайся, дядя Ваня. Вот приеду летом — пойдём за бараном...

г. Северодвинск Архангельская обл.

Евгений СЕМИЧЕВ

НА РУССКОМ БЕРЕГУ

* * *

Витийствуй, буйная гроза,
Гни небеса в дугу!..
Сегодня я — твои глаза
На волжском берегу.

Горючей не жалея воды,
Греми над головой.
Сегодня я — твой поводырь
И зрячий посох твой.

Держись, Самарская Лука,
Летим в тартарарам!
Моя надёжная рука
Порукой будем нам.

Блистайте, молнии, оплечь.
И ветер вольный — вей!..
Куётся в грозном горне меч
Для Родины моей.

Пускай летит во все концы
Над Божьем миром весть:
Лихие злато-кузнецы
Ещё в России есть.

Во имя мира и любви
И на позор врагу —
Господь, меня благослови
На русском берегу!..

* * *

Я открыл дремучие глаза.
Прокатилась по щеке гроза.
А из пелены дремучих туч
Проскользнул последний летний луч.

Я проснулся рано поутру.
Осень закипает на ветру.
Роща лисья листьями бурлит.
Лето синим пламенем горит.

Сколько их — моих сгорело лет,
Не оставив за собою след.
Темная на озере вода.
Жизнь моя уходит в никуда.

Но в моей душе тревоги нет,
Потому, что в небе есть просвет.
Луч бесстрашно рассекает тьму.
Роща аплодирует ему.

Я прижмусь к бесстрашному лучу
И его щекой пощечочу.
У меня шершавая щека.
— Друг мой не печалуйся. Пока...

* * *

Спой мне песню, свиристель —
Городской красавчик,
Как в жестокую метель
Заблудился мальчик.

Как ему ты навевал
Сладкую истому...
За собой зазывно звал,
Провожал до дому.

Белоснежная постель.
За окошком ветка.
А на ветке свиристель —
Шестиклинка кепка.

Грудь — горящий уголёк,
Стильная одёжка...
Я тогда простыл и слёг —
Приболел немножко.

Ты меня сумел согреть.
Я, как мог, лечился —
Задушевно жить и петь
У тебя учился.

Я тебя уже люблю
За мечты-надежды.
И такие же куплю
Для себя одежды.

Под твою запел свирель,
Стал поэтом мальчик...
Ясноглазый свиристель,
Городской красавчик.

* * *

Когда слышу в спину «Жень!» —
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загребает сердце.

Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи! Как жалко.

Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Отче! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

* * *

Самолёт мой, кукурузник —
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадят нас.

Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив её слезой.

Командир — пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца
Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».

Бабка крестится и плачет.
Самолётчик тарахтит.
Как кузнечик, он проскачет
И по небу полетит.

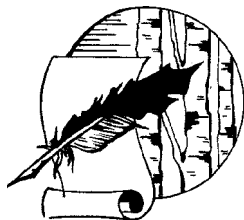
Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.

До деревни нашей лёту
Ровно сорок пять минут.
Благодарные пилоту,
Пассажиры руку жмут.

За бесстрашие и сноровку,
За удачный перелёт.
А пилот козе морковку
Из планшета достаёт.

Бабка старая смеётся.
И беззубый крестит рот.
Над страной нашей солнце
Незакатное встаёт.

г. Новокуйбышевск Самарской обл.

Владимир ПОЛУШИН

ТВОЁ ЛЕДЯНОЕ ОКНО...

ПРОРОЧЕСТВА ЮНОСТИ

По реченьке, по каменной,
По белым бережкам,
Я шёл в дорогу, маменька,
К семи степным ветрам.

И киселя молочного
Мне речка не дала,
И щука мне пророчилась
Да вот с крючка ушла.

От юности, от страха ли
Я не добыл коня
Волшебного, чтоб ахово
Вознёс к мечте меня.

И лишь жар-птица перышком
Мне начертила путь.
...Иду по звездным колышкам,
И некуда свернуть...

* * *

Было нам почти по восемь
И, забыв про буквари,
Мы в костёр сгребали осень
И снаряд туда сгребли.

И рвануло б у дороги,
Да случайно в этот час
Шёл паромщик хромоногий
Неторопко мимо нас.

Увидал, и прыть такая:
Деревянною ногой
Шуровал он, усмиряя
Взрывом дышащий огонь.

И никто не подал виду,
Что паромщик без ноги...
Только охнул дед с обидой:
Мол, сгорели сапоги!

И пошёл тропой лесною
Мимо хоженных дорог,
Бормоча: «Живой ногою
Так тушить навряд ли б смог!..»

ОТРЕШЕНИЕ

Отрешусь от забот и уйду мимо изб за деревню,
Там к лугам заливным бор подходит из дальних краёв,
Там на зорьке росистой упавшими звёздами дремлют
Голубые головки склонённых к земле васильков.

Там в пологих оврагах озёрами стынут туманы,
Как последний оплот отступившей уже темноты.
Там пока не шагают межою подъёмные краны,
Поднимая дома, подминая лесные цветы.

Там упруго река в берега крутобокие плещет,
И поверьями веет её мелодичная речь,
И, дела позабыв, на опушке задумался леший:
«Вот помру я, кто будет всё это ценить и стеречь?»

О, нетронутый мир первозданной любимой России,
Где одни журавли будоражат степенный покой,
Где природа одна над любою бедою всеильна
И плывут облака, и достать до них можно рукой...

ГОЛОСА

Всё быстрее друзья мои уходят
В мир иной безрадостных теней,
К непонятной, взвездной свободе,
В растворимость безвозвратных дней.
И стирает время жёсткой тёркой:
Голоса, любовь и доброту,
Оставляя память мою терпкой,
Не согласной верить в пустоту.
И когда над миром бродят звёзды,
И земные голоса молчат,
Через наш уже свободный воздух
Голоса их скорбные звучат.

ЯНВАРСКАЯ ПЕСНЯ

Затоскует душа от январского утра ознобно,
Ляжет наледью день на окошке озябшем твоём,
Но и в холоде ты не ругнешь за уход меня злобно,
Только вспомнишь, как мы журавлей провожали вдвоём.

И вязаньем попробуешь грусть заглушить и осилить,
Журавлей не вернешь, только в памяти жить им дано,
А метели опять, как на грех, разбрелись по России
И стучатся безбожно в твоё ледяное окно...

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Ни креста, ни могилы,
Только наспех зарыт,
Только звезды застыли,
Только вечность летит.

Только эхо уходит
В золотые слова,
И на красном восходе
Что-то шепчет трава.

И деревья, как люди,
Печально не спят:
...Память вечною будет
И за то, что распят!

И за то, что с усмешкой
Принял муки и смерть,
И за то, что не в спешке
Мог немислимо сметь!

Ни креста, ни могилы.
Лишь трава-мурава,
Но полны страшной силы
Золотые слова!

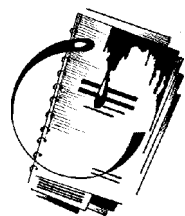
г. Мытищи Московской обл.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

«Дранг нах Остен» по Марксу

Немало было сломано копий в поисках ответа на вопрос: почему после Великой французской революции 1789 г. и «весны народов», отмеченной серией революций в Западной Европе в 1848—1849 гг. и даже в Латинской Америке, после Парижской коммуны 1870-го стрелка компаса «мировой революции» повернулась с Запада на славянский Восток и прежде всего на Россию? Ответ на этот вопрос содержится в трудах основателей Первого Интернационала К. Маркса и Ф. Энгельса, хотя и не всегда вошедших в их каноническое собрание сочинений, подготовленное Госполитиздатом в СССР.

Огромное влияние на Маркса в вопросе о славянстве оказал Мозес Гесс, которого считают «предтечей политического сионизма». С конца 1841 г. он был одним из редакторов газеты *Neue Rheinische Zeitung* и принял на работу Маркса. Именно у Гесса Маркс позаимствовал ряд положений, которые впоследствии легли кирпичиками в его теорию «научного коммунизма». Гесс ненавидел Россию и славянские народы. Это ему принадлежит идея о

ДОСЬЕ "МГ"

«реакционных нациях», которую Маркс и Энгельс развили в своих русофобских писаниях позднее. Но, самое главное, Гесс был одновременно и откровенным сионистом, и идеологом «социалистического сионизма», и коммунистом — предвестником революции, которую предстояло совершить в России его единоверцам и соплеменникам уже в другом веке.

В эти сатанинские глубины впоследствии безвылазно погрузились большевики и, конечно же, — Ленин, который, по свидетельству Молотова, видел главную опасность для большевизма в «великорусском шовинизме», т.е. в патриотических чувствах русского народа. Причины ленинской русофобии нельзя объяснить только его происхождением от Моше Бланка. Ленин был последовательным марксистом в «русском вопросе»: ведь Маркс и был известным русофобом и открыто выступал за уничтожение «реакционного» славянства, прежде всего русских.

Точно так же ненавидел Россию и славян и так же считал их «варварами» немец Ф. Энгельс, сподвижник Маркса, сына раввина. В своей статье «Демократический панславизм» он признал, что ненавидит даже тех славян, которые имели несчастье поселиться на территории нынешней Германии еще в далекой древности. Ненависть Энгельса к славянам слепила ему глаза. И не столько классовая, сколько расовая. По его мнению, «славяне (за исключением католиков-поляков) постоянно служили как раз главным орудием контрреволюции: они всюду, куда простиралось славянское влияние, были угнетателями всех революционных наций. «...Борьба, беспощадная борьба **не на жизнь, а на смерть** со славянством (выделено мной. — В.Б.), предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм... в интересах революции!» (Это письмо не было включено в собр. соч. Маркса и Энгельса. Оно было написано Ф. Энгельсом 14—16 февраля 1849 г. и напечатано в Neue Rheinische Zeitung, №№ 222 и 223 15—16 февраля 1849 г.

В коммунистической пропаганде избегали прямого цитирования этих людоедских пассажей из наследия классиков марксизма-ленинизма, всячески упирая на интерес Маркса и Энгельса к русским революционным течениям и даже на их попытки изучать русский язык. Только не говорили, зачем им этот язык понадобился. Читаем: «...По крайней мере, хоть один из нас будет знать языки, историю, литературу и особенности социальных институтов как раз тех народов, с которыми придется немедленно вступить в конфликт» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 28. С. 31-32. — В.Б.). Маркс писал о славянах: «...у них нет гражданских начал, нет поня-

тия демократии, свободы, потому это толпа, управляемая монархом, и представляет собой грубую животную силу, как мышцы у ящера». А вот когда произойдет революция, то она заменит эти слабовольные тупые правительства в Западной Европе на волевые — «...они-то и **прикончат** российское чудовище — оплот панславизма (выделено мной. — В.Б.), и тогда солнце Запада (уже коммунистического) перейдет через Золотой Рог и взойдет над миром. Над миром, в котором не будет реакционной России и не менее реакционного славянства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 8—10). Основоположник сионизма Теодор Герцль стал автором известной формулы: «Чтобы овладеть миром — надо овладеть Россией». Так же думали и Маркс с Энгельсом, организуя свой «Drang nach Osten» («Натиск на Восток»), приспособив этот лозунг германской экспансии Карла Великого (принятый впоследствии сионистами, а затем и Гитлером для захвата России) к нуждам мировой революции.

Стратегия и тактика тотального терроризма как метода дестабилизации европейских монархий были выработаны именно в I Интернационале, в чем активно поучаствовали Маркс, Энгельс, Бакунин и другие его лидеры. После победы контрреволюции в Париже в июне 1848 г. и в Вене в октябре 1848 г. Маркс писал о том, что выход из создавшегося трагического положения заключается единственно в развитии революционного движения народа: «Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, бесконечные жертвоприношения после февраля и марта — уж один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 5. С. 494). К. Маркс имел в виду не только «революционность народа, готового к применению насилия в борьбе против реакции», но и прежде всего терроризм как средство свержения существующего строя и захвата власти.

Одним из активных деятелей I Интернационала и пропагандистом «революционного террора» был вождь анархистов масон М.А. Бакунин. Он состоял в масонских ложах Великого Востока Италии. По некоторым данным, был посвящен в масонство по инициативе Дж. Гарибальди на острове Капрера в начале 1860-х гг. (по другим сведениям — в 1845 г.). В 1864 г. был аффилирован в ложу *Progresso sociale* («Социальный прогресс») во Флоренции. Получил 3 апреля 1865 г. патент 32° Древнего и шотландского устава, одного из самых

распространенных масонских уставов. Такую же высшую степень посвящения он получил от Консистории Верховного совета шотландского устава. Бакунин также был членом масонской ложи во Флоренции, а в 1864—1865 гг. создал свое тайное общество «Интернациональное братство». В 1867—1868 гг. он выступал с пропагандой своих идей на конгрессах масонской «Лиги мира и свободы» в Женеве в роли вице-президента этого конгресса. Хотя Бакунин и выступал против марксистской концепции диктатуры пролетариата, он не раз предлагал Марксу использовать масонские организации для нужд революционной борьбы, и классик марксизма эти предложения не отвергал. Когда в 1868 г. Бакунин создал в Швейцарии парамасонскую полуанархическую организацию «Международный альянс социалистической демократии», она была принята в I Интернационал на правах одной из женеvских секций (Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб., 1906. С. 271; Серков А.И. Русское масонство, 1731—2000: энциклопед. сл. М., 2001. С. 1205, 1207, 1210).

Бакунин считал, что революция вспыхнет именно в деревне. Революционер же, по его мнению, должен был сыграть роль искры, которая разожжет пламя народного восстания. Именно ему принадлежит афоризм «Из искры возгорится пламя», который впоследствии позаимствовал В.И. Ленин. Соратник Бакунина и автор идеи «хождения в народ» П.Л. Лавров разделял прогноз Бакунина о том, что революция вспыхнет именно в деревне. Однако готовность к ней крестьянства Лавров отрицал. Поэтому он говорил, что задача революционера вести планомерную пропагандистскую работу среди народа. Бакунин эту идею не принял и поддержал курс Маркса на революционный терроризм, чему затем последовало всё движение анархистов, в первую очередь в России. Не случайно масона и анархиста Бакунина так почитали в Советской России, что ставили ему памятники и называли его именем улицы и площади.

Этим «теоретическим установкам» Маркса и Бакунина по развязыванию терроризма и последовали революционеры в России.

Хождение с бомбой в чужой народ

Первыми отметились на ниве террора народники. В 1873—1874 гг. под влиянием идей Лаврова возникло массовое «хождение в народ». Сотни юношей и девушек пошли в деревню в качестве учителей, врачей, чернорабочих и т.п. Их целью было

жить среди народа и пропагандировать свои идеалы. Одни шли поднимать народ на бунт, другие мирно пропагандировали социалистические идеалы. Однако крестьянин оказался невосприимчив к этой пропаганде, а появление в деревнях странных молодых людей вызвало подозрение местных властей. Вскоре начались массовые аресты пропагандистов. В 1877 и 1878 гг. над ними состоялись громкие судебные процессы: «Процесс 50-ти» (1877) и «Процесс 193-х» (1877—1878). Причем в результате судебных разбирательств многие обвиняемые были оправданы, в том числе будущие царевубийцы Андрей Желябов и Софья Перовская. С 31 октября 1878 по 14 августа 1879 г. «Земля и Воля» истратила около шести тысяч рублей, из которых четверть ушла на поддержку террористической деятельности.

Переход российских революционеров к террору был во многом обусловлен провалом народников с их «хождением в народ». Русский народ их не принял и... отринул. И здесь существенно важно подчеркнуть, что те слои населения, в защиту интересов которых якобы и был развязан революционный террор, об этом террористов не только не просили, но и сдавали их полиции как подстрекателей к бунту. Так было после убийства Императора Александра II Освободителя в 1881 г., за которым последовали еврейские погромы, и после кровавых выступлений 1905—1907 гг. Это признавали даже сами организаторы террора. Согласно Софье Перовской, одной из руководителей партии «Народная воля», она и ее товарищи якобы «были вынуждены прибегнуть к терроризму как к единственному способу пробудить массы» после безуспешных попыток сделать это путем агитации. Любопытно, что и в традиционных еврейских общинах не поддерживали своих соплеменников, ринувшихся в террор и революцию. Большинство членов таких общин, где в 1870-х гг. семьи подчас даже соблюдали недельный траур (шива) по детям, примкнувшим к радикалам, и где в начале XX века многие испугались революции и мечтали, «чтобы министры... повесили всех этих негодяев, которые только и умели, что кидать бомбы» (Шульгин В. Дни (1925). С. 53, 54, 117). И далеко не все евреи последовали за Троцким (Бронштейном) и ленинской командой еврейских революционеров, взявших себе русские фамилии и псевдонимы. «Революции начинают Троцкие, — говорили в то время, — а расплачиваются за это Бронштейны».

В феврале 1879 г. еврей Григорий Гольденберг, член партии «Народная воля», застрелил Харьковского губернатора генерал-майора Кропоткина. Но это было только

начало. 1 марта 1881 г. произошло восьмое по счету покушение на императора Александра II. Первые семь посягательств на жизнь императора не достигли желаемого террористами результата — царь не пострадал. При наиболее кровавом седьмом покушении — взрыве бомбы в Зимнем дворце, произведенным Степаном Халтуриным 5 февраля 1880 г., было убито 11 солдат охраны и ранено, по разным данным, от 30 до 80 человек. Однако Александр II опять не пострадал. И только восьмое покушение достигло цели: на Екатерининской набережной в Санкт-Петербурге народоволец Игнатий Гриневицкий бросил бомбу, поразившую насмерть как царя, так и самого террориста. (При этом при взрыве первой бомбы, брошенной Рысаковым за несколько минут до Гриневицкого, погиб 14-летний мальчик и было ранено около 20 человек.) После убийства Александра II Освободителя был принят ряд жестких мер против революционного подполья. Был повешен брат В.И. Ленина — Александр Ульянов, еще один потомок выкреста Бланка, готовивший убийство императора Александра III, за которым шла настоящая охота террористов по всей России с момента его вступления на престол. «Когда погиб Саша, — рассказывала Анна Гельфман в интервью «Голосу Америки», — Владимиру было 17 лет. И вот он якобы говорит матери: «Мы пойдем другим путем» — помните картину? Это полный бред. Участвовать в революционном движении он начал уже после смерти Саши. Причем марксистом он стал далеко не сразу. Некоторое время экспериментировал с террором. У него была такая идея: сделать бомбу размером с грецкий орех. А марксизм к нему пришел потом».

В первое десятилетие XX века политические убийства и революционные грабежи, т.н. экспроприации или «эксы», стали в России практически ежедневными явлениями. В этот период «революционные террористы» убили несколько членов правительства и губернаторов, среди них — в феврале 1901 г. министр просвещения Боголепов, в апреле 1902 г. министр внутренних дел Сипягин, в мае 1903 г. — Уфимский губернатор Богданович, в июне 1904 г. — генерал-губернатор Финляндии Бобриков, в июле — преемник Сипягина фон Плеве, в феврале 1905 г. — дядя царя, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, в июне — его преемник генерал-губернатор Шувалов, в ноябре — военный министр Сахаров. Только за один год, начиная с октября 1905-го, в стране было убито и ранено 3 611 государственных чиновников. К концу 1907 года число государственных чиновников, убитых или покалеченных террористами, достигло почти 4 500 (Н.С. Таганцев. Смертная

казнь. С.-Петербург, 1913. С. 92). Леонид Страховский в своей книге о Столыпине приводит такие цифры: «738 чиновников и 645 частных лиц были убиты в 1906, а 948 чиновников и 777 частных лиц ранены. В 1907 не менее 1231 чиновника и 1768 частных лиц было убито и 1284 и 1734 — ранены». Принято считать, как отмечает в своей книге Гельфман, что округленно «в 1905—1907 гг. террористами было убито и ранено 9000 человек. Картина поистине ужасающая». С начала января 1908 года по середину мая 1910 года в стране было зафиксировано 19 957 терактов и революционных грабежей, в результате которых погибло 732 государственных чиновника и 3051 частное лицо, а 1022 чиновника и 2829 частных лиц получили ранения.

К лету 1907 года главные полицейские чины С.-Петербурга были готовы отложить все дела, включая расследования случаев революционной агитации и пропаганды, установки нелегальных типографий, организации забастовок и других небоевых проявлений революционной активности, и направить все свои усилия на самое главное — на раскрытие и искоренение политических убийств и экспроприаций. В значительной степени эта смена направленности политического сыска объясняется тем, что терроризм нового типа отличался от революционного насилия XIX века не только числом своих жертв, но и их отбором.

До 1905 года экстремисты тщательно выбирали свои мишени только из числа тех чиновников правительственной администрации, которых они считали наиболее злостными притеснителями народа, ответственными за самые жестокие репрессивные или карательные меры. В то время радикалы не убивали государственных служащих и частных лиц без разбора и в больших количествах.

Боевая группа анархистов-коммунистов кинула две бомбы, начиненные осколками свинца и гвоздями, в кафе отеля «Бристоль», где находилось более двухсот посетителей. Целью террористов, как разъясняла листовка, было «посмотреть, как подлые буржуи корчатся в смертельной агонии».

Чтобы понять, насколько террористам удалось накалить атмосферу того времени в России, приведу отрывок из воспоминаний генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, руководителя царской охранки А.И. Спиридовича:

«...Бомбы швыряют при всяком удобном и неудобном случае, бомбы встречаются в корзинах с земляникой, почтовых посылках, в карманах пальто, на вешалках общественных собраний, в церковных алтарях... Взрывалось всё, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, про-

должая жандармскими управлениями (Казань) и памятниками русским генералам (Ефимовичу в Варшаве) и кончая церквями» (А.И. Спиридович. История большевизма в России. Париж. 1922. Переиздано в Нью-Йорке. 1986. С. 120-121).

Бунд и бунт

В этот период сионистский капитал активно поддерживал революционный терроризм в России, сделав на него ставку в своем противостоянии с русским самодержавием. Такие банкиры, как Я.Шифф, Кун и Леб и др. финансировали закупки оружия различными революционными партиями России, в частности, поставляли браунинги и маузеры для еврейской самообороны в черте оседлости, боевиков Бунда и сионистских партий Гибборей Цион Поалей Цион и др. Бунд и лидеры левых сионистских партий типа Поалей Цион активно поддерживали «революционный» терроризм народников и позднее эсеров. Но именно под их влиянием V конференция Бунда (сент. 1902 г., Бердичев) призвала «отвечать на белый террор царизма организованной мстью». Надо отметить, что в период революции 1905—1907 гг. Бунд имел 274 организации, объединявшие около 34 тысяч членов. Это была серьезная база для массовых выступлений евреев в ходе революционных событий, для вооруженной борьбы с царским режимом и с устроителями погромов. Евреи, участвовавшие в социалистическом движении в 1880—1890 гг. под влиянием Борохова и других идеологов левого сионизма поначалу в принципе выступали против еврейской самообороны, рассматривая погромы как «проявление революционной активности трудящихся масс». Продолжая эту линию, Бунд в первые годы своего существования тоже утверждал, что еврейская самооборона ведет к «затуманиванию классового сознания и ослаблению классовой борьбы». Однако После Кишиневского погрома партия выступила с политическим заявлением, в котором говорилось, что насилию, от кого бы оно ни исходило, следует давать решительный отпор. В 1903—1904 гг. бундовцы стали создавать свои отряды самообороны, но, как правило, отказывались от совместных действий даже с сионистами-социалистами.

Первая в России попытка самообороны была отмечена в Одессе во время погрома 1871 г. и окончилась неудачей: небольшие, разрозненные и плохо вооруженные группы евреев, которыми руководили студенты Новороссийского университета, не смогли остановить погромщиков. Десять лет спустя, 3—5 мая 1881 г., одесская самооборона действовала

успешнее: студентам и преподавателям иврита удалось организовать сравнительно крупные отряды самообороны, костяк которых составили мясники и извозчики, вооруженные в основном холодным оружием, дубинками и железными прутами (лишь у некоторых были пистолеты). Они не допустили погрома в ряде еврейских кварталов в центре города. Весной и летом 1881 г., когда по югу и юго-востоку Украины прокатилась волна погромов, отряды самообороны сформировались, помимо Одессы, в Бердичеве и еще в нескольких населенных пунктах. Они успешно боролись с шайками уголовников, которые разъезжали по городам и местечкам Украины, устраивая погромы. С 1882 г. погромы в России почти прекратились. Однако после их возобновления в конце XIX в. и особенно в начале XX в. еврейская самооборона вновь начала действовать. В 1897 г. группа евреев выступила с оружием в руках против солдат, громивших еврейские лавки на рыночной площади Минска. 14 участников этой группы были арестованы и преданы суду. В Николаеве во время погрома, разразившегося весной 1899 г., самообороны не было, но жители расположенных близ города еврейских земледельческих колоний оказали решительное сопротивление атаковавшим их крестьянам. Активную роль в самообороне стали играть участники сионистского движения, в особенности члены Поалей Цион. Весной 1901 г. их отряды, которыми руководил Б. Борохов, сорвали попытку устроить погром в Екатеринославле — после нескольких стычек, в которых евреи одержали верх, толпы погромщиков рассеялись. То же произошло в 1903 г. в Дубоссарах. При подготовке революции 1905 года сионисты договорились с богатыми евреями в России и за границей о финансировании отрядов еврейской самообороны. Уже в 1903 г. и, в особенности, в 1904—1905 гг. самооборона финансировалась во многом богатыми евреями. Оружие для еврейских боевых групп в России закупали и еврейские организации других стран, например, Общество самообороны, созданное И.Л. Магнесом в США в 1903 г. Быстрый рост еврейской самообороны встревожил российские власти: уже в конце апреля 1903 г. министр внутренних дел В.Плеве писал в циркуляре губернаторам: «Никакие кружки самообороны быть не должны». Участников самообороны арестовывали, конфискуя собранное ими оружие. Тем не менее уже через несколько месяцев после Кишиневского погрома еврейская самооборона смогла приступить к активным действиям: в начале сентября 1903 г. ее отряды численностью в несколько сотен человек с оружием в руках выступили против погромщиков в Гомеле. Ядро этих отрядов,

во главе которых стоял И. Ханкин, составила военизированной организацией Гибборей Цион («Герои Сиона») при местной секции Поалей Цион. Самостоятельно действовала группа бундовцев. Силы самообороны имели возможность быстро подавить погром в Гомеле, однако прибывшие войска открыли по ним огонь, убив и ранив несколько человек. Под прикрытием солдат бесчинства продолжались.

После гомельских событий, наглядно продемонстрировавших силу еврейской самообороны, ее число и активность значительно возросли. По данным партии Поалей Цион, в 1905—1906 гг. в разных городах России в группы самообороны входило около 8 тысяч членов этой партии. Во время революции 1905 года Бунд создал свои отряды самообороны, которые насчитывали несколько тысяч человек. В 1904 г. в Двинске (Даугавпилс) вооруженная группа бундовцев, которой руководил Мендель Дейч, отразила нападение погромщиков на еврейские кварталы. В Одессе в ряды самообороны вступили несколько тысяч человек, в Киеве — около полутора тысяч; крупные организации самообороны действовали также в Екатеринославле, Ростове-на-Дону, Елисаветграде, Николаеве, Минске, Варшаве. Еврейская самооборона энергично действовала в период революции 1905—1907 гг. В апреле 1905 г. вооруженные группы еврейской молодежи разогнали погромщиков в Мелитополе и Симферополе, в июле — в Екатеринославле. Во время погрома в Житомире (апрель 1905 г.) власти двинули против самообороны войска; в уличных боях, продолжавшихся четыре дня, погибли пятнадцать ее участников, в том числе русский студент, эсер Н. Блинов, который был растерзан толпой, кричавшей: «Хоть ты и русский, но сицилист и хуже жидов, пришел на защиту их».

В октябре 1905 г., когда кровавые погромы охватили многие губернии России, как в черте оседлости, так и за ее пределами. В 42 населенных пунктах действовали организации самообороны; 30 из них приняли непосредственное участие в борьбе с погромщиками. В Киеве еврейские боевые группы упорно сражались с погромщиками, и несмотря на то, что на стороне последних с самого начала выступили казаки; половину убитых в ходе столкновений и умерших впоследствии от ран составили участники погрома. В Екатеринославле бойцы еврейской самообороны уничтожили сорок семь погромщиков. В июне 1906 г. произошел погром в Белостоке, участниками которого были почти исключительно солдаты и полицейские. Однако и они не решились вступить в открытый бой с самообороной, избегая тех улиц и районов (в основном населенных еврейской беднотой), где самооборона была осо-

бенно сильна. С поражением революции 1905—1907 гг. и прекращением нападений на евреев отряды самообороны распались или превратились в подпольные военизированные организации еврейских политических партий левой ориентации. Некоторые бывшие руководители и рядовые участники еврейской самообороны в России (И. Бен-Цви, группа бойцов самообороны из Гомеля во главе с И. Ханкиным и другие) переселились в Палестину, где в 1907 г. учредили тайное общество «Бар-Гиора», на базе которого в 1909 г. была создана ассоциация Ха-Шомер.

Нередко отряды еврейской самообороны тесно сотрудничали с боевиками партии эсеров и с боевыми дружинами большевиков, которыми управлял военно-боевой центр при ЦК РСДРП (б). Фактически это был единый центр управления революционным террором. Начиная с осени 1905 г. Ленин не раз отдавал приказ о подготовке терактов, которые он раньше сам же и осуждал, и призывал своих сторонников совершать нападения на городских и прочих государственных служащих, убивать полицейских и жандармов, черносотенцев и казаков, взрывать полицейские участки, обливать солдат кипятком, а полицейских — серной кислотой. Этим, в частности, занимались в Сибири боевики из группы БОНВ во главе с Яковым Свердловым, будущим председателем большевистского ВЦИК. Их боевым девизом была «еврейская месть». Как свидетельствует А. Гельфман, боевики Я. Свердлова «постоянно терроризировали сторонников «чёрной сотни», убивая их при каждой возможности» (А. Гельфман. Социал-демократы и террор. Революционный террор в России. 1894—1917. Пер. с англ. — М.: КРОН-ПРЕСС. 1997. 448 с.).

В 1917 г. самооборона начала возрождаться, как правило, по инициативе евреев-военнослужащих, объединения которых возникли летом и осенью 1917 г. на всех фронтах и во многих тыловых гарнизонах. Конференция представителей союзов евреев-воинов, состоявшаяся 10—15 октября 1917 г. в Киеве, выработала план создания Всероссийской еврейской самообороны (ВЕС). В сентябре—октябре 1917 г. отряды ВЕС возникли в Петрограде, Одессе, Симферополе, Саратове, Киеве и некоторых других городах. В декабре 1917 г. И. Трумпельдор с разрешения большевистских властей организовал в Петрограде еврейский батальон численностью около тысячи человек, однако уже в начале февраля 1918 г. эта часть была расформирована.

В годы Гражданской войны на Украине (1918—1920) в нескольких населенных пунктах действовали отряды еврейской самообороны, которыми, как правило, командовали ев-

реи из числа бывших офицеров и солдат российской армии. Некоторые отряды самообороны имели на вооружении не только винтовки и пулеметы, конфискованные или купленные у дезертиров, но даже артиллерийские орудия. В Одессе и в некоторых населенных пунктах, расположенных неподалеку от нее, вооруженная пулеметами Еврейская милиция по борьбе с погромами, во главе которой стоял С.Якоби, смогла не только обороняться от погромщиков, но и вести настоящие боевые операции. В Одессе отрядам ВЕС активно помогали еврейские уголовники, главарем которых был М. Винницкий (Мишка Япончик). После установления советской власти на Украине отряды ВЕС влились в Красную армию. Они, в частности, занимались ликвидацией крестьянских партизанских отрядов. В апреле 1919 г., когда Красная армия ненадолго заняла Одессу, в ее состав был включен отряд евреев-уголовников, сформированный Мишкой Япончиком, но уже в июле того же года за отказ отправиться на фронт это формирование было ликвидировано, а Мишка Япончик был расстрелян.

Как и в Западной Европе, в России становление революционных организаций в конце XIX — начале XX века совпало с быстрым распространением сионизма, который становился всё более серьезным политическим фактором, особенно после Декларации Бальфура. Уже в 1897 году по решению исполкома ВСО был создан российский филиал Всемирной сионистской организации. Одна за другой возникают сионистские организации в России и Польше. Все они без исключения насаждали национализм в еврейской среде, резко выступали против ассимиляции, независимо от того, были их лидеры правыми или левыми.

Террористы, в частности, из ленинской РСДРП, устанавливали и прямые связи с производителями и торговцами оружием в Европе, и в результате российских событий 1905—1906 годов в Германии одна фабрика, производящая оружие, почти удвоила выпуск браунингов (С.М. Познер. Боевая группа при ЦК РСДРП(б) 1905—1907 гг. Статьи и воспоминания. Москва—Ленинград. 1925. С. 64). А уже весной 1917 года Яков Шифф загрузил кольтами, браунингами и пулеметами целый пароход, который он купил для отправки Троцкого и его боевиков «делать революцию» в России.

К концу 1907 года, несмотря на общий спад революционных беспорядков, на счету террористов было в среднем 18 ежедневных жертв («Смертная казнь в России остается?». Новое время. 22 января 1910), количество убийств оставалось почти таким же, как в разгар массовых беспорядков в

1905 году. С начала января 1908 года по середину мая 1910 года было зафиксировано 19 957 терактов и революционных грабежей, в результате которых погибли 732 государственных чиновника и 3051 частное лицо, а 2829 частных лиц были ранены. За весь этот период по всей стране на счету террористов было 7634 жертвы (Полицейское донесение от 16 мая 1910. Охрана XXIVi-2m. А.Гельфман. Указ. соч.).

Подсчитывая общее число жертв, необходимо принимать во внимание не только случаи политических убийств, совершенных до 1905 года, но также и теракты 1910 и 1911 годов, кульминацией которых стало смертельное ранение премьер-министра Столыпина 1 сентября 1911 года, и все последующие предприятия террористов вплоть до последних зафиксированных террористических заговоров в 1916 году. Шквал террора достиг своей цели уже в 1905 году: власти были растеряны и измучены, все их силы и средства борьбы были полностью парализованы.

Террористы тем самым достигли своей главной цели — деморализации правительственных чиновников и стражей порядка, ощутивших свою беспомощность в борьбе с террористами, которые поджидали их за каждым углом. Правительственные чиновники испытывали чувство страха, граничившее с отчаянием: *«Каждый Божий день — по несколько убийств, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало... Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас...»* («Письма Е.П. Медникова». Москва—Ленинград. 1928. С. 111).

Русский народ воспринял эту террористическую напасть как действия врагов России уже потому, что среди террористов значительную часть составляли инородцы — евреи, поляки, прибалты, кавказцы. Поворот от поддержки монархии к ее осуждению и борьбе с самодержавием произошел в народе только 1905 году. То, что не удалось сделать народникам и другим «революционным террористам» — поднять народ на борьбу с монархией, сделали царские чиновники, отдавшие приказ о расстреле мирной манифестации рабочих, шедших с петицией к царю с его портретами и хоругвями 9 января 1905 года на подходе к Зимнему дворцу.

Слухи об этой расправе моментально распространились не только по России но и по всему миру. Сообщались страшные цифры — десятки и даже сотни тысяч расстрелянных. В статье В.И. Ленина «Революционные дни», опубликованной в газете «Вперёд!» со ссылкой на иностранные газеты, говорилось о 4600 убитых и раненых. Такое количество жертв будто бы значилось в списке, поданном журналистами мини-

стру внутренних дел. Однако по официальным правительственным данным, опубликованным 10 января, всего 9 января в больницы Петербурга было доставлено 76 убитых и 233 раненых. Впоследствии эта цифра была уточнена: 96 убитых и 333 раненых.

Когда казаки принялись избивать рабочих нагайками и рубить их шашками, когда солдаты стали стрелять в толпу боевыми патронами, Николая II в Петербурге не было. О той бойне, которую устроили его подданные, он узнал только к вечеру. В своем дневнике он записал: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» Николай II всячески стремился загладить свою вину, выдал крупную сумму денег из своих средств на помощь жертвам расстрела и даже принял делегацию рабочих в составе 34 человек и выслушал их требования. Но приговор ему уже был вынесен...

И для тех, кто его вынес, «Кровавое воскресенье» было только на руку. В этом плане весьма показательна реакция находившихся в эмиграции в Швейцарии русских эмигрантов на вести о «Кровавом воскресеньи». Старый большевик Пятницкий вспоминал в связи с этим: «Всем на удивление никто из русских не был печален... Наоборот, они пребывали в оживленном и повышенном настроении. Было ясно, что 9 января будет сигналом к победоносной борьбе». Старт «революционному терроризму» был дан, как мы видели, еще раньше. Но «Кровавое воскресенье» стали использовать как его оправдание.

Другие, напротив, полагали, что у царского правительства не было иного выхода, кроме насильственного разгона шествия. Так, известный историк С.С. Ольденбург писал: «Власти были застигнуты врасплох быстро возникшей опасностью, политический характер движения выявился лишь 7 января. Создалась угроза движения сотысячной толпы к Зимнему дворцу с петицией антиправительственного и революционного содержания. Допустить манифестацию значило капитулировать».

Несостоявшийся царевбийца

В истории «Кровавого воскресенья» есть страница, о которой редко говорят. Попробуем восполнить этот пробел. Генерал А.И. Спиридович, начальник дворцовой охраны Николая II, считал, что трагические события 9 января 1905 года

были следствием того, что «власти прозевали верноподданное народное движение, которое могло бы поднять престиж монархии. Для этого нужно было своевременно воздействовать на Гапона» (Спиридович А.И. Записки жандарма. — Харьков: «Пролетарий». 1928).

Надежды на такое движение царская охранка всячески поддерживала, ведя двойную игру, с одной стороны, с промонархическими «зубатовскими профсоюзами», а с другой — с «рабочим движением» попа Гапона, состоявшего в агентах охранки, в надежде повернуть это движение против движения революционного. С Гапоном, однако, в свою игру играли и эсеры в надежде использовать его многочисленных последователей в борьбе с режимом. Начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов приводит в своих воспоминаниях слова Гапона о якобы существовавшем плане убить царя, о котором ему рассказал Гапон во время разговора с ним и П.И. Рачковским: *«Внезапно я его спросил, верно ли, что 9 января был план застрелить государя при выходе его к народу. Гапон ответил: «Да, это верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нём гораздо позже. Это был не мой план, но Рутенберга... Господь его спас...»* (Герасимов А.В. На лезвии с террористами. — М.: Товарищество Русских художников. С. 208). Информация эта появилась у охранного отделения более чем год спустя после январских событий. Накануне же 9 января у Департамента полиции были только неопределённые сведения, что эсеры решили примкнуть к шествию и готовят красные знамёна, которые собираются выкинуть в известный момент.

Конкретно с Гапоном поддерживал связь от эсеров Петр (Пинхас) Моисеевич Рутенберг (1878—1942), террорист, активный участник русских революций 1905 и 1917 гг., который впоследствии стал одним из руководителей сионистского движения. Личность весьма любопытная, и в событиях, обернувшихся кровавым воскресеньем, ему, по признанию самого Гапона, была отведена своя роковая роль. Рутенберг происходил из богатой еврейской семьи. Отец был купцом 2-й гильдии, мать — дочерью кременчугского раввина Пинхаса Марголина. Рутенберг получил традиционное еврейское образование в иешиве, изучал Священное Писание и еврейские законы, был т.н. талмид-хахамом, но к сионизму поначалу относился безразлично. А вот к идее народничества он пришел во время учебы в Петербургском технологическом институте. Там он сблизился с социал-демократами, но с возникновением партии эсеров, вступил в нее. Он был знаком со многими маститыми террористами того времени, с таки-

ми, как Евно Азеф, Григорий Гершуни, Иван Каляев и с другими, хотя сам в боевой организации эсеров не участвовал. В «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года по заданию партии Рутенберг вместе с Гапоном принял участие в шествии рабочих к Зимнему дворцу. Во время расстрела демонстрации Рутенберг фактически спас Гапону жизнь, выведя его из-под огня, а затем помог ему бежать за границу, где они и скрывались до конца 1905 года. Там они встречались с Плехановым, Лениным, Кропоткиным, Жоресом и др. Рутенберг довольно быстро стал заметной фигурой в партии эсеров. В феврале 1906 г. он сообщил представителям эсеровского ЦК о предложении Гапона сотрудничать с охранным отделением и выдать боевую организацию. ЦК партии поручил Рутенбергу убить провокатора и его непосредственного руководителя, вице-директора Департамента полиции П. Рачковского. Ввиду невозможности осуществить террористический акт в отношении Рачковского Е. Азеф, опасавшийся разоблачения, единолично разрешил ликвидировать только Гапона. Группой рабочих и Рутенбергом 28 марта Гапон был повешен в Озерках под Петербургом. Затем Е. Азеф отрекся от своей лицензии на убийство попа-провокатора. Тогда правая пресса обвинила Рутенберга в том, что он такой же агент, как и Гапон, и убил его из-за полицейской конкуренции. Рутенберг после этого разочаровался в своей партии и революционном движении вообще и эмигрировал. В октябре 1906 г. ЦК эсеров в газете «Знамя труда» (№ 15) официально заявил о том, что революционная честь Рутенберга вне подозрений. С середины 1906 г. Рутенберг жил в Германии, а в 1907—1915 гг. — в Италии (одно время у М. Горького на Капри). В 1915 г. Рутенберг создал в Италии общество «Прокауза эбраика», которое должно было отстаивать национальные интересы евреев при послевоенном «мировом устройстве» (в этом обществе участвовали наряду с итальянцами и еврейские деятели, в частности, лидер сионистов-социалистов Б. Борохов). В мае 1915 г. Рутенберг с агитационной целью выехал в США. Там он под псевдонимом Пинхас Бен Амми опубликовал статью «Национальное возрождение еврейского народа». В США Рутенберг сблизился с Жаботинским и Трумпельдором, которые так же, как и он, работали над организацией «Еврейского Легиона». Рутенберг в основном поддерживал связь с лидерами левых организаций, такими, как Давид Бен-Гурион. Вместе с Хаимом Житловским он участвует в создании Американского Еврейского Конгресса.

В июле 1917 г. (после Февральской революции) Рутенберг вернулся в Россию, где его соратник по партии эсеров А. Ке-

ренский назначил его заместителем губернского комиссара (введена вместо должности губернатора) Петрограда по гражданским делам. Совместно с И. Трумпельдором Рутенберг участвовал в создании Национально-социалистической группы, которая по общим вопросам приняла эсеровскую программу, а по национальному — Цейре Цион. В дни октябрьского переворота Рутенберг предлагал арестовать и казнить В. Ленина и Л. Троцкого, чтобы предотвратить захват власти большевиками. Во время штурма Зимнего дворца Рутенберг вместе с членами правительства был арестован и около шести месяцев провел в Петропавловской крепости. Его освободили по ходатайству М. Горького и А. Коллонтай. После объявления советскими властями «красного террора» в августе 1918 г. Рутенберг бежал в Киев, а затем в Одессу. Там он вошел в Комитет обороны и продовольствия, сформированный 23 марта 1919 года командованием французских войск, занимавших в то время Одессу. 4 апреля 1919 года он эвакуировался вместе с французами на пароходе «Кавказ». Рутенберг навсегда оставил Россию, «придя к выводу, — как пишет Еврейская энциклопедия, — что антисемитизмом заражена даже революционная среда». В Париже он предложил свои услуги Всемирному союзу израэлитов, созданному А. Кремье, и совместно с другими руководителями сионистского движения участвовал в подготовке предложений к Версальской мирной конференции. В конце 1919 года Рутенберг приезжает в Палестину. Ему шел тогда 41 год. Вместе с Жаботинским и Трумпельдором он создает отряды еврейской самообороны «Хагана» — ядро будущей Армии обороны Израиля. Социалистическое прошлое Рутенберга сближало его с левым лагерем в сионизме. В то же время он сохранял тесные связи с Жаботинским и его «ревизионистским» правым течением. Известно, что и британские власти использовали Рутенберга. В частности, для установления неформальных контактов с его давним знакомым Муссолини: во время одной из своих многочисленных поездок в Европу Рутенберг встречался в Риме с итальянским диктатором, с которым, как известно, постоянно общались и правые сионисты, в том числе Зеев Жаботинский. Таков абсолютно логичный путь к сионизму «революционного террориста», эсеровского боевика Пинхаса Рутенберга, который вполне мог войти в историю как цареубийца. Но эти «лавры» суждено было обрести другому его соплеменнику Якову (Мойше) Свердлову и группе его большевистских поделельников.

Михаил БАЛА,
доктор медицинских наук, профессор

КТО ВСЕМ ЭТИМ КУКЛОВОДИЛ?

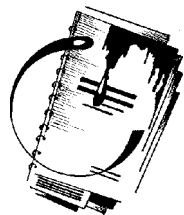
— *Михаил Анатольевич, вы же у нас отчасти конспиролог. А потому вопрос: откуда взялся этот вирус? Он естественный или всё же искусственного происхождения?*

— Не только у меня есть все основания говорить о том, что вирус имеет признаки биологического оружия. Это не моя фантазия. Это заявления очень уважаемых людей, в том числе экспертов по такому оружию. Смотрите, как интересно получается. Предположим, кому-то надо, чтобы потери понесла определенная часть населения. Что он делает. Первое — создает условия, чтобы этот возбудитель проник в большую часть населения, как бы далеко она ни находилась от магистральных транспортных потоков. Следовательно, это должен быть воздушно-капельный путь передачи, возможно, дополняемый контактным или пищевым. Второе: длинная инкубация — до 14 суток. В инкубационном периоде инфицированный человек представляет собой наибольшую опасность, а следовательно, наиболее эффективен в распространении вируса.

— *Человек становится такой «живой бомбой» с часовым механизмом?*

— Да. Он внешне здоров, работает, перемещается, посещает общественные места,

ДОСЬЕ "МГ"

родственников. И именно в этом общественном обороте он начинает максимально распространять вирус.

Третье. Одно из базовых свойств этого вируса — проникновение в клетки мишени.

— *Это те шипы, которые мы видим на фотографиях, та самая корона?*

— В том числе. Этот великолепный механизм захвата позволяет вирусу легко внедряться в организм человека. Дальше идет стандартный процесс заболевания, но с некоторыми пугающими особенностями. Обычно вирус входит в клетку и подчиняет себе процесс репликации, а чтобы вирусу помешать, организм включает механизм иммунной противовирусной защиты и берет ситуацию под контроль. Но в данном случае всё наоборот! Чем сильнее иммунный ответ организма, тем больший масштаб приобретает процесс разрушения клеток и внутренних органов больного. Начинается цитокиновый шторм: иммунная система идет вразнос. Она не то что не борется, а начинает обрушать свои же механизмы жизнедеятельности. Вирус бьет в клетки, нарушает в них обмен веществ. И чем больше клетка пострадала ранее от хронических болезней, тем больший урон наносит ей вирус.

Резюмируем. Налицо все признаки искусственного происхождения вируса: длительная инкубация, высокая степень заражаемости и вирулентности. Плюс целевая аудитория: люди с хроническими заболеваниями.

— *То есть вирус, если идти в размышлениях по предложенному вами пути, должен выбить получателей пенсий и социальных пособий?*

— Получается, что так. Вирус выбивает, как бы цинично это ни звучало, самую экономически неэффективную часть населения. Затратную для бюджета часть населения.

— *Тогда давайте про Китай, откуда всё пошло. Но тут мы видим парадоксальную ситуацию: по данным сайта «Коронавирус.монитор», в Китае — чуть больше 90 тысяч заболевших. А в России, которую в начале этого года считали «тихой гаванью», заявляя, что инфекция не пройдет, в конце прошлого года официально было два миллиона заболевших. Как так получилось? Китай просто перестал информировать ВОЗ о том, что происходит в стране?*

— Это интересный вопрос. Китайцы сразу по полной программе включили противоэпидемическую схему, и она сработала. А куда ж вирус дальше-то делся? Скорее всего это был стартовый, базовый штамм вируса, завязанный на ту популяцию, из которой вышел в свет (контролируемо или нет, неизвестно). И пошли его мутации. Некоторые вирусы, кста-

ти, мутируют фантастически быстро. Этот вирус тоже очень быстрый. Уже официально заявлено, что циркулируют, минимум, два штамма, но не факт, что их не больше. Уже многое известно о SARS-CoV-2, но еще не всё.

Например, мы не знаем о наличии перекрестного иммунитета. То есть имеет ли переболевший ковидом человек иммунитет к другому штамму этого вируса? Учитывая, что это РНК-вый вирус, нет никаких гарантий, что переболевшие приобретут перекрестный иммунитет. Например, ученые так и не смогли создать вакцины против гепатита С, который тоже РНК-вый. С гепатитом С ученые эффективно решили проблему совершенно иными путями, но не вакциной.

У нас идет активная оценка выявления антител к SARS-CoV-2 у инфицированных и переболевших. Но при вирусах не антитела играют ключевую роль. В иммунном ответе против вирусов роль первой скрипки играют клеточный иммунитет и интерфероны — гликопротеины, которые вырабатывает организм в ответ на воздействие вируса. А методик, которые отслеживают массово этот процесс, у нас нет.

— *В марте прошлого года, по данным ВОЗ, из ста заболевших умирали трое. Вы тогда прогнозировали, что смертность будет снижаться. Возьмем страны БРИКС. В Бразилии смертность 2,9%, в России — 1,7%, в Индии — 1,5%, в Китае, который первым встретился с COVID-19, — 5,2%, в ЮАР — 2,7%.*

— В Китае был старт. Это то, о чём мы уже сказали. Первая атака сопровождается самой большой смертностью. Далее мы видим снижение смертности по логике любого эпидемиологического процесса. Те, кому в силу уже сказанного суждено было погибнуть, погибли. Вовлечение в эпидпроцесс широких слоев населения уменьшает смертность. Она «размазывается» по всей популяции. Поэтому наряду с ростом количества заболевших, смертность сокращается.

— *Тогда, в начале марта, когда в Липецкой области не было еще ни одного заболевшего, официально заявлялось, что все завозные случаи выявят, всех изолируют, всех вылечат. Но вы сделали смелый прогноз о том, что, цитирую, «первая линия ляжет вся». Это случилось?*

— Да. Посмотрите на процент инфицирования медработников. На сегодняшний день практически все контактировавшие с больными работники поликлиник и больниц переболели ковидом. Это как раз та самая первая линия. К этой группе условно и не условно павших можно добавить чиновников, работников соцзащиты и суда, сотрудников Роспотребнадзора и аптек... В общем, всех тех, кто больше всего

контактировал с вирусоносителями и заболевшими. Слава Богу, что это была не легочная чума!

— *Медики уже научились отличать симптомы ковида от ОРВИ и гриппа? Известный в Санкт-Петербурге врач, руководитель ковидного госпиталя, заявил, что мокрота при ОРВИ и гриппе при откашливании прозрачная, а при вызванной коронавирусом пневмонии — цветная...*

— Врачи получили много знаний с начала пандемии. Что отличает банальные простуды от коронавируса? На слуху — отсутствие обоняния. Но опять-таки и при ОРВИ такое не редкость. При коронавирусе идет выраженная слабость, одышка, депрессивный синдром. Мы говорим о более растянутом во времени течении болезни и лечении. Ну и самое неприятное: наблюдается поражение всех органов и систем. Переболевшему требуется длительный период реабилитации.

— *КТ-диагностику при коронавирусе объявили самым эффективным методом диагностики, и тут же попасть на такую диагностику стало возможно только по блату...*

— До этой пандемии у нас основным методом постановки диагнозов при легочных поражениях была рентгенография грудной клетки в нескольких проекциях и рентгеновская томография. И только в эту пандемию ввели в стандарт обследования компьютерную томографию. Появилась новая симптоматика — «мазовые стекла» и тому подобные вещи. И стали считать отек ткани легких, которым сопровождается любая легочная патология, патогномичным симптомом, причиной постановки диагноза. А это отек! Не гной, не кровоизлияние, не некроз. Это обычная фаза любого воспалительного процесса. КТ как раз это выявляет. Поэтому главное не столько поймать эти «стекла», сколько увидеть пневмонию, которая требует лечения с учетом бактериального компонента. При бактериальной пневмонии без адекватного назначения антибиотиков не обойтись.

Обычно на формирование бактериальной пневмонии уходит пять суток с момента появления первых симптомов болезни. Поэтому ранее первых пяти суток пить антибиотики просто «на всякий случай» бессмысленно. Но в начале пандемии врачи от страха перед неизвестной инфекцией прописывали больным по четыре антибиотика одновременно! А потом выписанные рецепты пошли по рукам, и население стало активно заниматься самолечением, скупив в аптеках в октябре месячные запасы антибиотиков. Итог: кишечники сжигали как паяльными лампами! Кишечник превращали в сплошную кровоточащую рану. Доходило вплоть до псевдомембранозных колитов. И такая ситуация — повсеместна.

Поэтому антибиотики нужно принимать только по предписанию врача.

— *Популяционный иммунитет к коронавирусной инфекции, к примеру, в липецком регионе, по данным Роспотребнадзора, составляет 22%. При этом в данном регионе с начала пандемии выявлено без малого 10 тысяч заболевших. Где правда?*

— И в первом, и во втором случае. Есть вирусоносители без реакции на SARS-CoV-2 иммунной системы организма. Есть бессимптомные формы — у человека выделен вирус, но клинических проявлений заболевания у него нет. Есть легкие, средне-тяжелые, тяжелые и крайне тяжелые формы ковида. Так вот, по статистике, клинические формы составляют в среднем пять процентов от всех остальных. И эта цифра будет расти. Всегда цифра реально инфицированных и заболевших больше числа выявленных. Значительно больше.

— *Как у нас обстоят дела с «проэпидемичиванием» населения, с формированием естественного иммунитета?*

— А это вопрос как раз о тех самых 22 процентах липчан! Одна из крупных федеральных компаний, предоставляющая услуги в области лабораторной диагностики в России и имеющая свои представительства во всех регионах, сообщила, что на основании их исследований порядка 40% россиян в конце 2020 года уже имели иммунитет к коронавирусной инфекции. А в середине года этот показатель был в четыре раза ниже. Но, как мы уже говорили, никто не знает, есть ли к ковиду у переболевших перекрестный иммунитет.

— *Михаил Анатольевич, возможны ли повторные случаи заражения коронавирусом?*

— Если у человека выявили вирус, но он болел чем-то другим, в статистику он попал как ковидный. Но в этом случае не были выполнены все классические каноны диагностики. Нас при советской власти как учили? Хотите доказать, что этот возбудитель вызвал болезнь? Берите больного человека и доказывайте! Выделяйте возбудитель. Выявляйте реакцию иммунной системы. Прослеживайте эту реакцию во времени. Выявили вирус — выявите антитела! Так выглядит плановая работа инфекционного стационара. Мы же попали в аврал. Некоторые элементы неспешной плановой работы отвалились. И начались перекосы. В итоге все говорили только о коронавирусе. А куда же делись все остальные болезни?

— *Так повторные заражения возможны?*

— Это вопрос очень дискуссионный.

— *Ваше мнение о тестах и вакцинации?*

— У всех анализов существуют правила забора. Они отработанные и жесткие. Этому учат. А когда при тестировании

на коронавирус вам предлагают самому поковыряться палочкой в носу.. Ну, какое доверие будет к результатам такого тестирования? Да и тест-системы, которые появляются в начале любой эпидемии, как правило, не идеальны. Любая такая система работает по принципу: 30%, 30%, 30%. Треть результатов тестов — истинно положительные, треть — ложноположительные и треть — ложноотрицательные. И разобраться, что и как, невозможно. Со временем технология усовершенствуется, и мы когда-то получим тест-системы, которые дают стопроцентные результаты.

Вакцинация. Идея благая. Но мы не знаем о мутациях вируса и о перекрестном иммунитете к нему. Вакцинировать надо тех, кто находится в зоне риска. Но обеспечат ли все заявленные вакцины стопроцентную защиту от последующих мутаций SARS-CoV-2, в этом уверенности нет.

— *Страх и паника. Как они сказываются на здоровье людей?*

— Жутко. Человек сидит, всего боится. В результате получает выбросы адреналина, кортизола, ТТГ и других «гормонов стресса». Системы защиты организма плавно истощаются. И человек становится открытым всем ветрам. В состоянии страха общество становится неадекватным. Оно превращается в панически настроенную толпу. Люди ничего не видят и не слышат. Думаю, ситуация 2020 года станет предметом многих социологических диссертаций в ближайшее десятилетие.

Если заболевает или умирает близкий тебе человек, это здорово бьет по нервам и иммунной системе. У меня есть много знакомых, которые переболели сами или потеряли вследствие ковида близких. У них со здоровьем уже всё хорошо. Но люди продолжают ощущать себя на краю могилы. Они боятся хоть на шагок изменить свою жизнь. Люди боятся выйти на улицу и прогуляться — а вдруг отлетит тромб? Боятся ездить в автобусах и ходить в магазины — там зараза! Боятся пользоваться лифтами — вдруг перед ними проехал инфицированный человек!

— *Заводить в страх и панику у нас хорошо научились, достаточно включить телевизор. А кто может помочь таким людям? Кто их должен выводить из такого состояния?*

— Должен работать принцип взаимопомощи. В любом обществе есть ведомые и есть ведущие. Когда ведущие устают от чего-то, они начинают сами мобилизовываться и мобилизовывать других. И люди начинают возвращаться в мир. Есть соцсети, есть телефоны. Мне постоянно звонили люди в состоянии страха. После разговора они, как правило, прихо-

дят в себя. Паника уходила. Люди начинали здраво смотреть на происходящее.

Надо не хвататься за голову, когда дом загорелся, а менять вовремя электропроводку, косить бурьян, иметь огнетушитель, пожарный гидрант. Я об упоре на профилактику. Если человек ведет здоровый образ жизни, правильно питается, высыпается, не рвет себе нервы не пойми чем, если лечит возникающие заболевания, то он и болеть коронавирусом будет по-другому. Людей погибших из числа здоровых нет. Вирус в первую очередь косил хронически больных сахарным диабетом, гипертонией, ожирением. За ними следовали заболевания органов дыхания, онкологические, болезни эндокринной системы. Но с этим же что-то надо делать! Сахарный диабет второго типа тоже протекает по-разному в зависимости от того, как к этой болезни кто-то относится.

— *Что в вашей жизни изменил коронавирус?*

— Мир изменился. Он уже совсем другой, не такой, как в начале прошлого года. Но остался вопрос: кто всем этим кукловодил?..

Беседовал Игорь Луговой

ТЁТЯ МАРУСЯ

РАССКАЗ

«Здравствуй, Серёжа.

Пишет тебе твоя тётка. Хочу узнать, как живёт мой племянник. Жив, здоров ли? Вот уже больше двадцати лет не видела вас с Людмилой, сестрой твоей. Родных у меня кроме вас никого не осталось. Сашенька, сыночек мой, погиб, ты знаешь. В прошлом году уж тридцать лет, как схоронила. А Миша, старший мой пропал без вести, как в город уехал. Два года назад мужа своего, Николая Тимофеевича схоронила. Теперь осталась я одна-одинёшенька.

Как вы всей семьёй уехали из нашей деревни, так я, почти-тай, вас и не видела. Мать твоя с отцом ещё наведывались, пока живы были, а теперь уж никто в нашу глушь и не ездит.

Вот увидеть вас хочу с Людой. Сама приехать не могу, годы мои уже большие. Скоро и мне к Сашеньке моему с Николаем Тимофеевичем пристраиваться надо, а душа моя беспокойная. Вот повидать бы вас, да уж тогда и спокойно мне будет помирать-то.

Собрались бы вы с Людой, да навестили меня, ты всё же крестник мне. Заодно и дедовы могилы повидать сходили бы.

ПРОЗА

А в этом августе, 12 числа, мне будет 75. Вот какая я стала старая. Приезжайте, Серёженька, очень прошу, а то, случись, помру, так и не увидимся.

С семьями приезжайте, я и порадуюсь, на вас погляжу. Дом у меня большой, места всем хватит.

А сама я пока жива и здорова, чего и вам желаю.

Ваша тётка Мария».

Под строками текста была проставлена дата: 10 мая.

Сергей Иванович, давно не получавший таких писем, задумчиво держал одной рукой тетрадный лист, на котором оно было написано, а другой рукой вцепился в подбородок. Последний раз он получал поздравительную открытку от тётки в середине девяностых годов. Ответить не получилось. Так и прекратилась переписка с любимой родной тёткой, что жила в далёкой деревне, затерявшейся среди лесов в тысячах километрах от него — столичного жителя.

Закрутила столичная суматошная жизнь, прочно впиталась в кровь и в мозги, так, что другого ритма Паньков Сергей Иванович уже и не помнил. Изредка вспоминал про тётю Марусю, но написать письмо времени так и не нашёл. А потом пришла другая жизнь с сотовой связью, с Интернетом, и писать письма разучилась вся страна. Стало проще: поговорил по телефону или написал смс и вроде бы контакт есть. Надо что-то срочно передать — отзвонился, отэсэмэсился, в соцсетях обозначился и уже в курсе всех дел. А тут и не понять, как письмо дошло. Уже июнь начался, а тётя Маруся написала его в мае. Отправлен конверт из райцентра, две недели спустя после написания. Почему тётка не отправила своё послание сразу, через сельскую почту, тоже было непонятно. Райцентр от его родной деревни в сотне километров. Зачем было так далеко ехать, чтобы отправить конверт?

«Ладно, — отмахнулся от этих мыслей Сергей, — Тёте Марусе там виднее, как что отправлять. А вот как ей теперь объяснить, что приехать не смогу? Надо подумать. С сестрой Людмилой созвонюсь. Конечно, вряд ли она, жительница черноморского побережья оторвётся от своего гостиничного бизнеса в самый сезон. Хотя кто знает? Может, решится оставить за себя своих семейных».

Сергей Иванович положил письмо на стол. Затрещал мобильник. Звонили из офиса компании. Секретарь напомнила о совещании в 15:00.

— Спасибо, Анжела. Я помню. Постараюсь без опозданий, но если пробки, то задержусь. Никого не распускайте. Пусть ждут.

Он снял пиджак и направился на кухню, где ждал обед. Не доходя до стола с дымящейся тарелкой, остановился и вернулся за письмом. Прочитал ещё раз простой с первого взгляда текст и надолго задумался. Где-то глубоко в мыслях, а скорее под сердцем мягко и добро ёкнуло. Вспомнился один из дней рождений тётки Маруси: весёлый, праздничный, радостный. За столом все родственники, соседи, друзья. Родители Сергея, ещё молодые, сын тётки Маруси в армию только собирался. Людмила-красавица, да и все другие такие добрые, открытые и сердечные. И вот — никого, только он с сестрой — единственная родня тётки. Жалко до боли вдруг стало её, одинокую. Двое сыновей и оба погибли, не оставив потомства. Сашка — в Афганистане, а отчаянный Мишка где-то в городских трущобах сгинул. Теперь вот муж тётки Маруси дядя Коля приказал долго жить.

Паньков свернул письмо и положил в нагрудный карман рубашки.

Вечером, сидя перед телевизором, Сергей, не отрывая взгляда от экрана, неожиданно сказал:

— В августе еду на родину.

Чувствуя немой вопрос жены, застывший в карих глазах, так же, не поворачивая головы, добавил:

— Надо...

Жена молчала долго, но всё же заговорила:

— Ты про наши планы не забыл? У нас дочь университет закончила. Надо будет трудоустройством заниматься. Сын в...

— Я прекрасно помню, что у нас происходит в семье, — перебил Сергей. — Надо! Понимаешь, надо...

Жена в недоумении повела плечом. Остатки вечера супруги провели в молчании.

Как и ожидалось, сестра Людмила поехать на тёткин юбилей не смогла. В августе на юге самый разгар туристического сезона. В её семейной мини-гостинице любая пара рук на вес золота. А без неё супруг с детьми не справятся — сестра самая главная в этом деле. Всё хозяйство на ней.

Можно было бы договориться ехать вместе осенью или зимой, но у Сергея Ивановича будет тяжёлая пора на работе. А запланированный в этом году отпуск как раз выпадал на тёткин юбилей. Да и неудобно отказаться от приглашения.

Конечно, отказаться можно в любой момент. Тётя Маруся всё поймёт и не обидится. Но что-то в строках письма, полученного Сергеем Ивановичем, скрывалось такое, что слова-

ми было не объяснить. Письмо было с горчинкой. Какой-то обездоленной тоской веяло от него.

Нет, не такая прежде была тётка Маруся. Не писала она ния писем прежде. А тут, какое-то уж очень жалобное у неё получилось послание. Как будто вымаливала она приезд племянников своих.

Паньков был человеком дела. Раз задумал, то уже не менял своего решения.

За два дня до тёткиного юбилея он прибыл в аэропорт. Самолётом долетел до областного центра. Потом до района полдня пылил на старом «пазике» и только на следующий день добрался до родной деревни.

Тентованный «уазик», который пришлось нанять в далёком селе, где была пристань, и куда добрался Паньков на небольшом пассажирском теплоходе, оставил его возле здания бывшего клуба. Водитель лихо развернул заляпанный бездорожьем автомобиль и умчался, разбрасывая грязь из-под колёс. Сергей Иванович окинул взглядом всё, что было вокруг, и не сразу узнал прежних, родных когда-то улиц и домов. Тишина стояла такая, что заложило уши. И уж начал он сомневаться в том, что в его родной деревне есть хотя бы одна живая душа. Но вот в конце улицы появилась человеческая фигура, скрипнула неподалёку калитка, а из-за домов раздался шум мотора, схожий по звуку с треском мотоблока.

У входа в давно не действующий клуб, как и прежде, росли кусты сирени. Но это были не те ухоженные аккуратные растения, которые он помнил по юности. Деревянное здание скрывали заросли кустарника, прячущего корни под горами старой листвы и мусора.

Вот дом друга детства с берёзами в палисаднике. Берёзы всё такие же: с ветвями-плетями до земли, только штакетник позеленел от старости и покосился, а крыша дома с заколоченными окнами провалилась.

Шёл Сергей Иванович по улице родной деревни и не узнавал её. Стояла она разорённая и брошенная, как одинокая старуха, вот-вот готовая умереть и боящаяся своей смерти, потому что хоронить будет некому. В редких домах теплилась жизнь. Там, где жили люди, возле подворий был скошен бурьян.

Петра Сурова по прозвищу Петька-Водяной он не сразу заметил, а когда тот его окликнул — не узнал совсем. Суров сидел на лавке возле ворот и молча наблюдал за ним. Двор его и лужайка перед жилищем густо заросли крапивой и ло-

пухами, поэтому Паньков и не заметил бывшего одноклассника. Сергей Иванович поначалу принял дом Водяного за нежилой.

— Кого ищешь?! — трескучим, прокуренным голосом спросил Пётр.

Щурясь, он пытливо смотрел на остановившегося горожанина. А когда приблизился, по-простому, по-деревенски сразу протянул заскорузлую, с грязными ногтями ладонь. Он ничуть не удивился появлению Панькова:

— Давно не видал тебя. Эх, давно! Смотрю всё: ты или не ты? Тебя не спутаешь. Всегда прямой, как гвоздь, ходил...

— Петя, это ты? — наконец узнал земляка Сергей Иванович и непритворно обрадовался встрече.

— Я-я, Серёжа, кто ж ещё. А ты и не узнал!

— Признаться — нет, — повинулся Сергей Иванович.

— А я вот, видишь, можно сказать, издалека увидал, что ты идёшь. Ты и не изменился совсем. Так... Поседел чуть-чуть. И на лбу вон морщин прибавилось.

Сергей Иванович понимал, что надо бы ответить на такой вот мужицкий комплимент в его адрес, но не стал врать. Пётр Суров выглядел как древний старик: обветренное, давно не бритое лицо с глубокими бороздами морщин, худое тело, сутулая спина и тошный запах перегара. Поэтому он криво усмехнулся и пожал плечами:

— Как живёшь-то, Петя?

— Да как живу? Как и все у нас тут. Работы нет. Колхоз давно разорился. Жёну пять лет уж как схоронил. Дети, как выросли, так сразу и уехали. Ни дня не остались дома. С тех пор и не приезжают. Были раза два. На день приедут и назад. Не хотят здесь находиться. Не интересно им. А я теперь в нашей деревне самый молодой, да вон ещё Санька Спицын, годом старше меня. Правда, жена у него помоложе нас будет. Вот и вся наша жизнь здесь. Доживаем, так сказать, в бесплезности свой век. А ты как? Тётка Маруся говорила, что ты хорошо там устроился. В Москве живёшь.

— Жаловаться не буду. Хорошо всё у меня. Живу в Москве. Семья, дети — всё в порядке. Как у всех.

— Как у всех, — задумчиво повторил за ним Суров и отвернул глаза куда-то в сторону и в землю. — Так и должно быть. Это у нас тут не как у всех...

Водяной ещё раз задумался и вдруг предложил:

— Давай выпьем! За встречу, так сказать! У меня немного есть.

— Выпьем, Петя, только не сейчас. Надо у тётки появиться сначала, — стал отказываться Паньков, но неожиданно

наткнулся на недобрый взгляд, блеснувший из-под прищуренных век.

— Брезгуешь... — просипел Водяной. — Ну и ладно. Дело твоё.

Он развернулся и пошёл к своему дому. Слегка ошарашенный Паньков в недоумении попытался остановить его:

— С чего ты взял, что я брезгую?

Суров остановился и опять повернулся лицом к бывшему однокласснику.

— А ты всегда был такой. Нас, друзей твоих школьных, за ровню не принимал. Ты и отличник и активист... А мы так себе были... Ни чета тебе. — Пётр махнул рукой в ту сторону, куда должен был двигаться Паньков. — Иди-иди, Серёжа, куда шёл. Тётка Маруся тебя заждалась. Осчастливь её своим прибытием. Ладно, приехал. Это прямо чудеса какие-то, я и глазам своим не верю. Надо же, Сергей Иванович объявился. Почтил нас своим прибытием.

— Да уж, Петя. Неожиданный приём, — обиженно выдал в ответ Паньков.

— Иди-иди, — махнул опять рукой Суров и в раскачку зашагал к воротам.

Испорченное настроение Паньков донёс только до тёткиного двора. Она встретила его у ворот, как будто ждала весь день. Идя к нему навстречу, раскинула руки широко и радушно и, приблизившись, крепко обняла, обхватив племянника пониже лопаток. Приложила голову к его груди, заплакала:

— Серёженька, всё же приехал, навестил меня-старуху. А я всё ждала, сердцем чуяла, что радость мне будет. А ты вот и приехал, милый мой.

Тётка Маруся притянула шею Сергея Ивановича к губам и несколько раз поцеловала в щёки.

Пока они стояли возле дома, к ним приблизилась пожилая пара. В них Паньков узнал старинных друзей своих родителей и соседей тётки Маруси.

Фёдор Васильевич долго жал и тряс руку Сергея, а потом, не сдержав эмоций, обнял:

— Ты с возрастом на отца стал здорово походить. И жилистый такой же.

После того, как Сергея расцеловала жена Фёдора Васильевича, Наталья Николаевна, не скрывавшая радости, Сергей с тёткой Марусей вошли в дом.

Уютное тёткино жильё сверкало чистотой. Видно было, что готовилась она к встрече гостей: на столе цветы в синей вазе,

кровати застелены белоснежным бельём, новые половики, а на угощение свежиспечённые пироги и ватрушки.

Сергей Иванович прошёлся по дому, оглядываясь и умильно улыбаясь. Будто назад во времени переместился. Часть мебели в доме Марии Степановны сохранилась ещё с тех пор, когда Паньков жил в деревне. Старый буфет, комод с деревянными вензелями, круглый стол и швейная машинка были изрядно обтёртыми от использования, но по-прежнему добротными. Всё это помнилось Сергею Ивановичу с юных лет.

В горнице с тумбочки, приставленной в углу, что-то знакомое и дорогое сердцу блеснуло неприкрытым краем. Паньков, повинувшись смутной догадке, стянул с грузного, выпирающего углами предмета матерчатую накидку. Обнажились кнопки, ремни, бархатистые меха и блестящие уголки баяна. Он не ошибся в догадках — это был его баян. Тот самый, с которым он не расставался в юности. С этим инструментом веселил Серёжка Паньков девчонок и родню во время праздников. Вспомнилось Сергею Ивановичу и то, как он выступал в деревенском клубе, как дружно его приветствовали земляки: хлопали до тех пор, пока председатель колхоза не прекратил чрезмерные овации. От воспоминаний, распёрло грудь, стеснило плечи и леденючие мурашки пробежались от шеи по спине. Паньков бережно поднял старого «друга», попробовал ремни и вскинул баян на грудь. Похрустел пальцами, прежде чем опустить их на кнопки. После первых переливов, изданных баяном, в горницу заглянула тётя Маруся, хлопотавшая до этого на кухне. Улыбаясь, она спросила:

— Что, Серёженька, не забыл, как играть. А я вот сохранила гармонь-то твою. Знала, что когда-нибудь всё же придешь.

На следующий день был юбилей. Тётка Маруся созвала всех, кто жил в деревне. Набралось пятнадцать человек. Паньков ждал, когда появится Петька-Водяной, но его всё не было. Гости расселись за праздничным столом и выпили по первой. Пользуясь затишьем, Сергей Иванович спросил тётку про Сурова.

— Звала. Не пошёл он. Сердитый какой-то, — тут же молча махнула рукой и тихо добавила: — И Бог с ним... Пьёт он. Напьётся и несёт всякую дурь.

— Да, — согласился Фёдор Васильевич, — все посиделки может испортить. Коль напьётся, то уж тут не до юбилея будет. А жаль, хороший ведь мужик был. Ты уж не знаешь, Сергей, — уехал к тому времени, а Петька-то лучшим механизма-

тором района у нас был. Награды всякие получал, грамоты. А потом вот запивать начал...

— Он много стал пить уж когда Татьяна померла, — добавили за столом. — А до этого нормально было. Выпивал, конечно. Но не так чтобы очень...

— Это точно, — согласилась тётка Маруся, — пока Танюшка жива была, царствие ей небесное, Петька вёл себя порядочно. А не стало её, так он месяц совсем не просыхал. Мы думали: помрёт. Но нет, немного остановился. Только всё равно пьянствует.

Сидящие за столом продолжили:

— И ведь запьёт и не останавливается.

— Он как будто специально делает, чтобы напиться до беспамятства и не очнуться больше.

— Что-то мы не о том говорим, — прервал Фёдор Васильевич затянувшееся обсуждение судьбы Петьки-Водяного. — Скажи что-нибудь, Сергей Иванович. Пожелай тётке своей. А мы тебя поддержим. Она ведь в тебе души не чаёт. А уж ждала как она вас с сестрой, это только мы с супружницей моей знаем. Все глаза проглядела.

Паньков поднялся с налитой чаркой чистейшего самогона и вдруг подумал, что стандартные слова, которые говорятся обычно на юбилеях и которые у него всегда припасены в памяти для таких случаев, будут здесь неуместны. Он постоял, собираясь с мыслями и наконец произнёс:

— Вот и скажу про это же. Родителей моих давно уж нет. Не ждут они меня у порога отчего дома. От этого плохо мне. И не только мне, а любому нормальному человеку. Человек жив, пока он кому-то нужен, пока ждут его. Вот и я живу тем, что меня ждут. Спасибо тебе, тётя Маруся, за то, что ждёшь меня. Большое спасибо. Этим ты меня спасаешь, даёшь возможность жить дальше. А значит, и сама живи дольше.

За столом все расчувствовались. Тётя Маруся долго не могла успокоиться, вытирая платком мокрые глаза. Наконец счастливо заулыбалась и сказала:

— Богатые подарки привёз ты мне, Серёжа. Но сделай ещё одно одолжение. Сыграй на баяне своём. Я до сих пор помню, как ты нас всех прежде веселил да потешал песнями. Сыграй, прошу тебя.

Сергей Иванович хотел было отказаться:

— Тётя Маруся, я как уехал, так почти и не играл больше. Но потом подумал и согласился под напором просьб:

— Ну, уж если допущу фальшь, — не обижайтесь.

Он сноровисто подхватил баян. Тот дуднул, шевеля мехами, и прочно примкнул к груди своего старого хозяина. Сер-

гей Иванович прошёлся пальцами по кнопкам, озорно поглядел на застолье и проиграл задорный мотив, тот, которым прежде веселил своих деревенских почитателей. Пальцы не всегда поспевали, но Паньков не останавливался. Он видел, как благодарно светились глаза слушателей. От этого и сам заводился.

Проиграв немного без песен, он неожиданно притопнул и запел. Полилась песня мелодичная и знакомая. Будто и не было долгого перерыва в игре на инструменте.

Песню быстро и ладно подхватили. А потом пошло: и песни, и пляс, и частушки... Сияли лица, светились радостью глаза. Смех и улыбки не прекращались. Фёдор Васильевич, не взирая на возраст, и в присядку прошёлся, и цыганочкой всех порадовал. А с юбиляршей станцевал первоклассный краковяк.

Наступил перерыв:

— Ох, Сергей Иванович, ну молодец.

— Повеселил от души... — слышалось со всех сторон.

Тётя Маруся, растроганная до слёз, необычно торжественно прошла через всю горницу к племяннику и расцеловала разгорячённого Сергея, когда тот пригнулся, чтобы не мешал баян.

Не теряя времени, выпили ещё за здоровье именинницы. И тут уж Сергей Иванович сам вышел из-за стола и вновь подхватил инструмент.

Пелось ему легко. В постаревших лицах он видел тех, кто в прежней жизни, будучи молодыми, слушали песни, что он пел. А эти люди преклонного возраста, помнившие Панькова молоденьким пареньком, были искренне рады ему. Их согревало тепло встречи, которую неожиданно подарила судьба, и которая состоялась благодаря стараниям Марии Степановны, затеявшей свой юбилей. Эта встреча с прошлым, задушевно пролилась вместе с мелодиями минувших дней. Сергей Иванович смотрел на своих слушателей, и казалось, что среди них сейчас находятся его друзья юности, родные и близкие. И будто стёрло время свои непоколебимые границы, потому что помнились земляки такими, какими были более тридцати лет назад. Пел не столько Сергей Паньков, сколько пела его душа. Так ей было радостно.

После того, как дружно закончили песню «Снова замерло всё до рассвета», Паньков, никого не тревожа, вышел просвежиться. На улице было темно и прохладно. В траве стрекотали сверчки. Глядя с крыльца на звёздное небо, Сергей Иванович глубоко вздохнул. Вдруг ему послышался то ли ответный вздох, то ли всхлип, а скорее всего кто-то громко

сглотнул воздух, глуша стон в гортани. Паньков пригляделся. Не очень далеко на старом бревне, лежащем у загородки, он различил сгорбленную фигуру. Неторопливо, но уверенно подошёл ближе.

К нему обернулось небритое лицо с блестящими от влаги щеками. В свете огня, льющегося из окон, Паньков узнал Сурова. Пётр в упор смотрел наполненными слезой глазами на бывшего одноклассника. Ноздри его дрогнули, и он отвернулся, не говоря ни слова.

— Петя, что с тобой? — озадаченно произнёс Паньков.

Суров молчал, глядя в другую сторону. Плечи под старым пиджаком подпрыгнули, и он утопил лицо в ладонях.

— Пётр, да что с тобой? Что случилось? — опять обратился к Сурову Сергей.

— А что, не видишь разве? Напился вот до слёз. Сижу, грущу, — буркнул Водяной.

Паньков молча присел рядом.

— Может, зайдёшь Марию Степановну поздравить?

— Нет, Сергей Иванович, не пойду.

— Ну что ты, в самом деле? Как дитё малое. Обиженный непонятно на что.

— Нет, Сергей, не уговаривай. Не пойду, — начал успокаиваться Суров. Он достал смятую пачку с дешёвыми сигаретами. Запахло удушливым, скверным дымом.

— А за песни тебе спасибо. — Пётр протёр свои глаза краем рукава. — Жизненно всё это у тебя получается. От слёз не удержишься. Как вспомню прежнюю жизнь, так от тоски волком вою.

Суров громко шмыгнул носом и опять затянулся вонючим дымом.

— А вот заиграл ты да запел, и вспомнились мне родители и родня вся, и соседи, что эти песни любили петь. Вроде и тяжело вспоминать то, чего не вернёшь, а с другой стороны радостно. Хоть они жили счастливо...

— Ну, ты даёшь! — возмутился Паньков. — Они войну пережили, такого натерпелись, что нам и не снилось. Нас растили. Хотели, чтобы мы жили счастливее их.

— Тебе, может, и повезло. Ты вон какой счастливый. А меня со счетов давно списали. Нет меня в этой жизни. Вычеркнули из списков. Нигде не значусь. И не только я, а все остальные из нашей деревни. Те, кто постарше, хоть пенсию получают. К ним раз в месяц почтальон приезжает. А у нас всей радости — один канал по телевизору и тот с грехом пополам. Нет уже ни школы, ни почты. Жизни нет. Всё брошено. И не нужно никому то, что наши отцы и деды сотнями годов со-

умерла-то от тоски. От тоски по тебе. Вот и всё моё счастье. Не любила она меня. А свою любовь даже и не скрывала.

— Может, ты ошибаешься? Не знал я твоей жены, — не переставал трястись от приступа внезапного озноба Паньков.

— От того, что ты её не помнишь, мне ещё хуже. Выходит, Таня всё время думала про тебя и надеялась впустую. От этого мне уже не себя — её жалко. Извела она сама себя напрасно. Жизнь, как трава на нетронutom лугу прошла. Выросла и засохла, никому ненужная, некошенная.

Паньков тупо уставился в темноту, обдумывая услышанное и неожиданное. Он хотел было вновь заговорить с Суровым, но того на старом бревне уже не было.

Сергей Иванович окликнул:

— Петя, погоди!

Из темноты раздалось:

— Иди к гостям! Спой ещё. Людей порадуи. Они ждут, чай.

Петь в этот вечер Паньков уже не стал. Поиграл только немного на своём баяне, но как-то без задора. Было поздно, и гости вскоре разошлись. Пока тётка Мария убиралась и готовила вечерний чай на двоих, Сергей Иванович спросил:

— Тётя Маруся, а у Петьки Сурова кто жена-то была?

— Как кто? Танюшка Панфилова, завхоза школьного дочка. Помнишь? Александр Ефимыч в школе работал. Такой был хромоногий.

— Панфилова... Панфилова... — повторял вслух Паньков, роясь в памяти. — Это тех Панфиловых, что на углу перед школой жили?

— Да что ты! — воскликнула тётка. — Там брат Александра Ефимыча жил. У него тоже три дочери были. Только они все старше тебя: Антонина, Зоя и Валентина. А эти Панфиловы внизу у речки жили. Неужели не помнишь?

— А! Точно! — поднял указательный палец Сергей.

— Что? Вспомнил? — посмотрела на племянника от печки Мария Степановна.

— Да, тётя Маруся. Вспомнил, — ответил Паньков. — Так ведь дочки у завхоза моложе нас с Петькой лет на пять, наверное.

Тётка присела рядом с Сергеем и внимательно поглядела ему в глаза:

— Я уж и не помню, насколько моложе. А чего ты вдруг спросил про Танюшку?

— Ничего. Не знал я, кто у Петьки жена, а про неё сегодня говорили. — Сергей Иванович опустил глаза в чашку с крепким чаем.

Тётка Мария догадливо усмехнулась и вдруг сказала:

— Не видела, Серёжа, я ни разу твоей жены. Наверное, она женщина очень хорошая. У такого, как ты, плохой быть не может. Только вот что я тебе скажу. Если бы тебе досталась в жёны Танюшка, ты был бы самым счастливым мужчиной.

— Да я, тётъ Маруся, как-то и не задумывался над этим. Жена у меня человек хороший. Другой вроде и не надо.

— Дай Бог! Дай Бог, Серёженька! Ты прости меня старую. Я ничего плохого не хотела сказать. Мне Танюшку уж больно жалко. А ведь она тебя любила. — Мария Степановна закачала головой. — И любила-то как — в книжках про такую любовь не найдёшь. Она за Петьку замуж вышла после того, как узнала, что ты женился. Всё думалось ей, что ты приедешь в родные края. Надеялась на что-то. А видишь, как жизнь обернулась. Не судьба, стало быть.

— Тётъ Маруся, да я и не знал её. Ведь если я правильно припоминую, у завхоза старшая дочка моложе меня гораздо. Я уж из армии пришёл, а ей, наверное, лет шестнадцать было.

— Правильно, Серёжа, ты, чай, и не смотрел на таких девок молодых. А вот она, видишь, только про тебя и думала. Прямо с ума сходила. Она и забегала-то ко мне больше для того, чтобы о тебе что нового узнать. Альбом наш с фотокарточками до дыр затёрла. Одну твою карточку так и стянула. Правда, призналась после, но я уж забирать не стала. А один раз пришла она ко мне и твой адрес спрашивает. Говорит мне, что хочется ей съездить и на тебя посмотреть, хотя бы издалека. То ли с Петькой она тогда крепко поругалось, а может, ещё что... Но я не дала. Напугалась тогда. Думаю: чего там она натворит, если поедет. Всё же семья у тебя, дети. А Татьяна себя не жалела. Она из-за этой любви к тебе себя погубить запросто могла.

Тётка сложила на столе ладони одну на другую и замолкла. Сергей Иванович, задумчиво стучал ложкой в чашке с чаем, мешая давно растворённый сахар. Говорить не хотелось.

Мария Степановна первой нарушила тишину:

— Я вот, знаешь, что думаю. Она тогда не просто так адрес твой спрашивала. Это она проститься хотела.

— Это в каком смысле: проститься? — перестал бренчать ложкой Паньков. — Если я не помню её, то как бы она простилась?

— Мне думается, Серёженька, что она больше не с тобой проститься хотела, а с любовью своей несбывшейся. Видать, тогда уже почувствовала, что болезнь тяжёлая к ней пристала. Она ведь после этого годика два всего и прожила. Ей в

больницу надо было ложиться, а она ни в какую. Хозяйство, мол, бросить не может — муж один не справится. Только отговорки это всё — жить ей не хотелось.

Опять повисла неловкая тишина. Паньков, мрачный и молчаливый, смотрел в темноту за окном. Тётка Мария опять заговорила:

— Зря всё это я тебе поведала, Серёжа. Не знал ты этого — и не знал. Знать, ни к чему было. Пригласила юбилей справлять, а сама настроение тебе испортила.

— Ни при чём ты тут, тётя Маруся. Мне про это уже Петька рассказал. Ещё и побить хотел.

— Так вон оно что... Сам, стало быть, рассказал. — Мария Степановна тяжело вздохнула. — Прости ты его, Серёженька. Он с Татьяны пылинки сдувал. Обидеть боялся. Про любовь её к тебе всё знал. Знал, а всё равно из семьи не уходил. Любил он её, как собака какая, — хоть убивай, а она руки лижет. Когда Танюшка от болезни совсем слегла, он от кровати её не отходил. Так и спал, сидя возле неё. Ему тяжелее всего. Ты вот даже и не думал, что есть в твоей родной деревне такая женщина, что больше жизни тебя любит. Поэтому и страдания не испытал. Оно и к лучшему. А Петька-то Суров всю жизнь в страдании и до сих пор не успокоится. Как бы чего не сделал над собой. Спаси Бог.

Тётка Мария опять тяжело вздохнула:

— О-хо-хо! Такая вот жизнь сложилась. А ты на Петьку не обижайся. Это он только говорит, что побьёт. Какое там побьёт! Он от ветра качается. Сил нет у него. Не ест, поди, ничего. А грозный он только на словах.

Мария Степановна мягко толкнула локтем племянника и хитро глянула из-под брови:

— Он тебя не меньше Татьяна ждал. Всё думал, что вот приедешь ты, и всё разрешится. Петька ведь как рассуждал: Татьяна помнила тебя молодого да красивого, а ты уж в возрасте. Приедешь, она увидит тебя нынешнего и затухнет её любовь-то. А уж если бы ты с семьёй приехал, то и разговаривать не об чем было бы.

Тут тётка Мария заговорила тише:

— Но точно могу сказать: ошибся бы Петька. Ты вон какой статный да красивый, — она махнула рукой на немое возражение Сергея. — Я тебе правду говорю. Вы городские всегда моложе выглядите, не то что мы, деревенские. Не мальчик ты, конечно, но орё-ёл прямо. Характер у тебя железный сквозь глаза пробивается, а душа добрая. Широкая, как и должна быть у русского человека. Так что думаю, не удержалась бы Татьяна, даже если и с женой тебя увидела.

На этот раз тяжело вздохнул уже Сергей Иванович и подставил под седеющий висок туго сжатый кулак. Мария Степановна покосилась на племянника и продолжила:

— Шучу я, Серёжа, не обижайся. Если говорить по настоящему, то Петька Суров и правда ждал твоего приезда. Тяжёлая жизнь у него сложилась. Устал он от неё. Приехал бы ты раньше, может, и вопрос у них семейный решился. Ушла бы Татьяна от Петьки — значит, судьба. Но хоть Танюшка счастливая стала бы. Он бы её понял и не осуждал. А может, всё по-другому повернулось бы. Развеялись бы у неё девичьи мысли, то, чего она там себе понавыдумывала, и, глядишь, порядок семейный восстановился бы.

Паньков шумно выпустил воздух из надутых щёк:

— Что-то много за сегодняшний день неожиданного, тётя Маруся. Как бы мне отдохнуть?

— И правда, Серёжа. Время уже позднее. Спать давно пора. А я взялась разговорами тебя мучить. Уж очень поговорить мне хочется. Одной тоскливо. Вот я и рада побаласничать.

Она собрала посуду и пошла готовить постель.

На следующий день Паньков вместе с тёткой пошли на кладбище навестить могилы родственников. Когда собрались уже уходить домой, Сергей Иванович вдруг спросил:

— Тётя Маруся, где могила Петькиной жены?

Мария Степановна как будто ждала этого вопроса:

— Идём-идём, покажу.

Она суетливо протиснулась на узкой тропке между могильных оград и повела племянника через лабиринт кладбищенских проходов в дальний угол, примыкающий к лесу. Там рядом с кладбищенским забором они остановились у кованой высокой ограды, огораживающей большой крест. В керамической табличке на кресте Паньков увидел красивое женское лицо с большими глазами. Светлые глаза эти смотрели на Сергея ровно и спокойно, как будто говорили, что всё идёт так, как должно быть.

— Всё! Вспомнил я её, тётя Маруся. Вспомнил...

Мария Степановна понимающе кивнула.

— Как же не вспомнить, в одной деревне, чай, жили.

— И отца её с матерью хорошо помню. Я ещё совсем пацанёнком был, они к нам в гости приходили. Праздновали что-то. А мне пришлось с их дочками заниматься. Игры всякие для них придумывал. Уж тогда на баяне играть умел. Посадил девчонок напротив себя и давай им разные мелодии наигрывать. Они сидели, скромные такие, слушали внимательно. Я думал из вежливости, а как играть закончил, Таня мне

и говорит: «Поиграй ещё». Забавная такая была: глаза большие, умные и косы в кольца на затылке накручены.

Сергей Иванович смотрел на надгробную фотографию Татьяны и всё силился ещё что-то вспомнить, но в памяти всплывали какие-то обрывки бессвязных событий и более ничего. Он вдруг спросил:

— Могила самая ухоженная из всех. Пётр, что ли, так следит?

— Он. Кто ж ещё, — тихо ответила тётка Мария. — Почти каждый день приходит. Как умерла, так он здесь чуть ли не ночевал. Такая тоска у него.

С кладбища шли молча и не торопиво. Тётке что-то нездоровилось. Она часто останавливалась и отдыхала, тяжело переводя дух. По пути возле одного из брошенных домов села на почерневшую от дождей лавку и долго не могла встать, глотая таблетки.

— Вот старость не радость, Серёжа. Уж и до кладбища дойти тяжело. Задохнулась совсем. Ладно, ты приехал, хоть порядок на могилах навели. А одна я ничего и не сделаю. Как развалюха какая стала.

Паньков хоть и подбадривал тётку, но состояние её здоровья вызвало у него не шуточную тревогу. Мария Степановна с четверть часа просидела на лавке. Ей стало легче, и на этот раз они добрались до дома без проблем.

— Не обращай внимания, Серёженька, давление, наверное, поднялось. Может, погода меняется, может, ещё что. У меня такое случается иногда, — отвечала обеспокоенному Панькову тётка Мария. — Мыслю так, что от радости это у меня. Надо же, столько ждала, Бога молила, и Он послал мне тебя. Я от такой радости места найти себе не могу. Вот и переносилась.

Ночью Паньков спал тревожно. После того, как помянули усопших, он, усталый и натрудившийся за день, быстро уснул. Снилось ему, что играет он на своём баяне на кладбище рядом с могилой Татьяны, а она сидит напротив, за оградой могильной, глядит на него умными большими глазами. Добро так глядит и улыбается, но не губами улыбается, а именно глазами. А рядом с ней все те, кого они сегодня помнили с тёткой. И сама тётя Маруся стоит перед Татьяной и говорит ей:

— Ну что, Танюшка, дождалась, наконец, Сергея своего?

Вдруг откуда-то появился Петька Суров и стал хватать Панькова за руки, вырывая у него баян. Хватается за пальцы, тынет ремни и кричит:

— Какого своего? Он даже и не помнит её!

Проснулся Паньков среди ночи и сон как рукой сняло. В голове рой мыслей. Крутятся они, гудят. Порождают вопросы, а ответов на них взяты неоткуда. Никак не мог Сергей Иванович отделаться от мысли, что взгляд Татьяны он чувствовал на себе не только в детстве, когда она была ещё ребёнком, а потом, гораздо позже. Но когда — вспомнить не мог.

За окном стало светать. Серые предрассветные сумерки постепенно окрасились лучами восходящего солнца в золотистые тона. Из-за верхушек дальнего леса показался краешек ослепительного диска и ярко озарил всё вокруг. Как будто умыл весь белый свет.

«Всё! — мысленно воскликнул Сергей. — Всё! Так и есть! Наконец-то...»

Он резко поднялся и сел на кровати, свесив над половиком босые ноги. Ему дышалось, как после длительного бега. Он вспомнил Татьяну. Вернее, не её саму, а взгляд её. Этот вот взгляд и не давал ему покоя. Когда выступал Серёжка Паньков со своим баяном в школе и в клубе, умные серо-голубые глаза всегда смотрели на него. Смотрели восхищённо и бодряще, а он, благодаря такой вот немой поддержке, заливался соловьём. Как будто силы ему кто-то давал, дарил их безвозмездно, беспредельно, лишь бы со сцены не уходил и пел. Про Татьяну он и не помнил и про глаза её любящие забыл, а вот тепло и силу, от них исходящую, память сохранила. Поэтому и грезилась Панькову малая родина всегда, где бы он ни находился. Помнилась тёплая, добрая и уютная, дарящая силы и радость. И стыдно вдруг стало Сергею Ивановичу до мурашек на голове от того, что силами этими он пользовался, а навеститься в родную деревню не смог, времени не нашлось. А родина его, брошенная не только одним Паньковым, а многими, кого она взрастила, воспитала и дала силы, умирает теперь, забытая и ненужная.

Тётка Мария, всегда просыпавшаяся на заре, застучала на кухне посудой. Во дворе гулко бухнула воротная калитка:

— Степановна! — раздался голос Фёдора Васильевича. — Где твой гость дорогой? Спит ещё, что ли?

— Заходи, заходи, Федя, — прозвучал из сеней тёткин голос. — Посмотрю сейчас. Будто бы проснулся, но не выходит пока.

Паньков вспомнил, что сегодня Фёдор Васильевич, позвал его на рыбалку и быстро оделся.

Рыбалка удалась. Река, в которой прежде водилась одна мелочь, оказалась щедрой. В большом ведре плескались лещики и окуни.

— С одной стороны, плохо, что всё разорено в округе, — рассуждал Фёдор Васильевич. — Нету ничегошеньки. Колхоза нет — значит, и работы нет. Работы нет — люди уезжают. Я не про молодёжь говорю, молодёжь в деревне давно уж не держится: есть тут заработок или нет — всё равно бежит. Это с тех пор пошло, как стали грамоте серьёзно учить. Молодёжь сразу и смекнула: зачем в навозе ковыряться или пыль в полях глотать, когда можно большие деньги в городе заработать. В городе ни к чему не привязан. Квартиру закрыл и езжай себе на моря отдыхать, сил набираться. А в деревне никуда не уедешь: скотину держим. Скотина, она живая, её на замок не закроешь, и на море не уедешь. А летом ещё и огороды. Не засеешь — не пожнёшь. Без картошки голодный сидеть будешь. Опять же скот кормить надо. Я молодых в этом поддерживаю. Пусть едут из деревни за лучшей долей, коли получается. Чай, не хуже городских. Ты вот, к примеру, деревенский, а в какие большие люди выбился.

При этом Фёдор Васильевич вжал шею в плечи и ткнул над головой указательным пальцем в небо:

— Я про других людей сказать хочу, про тех, что прикипели к деревне. Они в город подались не из-за того, что лёгкой деньги захотели, а из-за того, что здесь жизни совсем нет. Денег не заработаешь. Здесь все деньги — это стариковские пенсии, а на них ничего толком не приобретёшь, только разве бутылку. Вот и ходят те, кто пенсию не заработал по шабашкам. Помогут старикам огород вскопать или дров нарубить и получают свою денгу малую, тут же пропьют. Так и спиваются. А мужики ещё молодые, сильные...

Внезапно Фёдор Васильевич замолк и напрягся:

— Оп! Оп! — подсёк он клюнувшего подлещика. — Погляди, какой ровненький. А?

Он снял с крючка рыбу и опустил её в ведро. Потом поплевал по старому обычаю на червя и вновь продолжил:

— Вон, к примеру, Петька Суров. Чем живёт — непонятно, а всегда пьяненький. Будь работа — деревня наша жила бы. Сколько тружеников здесь проживало. Да каких. Э-эх! Всё прахом пошло. Всё, что растили, вскармливали, не стало стоить ничего, вот и разорились.

Заклевало и у Панькова. Фёдор Васильевич азартно воскликнул:

— Подсекай! Подсекай!

— Е-есть! — выдохнул Сергей Иванович, вытаскивая бьющуюся крупную рыбу. Пока снимал её с крючка, Фёдор Васильевич продолжал:

— А если подумать, то, с другой стороны, не так уж и плохо. Людей меньше стало, зато в реке рыба появилась хорошая. Зверь дикий появился. Мы курятник замучились укреплять. Сначала лисы одолевали с хорьком. А теперь уж и норка с куницей появилась, и даже, говорят, соболя видели. Вот так! Скоро нашей деревни не будет. Зарастёт она лесом. Поля уж давно заросли. Да только ли наша деревня изведётся? Таких селений тысячи по всей стране. И не будет ничего. Одна глушь.

Паньков, молча слушавший рассуждения старика, вдруг не сдержался:

— Ну-у, дядя Федь, ты уж совсем мрачно всё описал, так, что и жить не хочется. Может, всё ещё исправится. Улучшения какие-то настанут. Кто-то вернётся в родные края...

— Нет, Сергей, не вернутся. Сейчас уже никто не вернётся. Ты вот возьми своё семейство да вернись.

Паньков усмехнулся.

— Вот так и другие думают. Зачем возвращаться туда, где всё умерло.

— Может, не всё умерло-то? — возразил Сергей Иванович.

— Да как же не всё? В живых одни старики. Если бы хоть пара семей молодых жила, которые детей рожать могут, то была бы ещё надежда. А так нет. Мы тут все сидим и конца своего ждём.

Старик махнул отчаянно рукой.

— Мне кажется, о том, что мы тут ещё живы, никто и не знает. Ты вон тётке телефон... Как уж его называют?

— Мобильный, — подсказал Паньков.

— Да. Его вот подарил. А он у нас не работает. Чтобы по нему поговорить, это с десяток километров проехать надо и там ещё на гору влезть. Коли б власть про нас помнила, то какую-никакую, а связь наладила бы.

— А что телефона никакого нет? Совсем?

— Как же нет? Есть. С советских времён в правлении как был аппарат, так и хранится. Только не всегда работает. А можно сказать, очень редко работает.

— Это как же? — удивился Сергей Иванович.

— Как-как. Да так! Провода старые. Рвутся каждый раз где-нибудь. Правление брошенное. Вся техника в нём ломается от ветхости и от сырости. Я поначалу ходил, протапливал по зиме. А сейчас уж и сил нет. Да и дров где столько набрать?

— Ну, пусть Суров этим займётся. Как без связи жить? — возмутился Паньков.

— Не хочет он ничего. Да и человек ненадёжный. Правда, вопрос вскорости должен решиться: телефон этот ко мне в избу собрались переносить. Так что Петькины усилия будут ни к чему.

— Ну вот, видишь, Фёдор Васильевич, вопрос решится. А ты говоришь, забыли про вас.

— Разве это внимание? Так, дешёвая подачка, чтобы мы тут не совсем забыли, что со своей деревней ещё к нашему государству относимся. Да у нас тут никто на это не обижается. Все свыклись с этим. Нет властей — и не надо. Живём как-то. И на этом спасибо. Оно, наверное, и правильно. Старое должно отжить свой век и уйти, чтобы молодому не мешать. Вот умрём мы, а лет так через пятьдесят, а, может, и раньше, придут сюда другие люди и по-новому начнут всё строить. И опять деревня заживёт. А, может, и город построятся. Только люди уже другие будут...

Рыбаки затихли. Через некоторое время Паньков спросил:

— Ты, Федор Васильевич, почему сам-то не уехал? Переселился бы ближе к цивилизации. Там всё же полегче. Во всяком случае, связь точно есть и медицина, и социальная помощь.

— А ты у тётки своей спрашивал, почему она не уезжает? — прищурился старик.

— Пока не спрашивал, но спрошу обязательно.

— Не уедем мы никуда. Дом наш здесь и могилы родительские. А у Маруси, ещё и сыновняя могила. Если уедем, кто следить будет? А земляца родная сил придаёт, только прислушаться к ней надо, да правильно попросить этих сил. А телефон — это мелочи. Проживём и без связи.

Вернувшись с рыбалки, Паньков отдал улов тётке для ухи, а сам переоделся и направился к выходу.

— Ты куда это, Серёжа? — встревожилась Мария Степановна.

— Надо мне, тётя Маруся, — осторожно ответил Сергей Иванович. Он неловко поменжевался и, избегая прямого взгляда, добавил:

— На кладбище хочу ещё раз сходить...

— Ну что ж, сходи. Сходи, коль надо, — понимающе ответила тётка.

Паньков уже был на крыльце, когда она окликнула его:

— Погоди-ка немного. Я сейчас.

Вооружившись большими швейными ножницами, Мария Степановна вошла в палисадник и срезала на клумбе десятков цветов с бутонами, которые были побольше:

— Бери. Положишь ей сколько хочешь. А если останется что, то поставь на могилу к моим: к Саше и Николаю Тимофеичу.

Двигаясь среди заросших могил, Паньков не сразу заметил сгорбленной фигуры у высокой кованой ограды. Когда заметил, хотел было пройти стороной, но Суров повернулся к нему лицом, и взгляды их встретились. Сергей Иванович кивнул приветственно, а затем решительно подошёл. Открыл железную калитку и возложил яркий пышный букет. Он подумал, что сейчас долго задерживаться здесь не стоит. Однако Суров, сидевший на лавке перед могилой, подвинулся, освобождая место, и Паньков опустился рядом. Они сидели долго и молча.

— Вспомнил я её, — сказал наконец Сергей.

Суров, тяжело ворочая языком, произнёс:

— Сейчас уж без разницы: помнишь ты её или нет.

— Мне теперь не всё равно, — с убеждённой уверенностью ответил Паньков и после короткой паузы добавил: — Выпить есть?

Пётр молча достал из внутреннего нагрудного кармана бутылку, а из бокового — гранёную стопку. Всё в том же молчании наполнил её. Сергей Иванович махнул крепкий самогон одним глотком и занюхал предложенным на закуску яблоком. Следом выпил Суров.

— Уезжать отсюда не думаешь? — спросил Паньков.

— Только что об этом задумался, — как-то осторожно произнёс Пётр. — Теперь можно об этом думать. Я знаю, ты ещё обязательно приедешь и на могилу сюда придёшь. Значит, будет кому побывать у Татьяны, даже если со мной что и случится.

Паньков кивнул головой, подтверждая правдивость сказанного. Уже поднявшись, он положил ладонь Сурову на плечо:

— Надумаешь поехать в столицу — найди меня. Контакты все у тётки будут. С работой помогу. Трактористов в Москве не хватает.

Пётр молча опустил голову. Сергей Иванович ещё раз посмотрел на керамическое фото и зашагал прочь.

Настало время расставаться. Тётка Мария организовала проводы своего племянника. Получилось едва ли не торжественнее, чем её юбилей. Расходов только меньше. Гости принесли столько подарков и съестного, что гулять можно было неделю. На этот раз пришёл и Суров. Вопреки своей дурной

славе, вёл он себя очень скромно. Больше молчал и, к удивлению всех, почти не пил спиртного, явно опасаясь переборщить.

Все сидели за праздничным столом и наперебой говорили о разном. Часто вспоминали былую жизнь, когда в деревне жили чуть ли не триста семей. Но все как-то напряжённо переглядывались, будто ждали чего-то. Паньков догадался, что ждут его игры на баяне и, конечно, песен. Поэтому, когда прозвучала первая же просьба, он, не долго думая, подхватил баян и сразу же вдарил плясовую.

Играл в этот вечер Сергей Иванович так, как не играл в лучшие молодые годы: мелодично и с грустинкой, а иногда весело и буйно. Порой руки, не жалея, рвали баянные меха, будто душа в пропасть срывалась и была готова разбиться вдреизг. И всё казалось ему, что совсем рядом стоит кто-то до боли родной, отзывчивый и верный. Стоит и мягко, добро, с восхищением смотрит на него большими и умными серо-голубыми глазами.

На следующий день перед тем, как сесть в машину, Паньков почтительно простился с каждым провожающим. В конце подошёл к тётке и обнял её, печальную, с глазами, полными слёз:

— Ну что ты, тётя Маруся? Приеду я ещё. Обязательно приеду. Может, даже не один. Примешь?

— Серёжа, миленький, что ты говоришь? — сквозь слёзы быстро заговорила Мария Степановна. — Конечно, приму. Ждать буду всех. Всем буду рада, только приезжайте.

— Вот и хорошо. Значит, точно приедем.

— Баян-то свой заберёшь? — неожиданно спросила тётка. Сергей улыбнулся:

— Нет, тётя Маруся. Там, где я живу, баяна сейчас не слушают. И песен таких, что мы пели, не поют. Пусть он уж у тебя на хранении будет. Так будет правильней. Вот приеду и вновь споём...

Прошёл год. Сергей Иванович набивал дорожные сумки всем, необходимым в пути. Дети, которых он, по сути, заставил поехать с собой на далёкую родину, давно сложили всё, что сочли нужным. Подарки в деревню лежали уже в машине.

Настроение у Панькова было отменным. Жена, с которой состоялся разговор по поводу тётки Марии, без всяких колебаний согласилась на то, чтобы родственница переехала из дальней глуши к ним.

Ещё в прошлом году Паньков задумал обязательно попасть на очередной тёткин день рождения. Спланировал, как положено. Подготовился основательно и разумно, понимая, какую глупость сморозил, когда подарил тёте Марусе сотовый телефон, который оказался не нужен. Всё равно что сувенир подарил.

Единственное, что беспокоило Сергея Ивановича, это изменения в графике его работы. Обстановка требовала срочного переноса отпуска. Однако он, привыкший принимать волевые решения, корректировать свои планы отказался.

Выезд был намечен на раннее утро, и он всё, что можно было приготовить заранее, уложил в автомобиль. Остальное оставил к выносу на утро. Паньков собирался уже ложиться спать, как вдруг заиграла мелодия звонка в мобильном телефоне.

В трубке заговорил взволнованный голос секретаря:

— Сергей Иванович, вы можете говорить? Слушайте, тут такое... Одним словом, Совет директоров вынес срочное решение об отзыве вас из отпуска. Приехали наши китайские партнёры, якобы крайне недовольные продвижением работ по проекту. Речь пошла о крупных неустойках...

— Вот значит как... — прохрипел в микрофон Паньков.

— Мне что ответить? Там просят соединить с вами, — перешла на шёпот секретарь.

Сергей Иванович задумался и задвигал желваками на скулах. Его взгляд упал на широкий стол, где лежало последнее письмо от тётки, полученное два месяца назад. В нём она жаловалась на здоровье и просила обязательно навестить:

«...а то, неровен час, помру. Ты уж приедь, Серёжа, напоследок порадууй меня, а там уж будь, как будет.

Люда, молодец какая, навестила меня зимой да не одна — с мужем приехала. Вот уж радости мне было. Обещала следующей зимой опять приехать. Летом не может — работа у неё.

А Петька Суров, одноклассник твой, от нас уехал. На заработки подался. Вроде как на Север. Дом закрыл и окна досками забил. Может, уж и не вернётся.

Не я одна жду тебя. Всем уж больно понравился ты. Все про твои песни поминают, спрашивают: приедешь ли? Фёдор Васильевич, наверное, сейчас детей своих так не ждёт, как тебя. Всё про рыбалку поминает.

Ты уж, Серёжа, найди время приехать. Очень прошу. Может, в последний раз увидимся...»

Оторвав взгляд от письма, Паньков продолжил:

— Значит так, Анжела. Ты мне не дозвонилась. Скажи, что перед уходом с работы я просил передать информацию для

Совета директоров: буду через десять дней и все вопросы решу. С китайцами переговоры проведу сам, как приеду. Двое суток буду в дороге, возможны перебои со связью. Позвоню завтра в конце дня.

С минуту он стоял молча, глядя в стену, затем недобро хмыкнул и выключил телефон.

Водитель почтовой машины с усилием потёр шею крепкой ладонью, натужно прочищая горло:

— Да уж. Нехорошо как-то. Вроде и не виноват, а всё равно — будто провинился. Значит, выбыл адресат?

Фёдор Васильевич развёл руками:

— Стало быть, так!

Почтальон ещё раз повертел в руках бланк телеграммы:

— Давно отправлена. Уж приехали, наверно. Поди, добираются. Видишь отбито: «Будем 10—12». Сегодня десятое.

— Может и приедут. Будем ждать, — утвердительно сказал старик.

— Но всё равно телеграмму придётся вернуть отправителю. Так положено.

Почтовый автомобиль завёлся и медленно покатил по грунтовой дороге, изрядно заросшей травой.

— Чё делать-то, Федя? — с дрожью в голосе заговорила Наталья Николаевна, обращаясь к мужу.

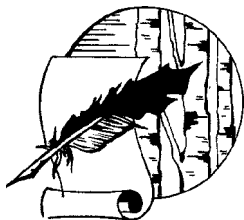
— Что тут поделаешь? Приедет — узнает. Через неделю как раз сорок дней будет, — мрачно ответил Фёдор Васильевич.

— А если скажет: почему не сообщили? Не хорошо будет, — продолжала расстроено женщина.

— Как я ему сообщу, коли адреса нет? Куда Маруся этот листок с телефонами подевала, ума не приложу? — опять развёл руки старик. — Ты же всё перерыла! И я смотрел. Лежал он всегда у неё рядом со швейной машинкой и вдруг как испарился.

Синий почтовый «уазик» исчез за поворотом в конце улицы. Оставленное им пыльное облако не успело осесть, как на дороге появился большой внедорожник с московскими номерами.

г. Ульяновск

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Елена МОЗЖУХИНА

* * *

Я люблю свою деревню!
В снежном вихре лес, дома.
Образ светлый, образ древний,
Сказок, песен закрома.
Все тропинки, все дороги
Помню точно на зубок.
Пусть любой учитель строгий
Проверяет мой урок.
Речки мирное течение
На алеющий восток.
Жизни добрые мгновенья,
Детства милый уголок.

ПИРОГИ ИЗ КАЛИНЫ

Пирог из калины в пору вьюги и стужи
Мама в праздник пекла нам, от счастья светясь.
И у печки — тепло, а за окнами кружит
Леденящий буран, вдоль реки веселясь.
Пирог из калины... Мы лучше не знали
Лакомств этих простых незатейливый вкус.
Как же быстро и радостно их уплетали!
Почему? Я сегодня сказать не берусь.
У калины не косточки вовсе — сердечки,
И коралловый цвет, и горчинки чуток.
А на стенах огромные тени от свечи,
И от сказов бежит по спине холодок.

Пироги из калины мне достались в наследство,
Их пеку сыновьям, не жалея любви.
Из военного, мама, сиротского детства
Пироги из калины, как и песни твои...

г. Москва

Наталья ШИТИКОВА

* * *

Развешивая яблоням серёжки,
Припрятанные в ковшике ладош,
Походкой лунной ходит по дорожке
В саду цветущем осторожный дождь.
К стеклу окна ночной пейзаж приближен.
Задумаюсь о смысле бытия.
С соседской крыши, золотисто-рыжий,
Кот смотрит в небо так же, как и я.
В щелях притихли мошки, осы-злючки —
Им поутру вставать в такую рань...
Попалась тень крыжовнику в колючки,
Обрезавшись о листьев филигрань.
Я не томлюсь догадкой случайной.
Всё, как и должно, только время ждёт.
На тёмной кухне, звякнув ложкой чайной,
Внезапно чашка на пол упадёт.
Мне душно. В сад! На воздух! Он излечит
От невзначай нахлынувшей тоски!
Но яблонь цвет роняет мне на плечи
Отжившие седые лепестки...
Не от того ль не жар по телу, холод,
Кровь отошла от влажного лица?
Ах, кто из нас когда-то не был молод
И верил: дням ни счёту, ни конца!
И мне казалось: целый мир объёмлю...
Но под ногой росток буравит твердь,
Чтоб, как и я, из тьмы придя на землю,
Изжив свой срок, тихонько умереть.
Светает. Сбила капельки-серёжки
Прошедшая по тёмным веткам дрожь.
В моём саду, не путая дорожки,
Походкой лунной бродит майский дождь...

г. Жуковка Брянской обл.

ИЗНАНКА

Купила женщина платок
На барахолке спозаранку.
И, чтобы не истёрся в срок, —
Его носила наизнанку.

Он был невиданной красоты
И был похож почти на чудо.
Теперь другие снились сны
Той женщине из ниоткуда...

И твёрдо верила: придёт
Её неповторимый праздник —
Платок цветастый развернёт
И кумушек своих подразнит.

...Слеза катилась по щеке,
Когда надумал сын жениться.
На свадьбу в праздничном платке,
Решила мать, — пора явиться!

Его раскрыла — обмерла:
Изнанка и лицо — похожи!
И как платок ни берегла —
Истлели нити с краской всё же...

И мы — изнанкою — живём,
Текут года однообразно.
И обещает власть: — «Потом,
Потом для вас наступит праздник!»

Обману — рады! Счастья ждём.
И все мы — кто во что горазды.
Но только к старости поймём,
Что жизнь — и есть короткий праздник...

пгт. Кромы Орловской обл.

Игорь ИСАЕВ

РОССИЯ — ЭТО НЕ МОСКВА

Россия — это не Москва.
Столица пусть себе гордится.
В моей стране другие лица.
Россия — это не Москва.

Россия — это я и ты,
И друг, и враг по переписке, —
Костра затушенного искры
И марта бледные цветы.

Россия — это не Газпром
И чопорно-лукавый Питер.
Вы говорите, что хотите,
А мы хоть помолчим вдвоем.

Россия — это Псков и Тверь
И Новгород со Старой Руссой.
Моя страна живет изустно
И в соцсетях еще теперь.

Пусть говорят тебе: «Да ну,
Ну сколько можно притворяться!» —
Не доверяю государству,
Но я люблю мою страну.

г. Псков

Нина СТРУЧКОВА

* * *

Светла просторная изба —
Моё надёжное наследье,
И троеперстие у лба,
И колыбель, и кров последний.

Пусть этот кров не будет пуст,
Пусть поколения собирает,
Как тот библейский древний куст,
Что и горит — и не сгорает.

Хоть не отмолена вина,
Что жизнь порой носила мимо,
Избы святая купина
В душе моей — неопалима!

ВЕСНА В РОССИИ

Солнечным, добрым весенним деньком
Трасса затянута синим дымком.
Листьев и трав прошлогодних намёк —
Сладостный, тёплый апрельский дымок.

Вдоль огородов, садов и домов
Сотни и тысячи светлых дымов.
Нет в них тревоги, опасности нет,
Просто одна из весенних примет:

Мирно шумят вдоль дорог тополя,
Мирно дымится родная земля.
В мире воюющем после зимы
Пусть остаются лишь эти дымы!

г. Лобня Московской обл.

Олег ГОНОЗОВ

ГЛАЗА ХУДОЖНИКА

Этюдник,
старая палитра,
подрамник, сломанный в углу,
олифы высохшей пол-литра
и ящик красок на полу.

Худой,
обросший, как острожник,
с утра до вечера один,
немолодой уже художник
из дома редко выходил.

Потом пропал.
Верней — уехал,

не взяв с собою ничего.
Мальчишки наши на потеху
картины вынесли его.

Смеялись,
спорили,
делили,
кому какое полотно,
как хлам на улице свалили,
мол, бесполезны всё равно.

Но вот однажды
среди ночи,
когда ударила гроза —
в холстах, забытых и промокших,
зажглись художника глаза.

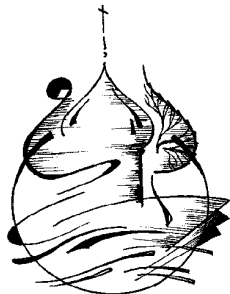
г. Ярославль

ЗА ДРУГИ СВОЯ

«Свобода» или воля?

Свобода... Красивое слово. Гордое, звучное, манящее. Да и понятие «свободы», на первый взгляд, кажется однозначным. Одна из высших ценностей, чуть ли не святое! Противопоставляется рабству. Разве не достойно защищать свободу, бороться за нее? Если понадобится, проливать кровь, а то и жизнь отдать. Ради такой цели жертвы представляются заведомо оправданными, героическими...

Но если мы полистаем летописи, жития святых и прочие документы далекого прошлого Святой Руси, то вдруг обнаружим, что термином «свобода» пользовались крайне редко! Причем только в одном значении. Писали: «слобонить» пленных или холопов. Или «слобонить» от налогов — отсюда и название «слобода». Поселение, не платившее податей в казну. Неужели русские люди настолько любили рабство, что даже слова «свобода» избегали? Вовсе нет. Защищали, отстаивали, порой и жизнью не щадили. Но не за «свободу». В ходу был иной термин: «воля». Даже против завоевателей народ

СИМВОЛ ВЕРЫ

поднимался вовсе не за «свободу» — а «за веру и волю». Между прочим, и в Священном Писании понятие «воли» фигурирует постоянно, а «свобода» почти не встречается.

На Западе, наоборот, во главе угла ставилась «свобода». Феодалы боролись за расширение свобод от власти королей. Города — за свободы от власти феодалов. Некоторые преуспели в подобной борьбе, как венгерские бароны, польские паны. Правда, это оборачивалось анархией и в итоге привело к крушению Польши. Но зато какая «свобода»! И паны со своей колокольни постоянно насмехались над русским «рабством».

А потом на историческую арену вышли финансовые, торговые воротилы — и позвали бороться за свободу Тиллей Улленшпигелей. Бросили их в революционные драки, чтобы Улленшпигели отвоевали свободы для тех, кто их посылает. Для себя Улленшпигели, в общем-то, ничего хорошего не приобретали. Наоборот, они оказывались в куда более глубоком рабстве, чем раньше, когда жили со священниками и феодалами. Новые хозяева распоряжались ими, как хотели, но не уставали напоминать, что теперь они юридически свободны, и это является величайшим достижением. Так сформировалась масонская идеология либерализма. От латинского «либералис» — «свободный».

Со временем европейские веяния стали широко проникать и в Россию. В том числе либерализм. Под его влияние попадали интеллигенция, чиновники, офицеры, купечество. А в результате в обиходе произошла подмена понятий. «Свобода» утверждалась широко и прочно и именно в либеральном понимании как одна из высших ценностей человеческого бытия. «Воля» постепенно отеснялась в разряд архаизмов, в простонародный язык. Какая разница, если вместо «воли» культурный человек скажет «свобода»?

Хотя на самом-то деле эти слова совершенно разные! Они совпадают только в одном из значений, а в других расходятся. Если разобраться внимательно и непредвзято, то понятие «свобода» оказывается чисто механическим. Например, в физике говорят о «степенях свободы». Одна степень — способность частицы двигаться туда-сюда вдоль одной оси координат. Две степени — если тело может передвигаться по двум осям. Три степени — по всем направлениям. Четыре степени свободы — если тело вдобавок к перемещениям может вращаться вокруг одной оси. Пять степеней — вокруг двух осей, шесть — если оно способно перемещаться в простран-

стве и кувыркаться как угодно. Если система включает в себя не одно, а два тела, то количество степеней будет в два раза больше, у трех тел — втрое...

У людей количество «степеней свободы» неизмеримо больше. Это уже не только способность передвигаться в пространстве. Свобода — это и возможность чего-либо. Сказать то или другое. Или не сказать. Сесть или встать. Поднять правую руку или пошевелить левой. Или поесть. Или поспать. И когда поспать, сколько поспать, где поспать, с кем... Свободы многообразны, беспорядочны, безличны.

Существуют и определенные закономерности. Чем больше свобод приобретает система, тем больше она стремится получить еще. Одни возможности, уже достигнутые, открывают дорогу к каким-то следующим. Как в поле — идешь по проселку к горизонту, но видишь новые тропинки, разбегающиеся в разные стороны. Они манят, зовут. Хотя более правильным будет другое сравнение. Не столь соблазнительное. А именно с механизмом. Если ослабляются гайки и крепления, он разбалтывается дальше и дальше. В этом и состоит суть либерализма, в постоянной погоне за новыми свободами. Такой процесс можно было бы считать бесконечным, но... в реальных системах дело обстоит не так. Любой механизм, расшатавшись до определенного предела, просто разваливается (именно это произошло с Польшей. Это случилось и с Россией в феврале 1917 года, когда ею взялось рулить Временное правительство, всюю расширяя свободы).

Но давайте представим «свободу», доведенную до абсолюта. Ничем и никем не ограниченную! «Идеальную», всеобщую, всеохватывающую. Однако при подобном раскладе мы получим... хаос. А как известно в Православии, хаос — царство лукавого. И мы видим этому красноречивые подтверждения. Сплошь и рядом понятие «свобод» оказывается маскировкой для явлений опасных и разрушительных. Под маркой «свободы слова» и «свободы печати» оказывается пропаганда лжи. Под «свободой совести» — безбожное мракобесие или сатанинские лжеучения. Под «свободой нравов» — разврат и извращения.

Термин «воля», в отличие от «свободы», включает в себя осмысленное начало. Он личный. Говорят — такова «моя воля». Это не пассивная «дырка» возможности, в которую может ткнуться любой желающий. Понятие «воли» активно! Оно подразумевает усилие по достижению цели — «волевое усилие», «силу воли». Еще одно отличие от «свобод» — воля-

вектор. Она имеет направление. То самое направление, куда человек нацеливает собственное усилие.

Наконец, «свободы», по самой своей сути, беспорядочны. Они перемешиваются в клубках, запутываются, противоречат друг другу. Воля, в отличие от них, упорядочена и распределена по уровням. Причем они неравнозначны, подчиняют друг друга. Есть воля одного человека. Но существует и воля коллектива, общины. Она выше индивидуальной. Существует и Божья Воля. Она превыше всего.

И в данном случае идеалом будет отнюдь не хаос! Идеал — если воля отдельного человека по направлению совпадает с волей коллектива и с Божьей Волей. Это очень трудно. Это редко достижимо, мы слишком испорчены, самоуверенны, эгоистичны, тянем в совершенно другие стороны. Но когда такое совпадение все же достигается, тогда-то и одерживаются самые блестящие, самые невероятные успехи! Проявляются великие исторические герои, сокрушаются самые могущественные враги, страна воскресает после погромов и разрух.

Кстати, понятие «рабства» на самом-то деле является противоположностью не для «свободы», а для «воли». Невольник — человек, не способный действовать по своей воле. Посмотрите-ка вокруг, все люди юридически свободны. Но есть ли у них воля? Очень часто нет. Она парализована навязанными жизненными стереотипами, которые создают не сами люди, а закулисные режиссеры. Поступай только так, как «принято» и навязано. Крутись в беличьем колесе шопингов. Послушно меняй машины, телефоны, стиральные порошки, обсуждай футбол или политику, «оттягивайся», восторгайся разрекламированными «звездами». Где же тут воля? Свободы — через край! Но как ею воспользоваться, тебе диктуют со стороны.

Между прочим, понятия «воли» и «свободы» иногда вообще противоположны. Человек сам, своей волей может ограничить собственные свободы, отказаться от них. Парадокс? А для либералов — безумие! Но в системе патриотизма, общины, государства, общего блага, это вполне нормально. А ведь без общего блага индивидуальное тоже бывает невысказано! Взять хотя бы ситуацию XVII в., когда Малороссия сбросила польское иго. Обрела полную свободу. Но собственной волей отказалась от нее, передалась под власть русского Царя. Иначе ее попросту вырезали бы те же поляки, крымчаки, турки.

Впрочем, за историческими примерами ходить не обязательно. Такие ситуации сплошь и рядом проявляются

вокруг нас. Человек своей волей идет на военную службу, приносит присягу — очень серьезно урезающую его свободы. Или венчается. Добровольно берет на себя крест — содержать семью, растить и воспитывать потомство. (Отметим, что и здесь либералы внедряют подмену. Вместо Таинства венчания — деловой контракт, вроде купли-продажи.) А Крещение? Человек собственной волей вообще отдает себя в рабство Христу. Или отдает ребенка. Принимает обязательство жить (или воспитывать ребенка) по Его заповедям и наставлениям. Еще более строгие ограничения свобод — монашеские обеты. А великие подвижники добровольно принимали на себя совсем суровые ограничения. Отшельничество, затворничество, молчание, столпничество. Но и Сам Христос передался палачам и пошел на Крестные страдания Своей Волей! Пожертвовал Собой ради спасения людей!

Здесь правомочно коснуться и вопроса о «правах человека». Ведь они непосредственно вытекают из либерального толкования «свобод». Это как бы ориентиры, рекламные указатели, обозначающие направления «свобод» и зазывающие людей — эй, идите сюда, имеете право! С какой-то стати признается, что права, как и свободы, надо всеми силами расширять, и именно это является «прогрессивным». Дошли уже до права педерастов пропагандировать свои извращения, до права детей командовать родителями...

Но если мы перечитаем Священное Писание, то обнаружим — никакие права человека там не упоминаются. Зато есть многочисленные обязанности. Не убий. Не укради. Не прелюбодействуй и др. Или возьмем право на труд — на самом-то деле это не право, а обязанность, ведь Господь повелел человеку добывать хлеб в поте лица своего. Хотя нетрудно увидеть, что многие обязанности противоречат «свободам»: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего (Исх. 20: 17). А либерализм нам говорит — почему бы и не пожелать? Имеешь право. И не только пожелать, но и обладать, если сумеешь. Если закон не нарушишь (или выкрутишься)... Однако законы-то сочиняют люди. А никаких разрекламированных «прав человека» Господь им не давал! Только обязанности. «Так и вы, когда исполняете всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17: 10)

Хотя некоторые реальные права Бог человеку все-таки даровал. Их мало, о них мы обычно не задумывается, но они-то

и есть ключевые. Первое — право выбора. Оно открывается перед нами постоянно, каждый день, каждый час. Куда шагнуть, вправо или влево? Сказать или промолчать? Обратиться к добру или злу? Выбор нам дарован свободный, по нашей воле. Насильно в рай никого не ташат. Но и последствия каждого шага мы получаем наши, не навязанные...

Еще одно право — обратиться к Господу. Взять свой крест и пойти за Ним. Оно тоже есть у каждого. Мы периодически видим или ощущаем его. Оно может касаться нас в разных формах, в разных проявлениях. Да только чаще мы не замечаем его, не обращаем внимания, не придаем значения. Проходим мимо.

Есть и третье основополагающее право человека — покаяться. Оно не отнимается ни у кого. Ни у блудного сына, предавшего отца. Ни у разбойника, уже умирающего в мучениях на кресте. Пока человек дышит, пока живет, эти права у него есть. Настоящие. Не придуманные.

Православная военная доктрина

В наше время пошла мода отождествлять христианство с пацифизмом. Ну а как же — заповедь «не убий» из Ветхого Завета не только сохранена, но и усугублена. Новый Завет учит возлюбить врагов своих: если ударили в правую щеку — подставить левую. Казалось бы, дело-то очевидное: сама суть христианства — непротивление злу насилием!

Подобные трактовки давно уже приняли протестанты и прочие секты, которые выставляют религиозные убеждения как причину отказа служить в армии. Да и в Православной Церкви хватает либеральных «батюшек», поучающих, что любой мир лучше войны. Что долг христианина — избегать конфликтов любой ценой. А воинство, оружие, борьба чужды Церкви, и благословлять их было бы грехом.

Но это глубокое заблуждение. А часто — подтасованная ложь. Потому что первым христианским воином был... Сам Христос! Почитайте Евангелия, и вы в этом убедитесь. Где же там непротивление? Наоборот, активная, наступательная борьба со злом! Ударили в одну щеку и подставить другую? Да, это смирение. Но оно распространяется отнюдь не на всех и не на любые ситуации. Когда оскорбляют храм, Дом Отца, Христос делает из веревки бич и побоями разгоняет торгашей и менял.

«Блаженни миротворцы»... Да, такая заповедь есть. Но ведь и мириться не всегда допустимо. Обратите внимание на духовные схватки Господа с фарисеями, саддукеями, книжни-

ками, на Его атаки против бесовщины, Его изгнание нечисти целыми легионами. А потом Он жертвует Собой — ради людей. Жертвует специально, чтобы проникнуть в ад и взорвать его изнутри!

Ни о каком пацифизме речи нет. Господь открыто предупредил учеников: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Матф. 10: 34). Предупредил, что Его последователей всегда будут ненавидеть, силиться уничтожить. Хотя при этом наставлял их не быть агрессивными, не нападать первыми, ибо поднявший меч от меча и погибнет (Матф. 26: 52).

Воинский характер новой религии отчетливо проявился и в первые века христианства. Среди тех, кто потянулся к вере, изрядную долю составили именно воины. Римские воины. В ту пору они были лучшими солдатами в мире. Но для них христианство оказывалось близким, родным, понятным. Оно сплачивало и цементировало боевое братство. А сама служба, трудности и опасности, подталкивали их к поискам Правды. Высшей Правды — за которую можно и нужно сражаться. А если потребуется — страдать и умирать. Простые солдаты не разбирались в богословии, но они интуитивно, всей душой ощущали: языческая грязь и химеры не могут быть такой Правдой. Зато в христианстве находили ее.

Разве случайно так много римских воинов — причем лучших, доблестных, становились христианскими мучениками? Сотник Лонгин, распорядившийся распятием Христа, святые Георгий Победоносец, Феодор Стратилат, Феодор Тирон, Дмитрий Солунский, сорок мучеников Севастийских, двадцать мучеников в Мелитине и др. А когда св. Константин Великий увидел в небе знак Креста — «Сим победиши», когда христианский символ появился на боевых знаменах, множество солдат противника хлынуло на его сторону. Они уже были христианами, знамя с Крестом было и их знаменем.

Но обосновали и сформулировали православную воинскую доктрину гораздо позже, в IX в., и сделал это не кто иной как один из братьев-просветителей словенских, св. равноапостольный Кирилл.

В ту эпоху в низовьях Волги раскинулся могущественный Хазарский каганат. В 808 г. власть там захватила еврейская купеческая группировка. Статус государственной религии получил иудаизм. Каганат поставлял на внешние рынки меха и рабов, для этого покорил племена Поволжья, Северного Кавказа, несколько славянских княжеств. Выжимали и простых хазар, продавали в рабство. Прибыли хлынули золотыми потоками, успехи кружили головы — и хозяев каганата

занесло, они обнаглели. Православную Хазарско-Хорезмийскую епархию разгромили, христианство запретили. Многие рядовые хазары принимали ислам, но и это возмутило иудейского царя. Ислам тоже запретили, казнили мулл и проповедников, многие мусульмане бежали в Закавказье. Однако арабы в вопросах веры шутить не любили, закрыли хазарам доступ на свои рынки. Да и греки оскорбились. Перестали пускать через Босфор корабли с хазарскими товарами. Мало того, подстрекнули против каганата своих союзников — кочевые племена мадьяр. На хазар посыпались разорительные набеги.

Хазарский царь спохватился, что натворил «не то». Его политика оборачивалась слишком крутыми убытками. Перенацелился на уступки. Но решил сделать хорошую мину при плохой игре. Объявил диспут между христианскими, мусульманскими и еврейскими богословами. А по результатам хотел как бы и скорректировать свою религиозную политику. Греческую миссию возглавил любимый ученик Константинопольского патриарха Фотия Константин Философ — в монашестве Кирилл, выдающийся ученый и дипломат. (Как раз по дороге в Хазарию, в Херсонесе, он увидел две книги, Евангелие и Псалтирь, написанные «русьскими письмены». Общался с хозяином книг, христианином-русичем, освоил его грамоту. Мы не знаем, каким из славянских алфавитов были написаны книги, но он стал основой для будущих разработок кириллицы).

Диспут состоялся в 861 г. в столице каганата Итиле. И здесь-то в ходе споров мусульманский ученый попытался подковырнуть св. Кирилла коварным вопросом. Христианское Писание он знал хорошо и поинтересовался — дескать, ваш Господь требовал возлюбить врагов своих. Мы и есть ваши враги, мы не скрываем этого. Но почему же вы нас не любите? Когда приходит наше войско, встречаете нас копьями и стрелами? Св. Кирилл выслушал, кивнул и спросил: «Скажите, почтеннейший, если в Законе той или иной веры не одна, а две заповеди? Кто глубже и правильнее верит — тот, кто исполняет одну из них? Или обе?» Мусульманин и иудей вынуждены были подтвердить: «Конечно же, соблюдающий обе». Тогда св. Кирилл ответил: «Вот и у нас не одна, а две заповеди. Одна — возлюби врагов своих. А другая — «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). Поэтому мы стараемся прощать личные обиды, отвечать на них любовью. Но если враг угрожает нашим близким, нашей стране, нашей вере — мы сражаемся насмерть».

Кстати, диспут завершился именно так, как заранее предполагали хазары. Царь объявил, что поражен мудростью всех участников и «в знак уважения» к ним дозволил исповедовать в каганате христианство и ислам. Тем самым нормализовал отношения как с Византией, так и с Востоком. Святые Кирилл и Мефодий в скором времени уехали в Моравию, переводить Священное Писание для славянских народов и нести им христианское просвещение. Но православная военная доктрина, сформулированная в Итиле, не забылась. Причем особенно полно и глубоко ее восприняли на Руси.

Между прочим, эта специфика отчетливо отразилась не только в воинских, но и в культурных традициях, в народном фольклоре. Давайте, например, сравним эпос разных народов. В западноевропейских эпических поэмах восхваляются рыцари, героически месившиеся между собой. Превозносятся доблесть ради доблести. Что легко объяснить — авторам и исполнителям поэм платили те же рыцари. А скандинавский эпос славил драки викингов, их успехи на чужеземной службе, количество добычи. Ну а как же иначе, из этой добычи викинги платили певцам-скальдам. Но русские былины воспевали лишь тех воинов, кто защищал свою страну и свой народ. Такими были дядя и воевода св. Владимира Крестителя — Добрыня Никитич. Или участник битвы под Переяславлем Никита Кожемяка. Или дружинник Владимира Мономаха св. Илья Муромец. Или уроженец Ростова Алеша Попович...

Да, появились уже и свои, русские святые воины, стратотерпцы, благоверные князья. А основа воинской доктрины оставалась неизменной. Вспомним, как ее уточнял св. Александр Невский. «Не в силе Бог, а в Правде!» А евангельские слова о мече он конкретно приложил к нашей Родине: «А кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская Земля». Эта же православная доктрина видна в действиях св. Дмитрия Донского перед столкновением с Мамаем. Войска собирались, армия была готова. Отдай команду, и масса людей, друзей, родных, подданных, выступит... На смерть, на муки, на увечья. Легко ли было дать ей, такую команду? Великий князь до последней возможности повторял попытки примириться, избежать войны. Не удалось. Но даже тогда государь не стал принимать решения единолично. Он поскакал туда, где внимательно и радушно встречали любого странника, хоть князя, хоть нищего. В Троицкую обитель к св. Сергию Радонежскому.

Источники донесли до нас подробности встречи. Великий князь волновался, и разговор поначалу скомкался. Вроде даже непонятно было, зачем приезжал. Но преподобный всё понимал без слов. Остановил Дмитрия, зашпешившего в обратный путь, пригласил к простенькой трапезе с братией. А за столом вдруг сказал, отвечая на незаданный вопрос: «При сей победе тебе еще не носить венца мученического, но многим без числа готовятся венцы с вечной памятью». Скромный, сугубо мирный монах говорил о победе, как о чем-то само собой разумеющемся. Впрочем, переспросил, действительно ли не осталось надежд разойтись без кровопролития? Предложил почтить Мамаю «дарами и честью» — может быть, Господь, видя смирение государя, укротит ярость ордынского властителя?

Дмитрий пояснил, что уже делал это, «но он еще с большей гордостью возносится». Игумен кивнул: «Если так, то ждет его конечное погубление». Среди иноков великий князь приметил знакомые лица. Вспомнил их — два брянских боярина, Пересвет и Ослябя. Великолепные бойцы, поступившие на московскую службу, а позже надумавшие удалиться от мира. Дмитрий был окрылен благословением преподобного и как-то неожиданно для самого себя, по наитию, попросил дать ему бывших бояр «от твоего чернеческого полка». Св. Сергей будто ждал необычной просьбы. Призвал Пересвета и Ослябю, велел принести две схимы. Налагая их на иноков-богатырей, произнес: «Время вашей купли настало». Произнес тихо и просто, а смысл заставлял содрогнуться. Речь-то шла об искуплении души. А путь к искуплению показал Сам Христос. Через смерть «за други своя»... И все русские ратники пошли на Куликово поле «за други своя». В знак высшей любви! Именно так, как указал Господь. Как обосновал воинский подвиг св. равноапостольный Кирилл.

Христианская доктрина России четко работала и в последующие времена. Взять хотя бы Александра Васильевича Суворова. Без учета православного мировоззрения вообще невозможно понять его военный гений, истоки и секреты побед!.. Воспоминания современников наперебой сообщают нам, что в легкомысленном XVIII в. полководец сумел сохранить и взрастить в себе глубокую веру. На службах в храме даже сам исполнял обязанности дьячка, читал Апостол, пел на клиросе. Причем относился к взятым на себя церковным обязанностям крайне серьезно. Например, каждое утро после чая он занимался духовным пением по нотам. Постился строго. Среди его современников, просвещенных вельмож

екатерининской эпохи, подобные самоограничения даже вызывали насмешки.

Это была не рисовка, не чудачество. Просто вера Суворова оставалась честной и чистой, как у детей. Без мудрствований, шатаний. Такой же, как у русского простонародья, еще не испорченного идеологическими соблазнами. И как раз прочная вера роднила Александра Васильевича с солдатами, с его «чудо-богатырями!» Ведь полководец отнюдь не подстраивался к ним. Не подделывался под необразованного мужика. Но солдаты чувствовали в нём «своего». Духовный стержень у них был общим.

И этот же стержень был фундаментом подготовки, обучения войск. Суворов наставлял доверяться Господу. «Молись Богу, от него победа!» «Бог нас водит, Он наш генерал!» Саму веру он считал определяющим боевым показателем. Говорил: «Безверное войско учить — что перегорелое железо точить». В тетради «капральских бесед» он привел краткую, но емкую молитву Пресвятой Богородице, святителю Николаю Чудотворцу, и строго предписывал: «Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай!» «Один десятерых своею силою не одолеешь, помощь Божия нужна! Она в присяге: будешь богатырь в бою, хоть и овцой в дому; а овцой в дому так и останешься, чтобы не возгордился...»

Обратим внимание на эту фразу! В суворовской формуле «глазомер, быстрота, натиск» незримо присутствовал еще и четвертый член. Смирение! Александр Васильевич никогда не приписывал достижения себе. Принимал их от Бога. Себя же видел лишь Его служителем. Писал дочери: «Я ничтожный прах и в прах обращаюсь». «Господь дарует мне жизнь для блага государства. Обязан и не замедлю явиться пред Его судилище и дать за то ответ». Но в этом состоял один из главных секретов суворовских успехов! Действовала не просто хорошо обученная армия, а православное воинство. Идеологически единое. «Глазомером» выбирало слабое место врага, «быстротой» оказывалось в нужной точке, дерзало «натиском» — а в бою отдавалось на Божью волю! Без сомнений, без колебаний! И творило невероятное.

Православная воинская доктрина России сказала даже в атеистические советские времена. В трагическом 1941 г. миллионы солдат отступали, бросали оружие, сдавались. Но те, кто сдался, все и вымерли в лагерях в первую же зиму. А другим приходилось заново учиться любви к своему Отечеству. Отбивая в контратаках населенные пункты, они воочию видели следы нацистских злодеяний. О том же рассказывали бойцы, выходящие из окружений, бежавшие из плена. Об

этом широко оповещала советская пропаганда. Оказывалось, что без Отечества-то нельзя. Какое бы ни было, с какими бы недостатками, оно единственное! Солдаты дрались всё более упорно. Всё чаще жертвовали собой — заслоняли собой товарищей по роте, оставшуюся в тылу маму, невесту. Заслоняли собой незнакомых старушек и детишек в ближайшей деревеньке за спиной.

А тем самым эти безымянные бойцы уже побеждали! Побеждали собственное безверие, упрямство, эгоизм, гордыню. Они менялись. Становились настоящими русскими воинами — такими же, как на Куликовом поле, как суворовские чудо-богатыри. Большинство из них никогда не бывало в храмах Божьих, никогда не читало Евангелий. Но их душам открывалась Высшая Любовь! Открывалась прямо в боях — та самая Любовь, чтобы положить душу «за други своя». Любовь, в которой приходит Сам Господь! Отсюда и начинались победы над врагом...

Извращения «политкорректности»

Конечно же, все слышали термин «политкорректность». Но вряд ли большинство граждан понимает его истинный смысл. Поясним, что он не имеет ничего общего ни с политиками, ни с правилами вежливости в дебатах, передачах, в предвыборной агитации и др. На самом деле политкорректность (американцы говорят сокращенно «пи-си») — это мощнейшая глобалистская программа, внедренная в 1990-х — начале 2000-х годов в рамках строительства «нового мирового порядка». Развернулась она одновременно с другими проектами по сносу духовности, традиционной культуры, морали, нравственности. С пропагандой гомосексуализма, легализацией проституции, «однополых браков», «легких наркотиков», эвтаназии и др. С принятием ювенальной юстиции, возведением в культ «толерантности», когда коренное население вынуждают подстраиваться к мигрантам (чего стоит хотя бы запрет французским христианам носить в школах нательные кресты!)

Программа «политкорректности», начавшаяся в США, быстро охватила другие страны Запада, стала распространяться на весь мир. Причем стоит обратить внимание — кампания носит глобальный характер, но нигде и никогда широко не освещалась, не обсуждалась. Подробную информацию по поводу политкорректности можно найти только в работах ученых-лингвистов. Но их научные труды имеют крошечные тиражи, известны лишь ограниченному кругу спе-

циалистов, а массовая аудитория ими, естественно, не интересуется. Политкорректность вообще никогда не преподносилась в качестве единого проекта. Ее внедрение осуществлялось без шума, исподволь, но планомерно и систематически — через СМИ, через отдельные инициативы «общественных организаций».

А лингвистов это просто коснулось напрямую, поскольку речь идет об изменении языка! Учитывая, что язык формирует и само человеческое сознание, определяет образ мышления, системы ценностей. Другими словами, проект нацелен на трансформацию человечества. Главный принцип «политкорректности» преподносился как исключение из языка любых слов и выражений, которые можно считать обидными и «дискриминационными» для какой бы то ни было «индивидуальности».

В Америке кампания началась под благовидным предлогом борьбы с «расизмом», отстаивания прав чернокожего населения (которое давным давно уравнилось в правах с белыми). В итоге слово «негр» было исключено из обихода. Заменено на «афроамериканец» или «африканец». Изгнаны из словаря и термины «индеец» (замена — «коренной американец»), «эскимос». И «еврей» — тоже, поскольку в английском слово «Jew» имеет ряд переносных значений — «обманщик», «нечестный человек», «мошенничать», «сбивать цену». Введено — «лицо семитского происхождения».

Но кампания на этом не остановилась. У борцов с «расизмом» эстафету подхватили феминистки. В ходе борьбы с «сексизмом» были заменены все слова, содержащие «дискриминацию по половому признаку». Например, с суффиксом «мен» (в английском — не только «человек», но и «мужчина»): полисмен, бармен, бизнесмен. Вместо этого внедрилось «полицейский офицер», «барперсон», «бизнесперсон» и т.п. Устранены слова «муж» и «жена» и заменены на «компаньоны». Однако «борьба с сексизмом» в полной мере коснулась и религии. Стали исключаться из обихода мужские местоимения «Он», если речь идет о Боге. Их начали совсем опускать или заменять на местоимения неопределенные, среднего рода, множественного числа. В разных протестантских конфессиях принялись модернизировать и понятие Бога-Отца.

К расширению свистоплясок «пи-си» постепенно стали подключать другие общественные круги. Еще одним пунктом стала борьба с «эйблизмом» («дискриминацией» лиц с теми или иными недостатками). Под запрет попал термин «инвалид» — чтобы не обидеть инвалидов. Введено — «лица,

преодолевающие физические трудности». Или «лица, преодолевающие ментальные трудности» (душевнобольные). Вместо «слепой» — «слабовидящий» и т.д.

Была осуждена «возрастная дискриминация». Чтобы не травмировать чувства стариков, их переименовали в «старших граждан». Замена подверглись и термины «малыш», «не совершеннолетний» и пр. Кроме того, был внедрен жупел — «лукизм», чтобы не обидеть некрасивых. Вместо «красивые» начали употреблять выражения типа «не совсем непривлекательные», а «уроды» — заменили на «лица нестандартной наружности». Толстые — «люди горизонтальных пропорций», коротышки — «люди, преодолевающие трудности вертикальных пропорций».

Конечно же, была запрещена «дискриминация» наркоманов, гомосексуалистов — это «гомофобия», признаваемая ужасным злом. Нельзя говорить «педераст», «лесбиянка», даже «сексуальные меньшинства» и «нетрадиционная ориентация». Нужно — «лица альтернативной ориентации». Также пресекается «дискриминация по социальному признаку». Чтобы не обидеть бедных, само слово изъято, введено — «не достигшие экономических преимуществ», «малоимущие». Трущобы — «нестандартное жилье».

Изменены названия ряда занятий и профессий. Мусорщик — «инженер по вопросам санитарии», проститутка — «работник сферы сексуальных услуг». Даже заключенных, дабы не травмировать их достоинство, переименовали в «клиентов исправительной системы» или «гостей». Откровенно антихристианский контекст приняла борьба с «антропоцентризмом» — нельзя выделять человека в противовес животным. Запрещается говорить «моя собака» или «моя кошка». Вместо «домашние животные» введено «животные-компаньоны», домашние растения — «растения-компаньоны».

Однако запретами на те или иные слова кампания политкорректности не ограничивается. Под предлогами борьбы с «дискриминацией», искупления прежних «проступков» человечества была развернута «программа позитивных действий». Например, при поступлении в учебные заведения предоставляются преимущества «дискриминируемым» категориям: гомосексуалистам, инвалидам, неграм (ну и другой нации, которая всегда показывает себя «ущемленной»). Подобные факторы принято учитывать при приеме на работу, при выдвижении на должности, в «демократических» выборах. Как в свое время выразился кандидат исторических наук С.М. Каюмов — если такая тенденция продолжится, то «сле-

дующим президентом США станет одноногая наркоманка, лесбиянка, полунегритянка-полуеврейка, страдающая синдромом Дауна... Простите — анатомически и психически озадаченная афроамериканка семитского происхождения с альтернативной сексуальной ориентацией».

Всё это могло бы показаться смешным, но под флагом «пи-си» развернулся глобальный снос традиционной культуры и морали. В колледжах, университетах, школах были составлены огромные списки запрещенной, «неполиткорректной» литературы, где фигурируют Шекспир, Данте, Мильтон, Сервантес, Марк Твен, Байрон и др. В разных штатах США запрещались даже известные детские сказки. Например, про Карлсона (пропаганда антисоциального поведения, возрастная дискриминация — «Малыш», да и Карлсон постоянно выражается «некорректно»). Из публикаций и круга детского чтения исключались и другие сказки (допустим, о «Стойком оловянном солдатике» — он ведь был одноногим).

А нарушения политкорректности были обозначены терминами «словесные притязания» или «язык ненависти». Причем под нарушениями понимаются не только высказывания, но и «неуместные шутки», «неправильно адресованный смех». В лучшем случае это влечет обструкцию, травлю провинившегося. За подобные «преступления» исключают из учебных заведений, увольняют с работы (фактически без возможности найти новую). За «язык ненависти» могут подать в суд, содрать крупный штраф или отправить за решетку. А соответствующие «общественные организации» такие вещи строго отслеживают. Написал «домашние животные», «проститутка», «гомосексуалист» — тут-то тебя и подцепили. Голоса противников «пи-си» (в их числе был знаменитый писатель Умберто Эко) оказались одинокими и беспомощными. Даже протесты западных правозащитников, что «пи-си» противоречит первой поправке к конституции США о свободе слова, были отвергнуты. Ну какая может быть свобода для «языка ненависти»? И по сути, никакой свободы слова больше нет.

А если разобраться, то кампания «пи-си» стала фундаментальной подкладкой, эдаким обоснованием для других глобалистских проектов. Например, для ювенальных законов, когда дети выводятся из-под контроля родителей, получают «права» и «свободы» удовлетворять собственные желания, а воспитывают и регулируют их желания СМИ, штампы массовой культуры, специальные проекты в интернете. За отказ развращать своих детей,

попытки не допускать их на школьные уроки «сексуального воспитания» можно запросто попасть в тюрьму. Точно так же «политкорректность» подкрепила права «меньшинств», возведенные в культ. Никто не смеет возражать против «гей-парадов», чтобы не вызвать бурю обвинений в «фашизме», не подвергнуться судебному преследованию за «гомофобию». В результате «меньшинства» начали диктовать свою волю большинству. Дошло до того, что во французских школах оказались запрещены слова «мама» и «папа» — поскольку по закону семья может быть однополной. Исключено из употребления и традиционное обращение к девочкам «мадмуазель» и заменено на «мадам». Потому что девочки с 11 лет имеют право свободно реализовывать свои сексуальные прихоти.

«Пи-си» является и мощным идеологическим оружием против целых народов. Разве можно дружески, уважительно и миролюбиво относиться к народу, который говорит «языком ненависти»? Но и в Россию эта зараза уже внедряется полным ходом. Опять же без шумной пропаганды, без споров, дискуссий, без принятия законодательных актов. Исподтишка. Тихо, вежливо — ну кто возразит против «политкорректности»? Против борьбы с «дискриминацией»? Против «ущемления личности»? Внедрение осуществляется постепенно, ненавязчиво. Но непрерывно. И результаты нетрудно заметить. Уродливые кальки вроде «афроамериканцев» уже никого не удивляют, через СМИ они получили «прописку» в русском языке. Никого не удивляют и случаи, когда на человека, прямо назвавшего мерзость мерзостью, а извращения извращениями, обрушиваются обвинения в «гомофобии». Вроде как уже стало привычным, нормальным. Поэтому публичные фигуры стараются избежать неизбежных нападок, подыскивают политкорректные выражения. А ведь это и есть в кампании главное. Приучить людей к новому языку — трансформируя мышление. Приучить к новым, глобалистским понятиям, что такое «хорошо», а что такое «плохо»...

Почему мы победим

Сегодня в политических спорах, в средствах массовой информации да и в проповедях священников нередко можно услышать концепцию — допустимо идти на любые уступки, только бы избежать войны. Главное, сохранить мир любой ценой. Кстати, это глубочайшее заблуждение. За уступки духовные и нравственные, нарушающие Божьи заповеди, за

предательство по отношению к Себе, Господь строго наказывает — в том числе и войной. Это Россия уже проходила в XX столетии.

Но в данном случае сама постановка вопроса иногда является самообманом, а порой и обманом. Потому что война против нас уже развязана, она уже идет. Да, никто из нас не хочет, чтобы вокруг свистели снаряды и рвались бомбы. Но они рвутся в других местах, поражают наших братьев. То в Сербии, то в Приднестровье, на Кавказе, в Донбассе, в Сирии. Впрочем, и в России уже свистят пули и осколки. Невидимые, незаметные — и тем не менее, смертоносные. Люди погибают по-настоящему. Казалось бы, от случайных причин. От наркоты, алкогольных отравлений, в пустых тусовочных конфликтах, глупых потугах экстремального самовыражения. Кто-то вымирает тихо и мирно, спиваясь от тоски и пустоты. Кто-то кончает с собой.

Но всё это — война. Программы доведения до самоубийства хорошо известны и запущены на Россию. Изощренные, подспудные, исподволь внушающие разочарование в жизни, апатию, и настраивающие человеческую психику в нужную сторону. Технологии формирования агрессивных группировок тоже давно отработаны — замкнуть интересы на «свою» стаю и вражду к «чужой». А внедрение моды на зацепинг и прочие самоубийственные игры неужели идет случайным образом? Впрочем, существуют и другие виды оружия, экономические. Например, разорение людей. И кто их считал, вымирающих бомжей? Статистические данные не обнаруживаются. Только нетрудно заметить, что год назад на вокзале отирались одни бомжи, а теперь уже новые. Как думаете, куда подевались прежние? Поправили свои дела, купили квартиры?

Хотя есть и закономерность. В первую очередь гибнут те, кто не понимает, что мы живем в состоянии войны. Это примерно то же самое, если глухие и слепые люди будут спокойно гулять по улицам, не видя и не слыша, что их бомбят. Вот и вернемся к вопросу о том, что главное — сохранить мир. Но если сделать поправку, что война уже идет, то и для мира получается не один, а три варианта.

Западное сообщество предлагает — примите наши условия и станем друзьями. Толерантность, права «меньшинств» командовать большинством, а детишек — родителями, свобода отсутствия совести и прочий благоухающий букет. При этом не забудьте разоружиться и не мешать дальше вас разваливать. Мы будем вас контролировать, заботиться, и буде-

те жить, как у дочери Рокфеллера за пазухой. Если разобраться и проанализировать, это условия полной капитуляции, и ведут они к уничтожению не только государства, но и всего нашего народа. К духовному — и физическому тоже. Разумеется, такой мир нас не устраивает.

Да, теоретически мы удовлетворились бы, если бы от нас просто отвязались. Оставили нас в покое. Но они не отвязнутся. Развязывают войну и тратят на нее бешеные миллиарды вовсе не для того, чтобы потом вдруг отвязаться. Значит, для нас остается только третий вариант мира — победить. Именно поэтому мы и победим. Рано или поздно. Выбора-то у нас вообще нет! Только победить.

Это кажется нереальным, невозможным? Для горстки людей и впрямь невозможно. А для Бога возможно всё. Значит, только и нужно быть с Ним, не отрываться от Него. Как говорил св. благоверный Дмитрий Донской: «Если Бог за нас, то кто против нас?» А св. благоверный Александр Невский пояснял: «Не в силе Бог, но в правде». Кто и когда сумеет одолеть Его? Да, сатана однажды дерзнул. Но результат известен. Были и другие державшие. Где они?

Правда, наши враги не склонны впечатляться историческими и духовными примерами. Нам грозят: в борьбе, кроме победы, возможен и иной исход — гибель. Но на это хочется ответить им: вы же сами-то — слабаки. Вы страшитесь лишиться удобств и удовольствий, которые создали, ограбив нас, и ради которых живете. Вы страшитесь своего личного, персонального конца, обрывающего эти удовольствия. И нас-то вы пугаете с точки зрения вашей собственной логики! Но у нас ваших удобств нет, нам за это цепляться не приходится. Да, смерти мы тоже боимся — люди-то мы простые, не святые. Нашалишь, напраказишь, и вдруг прихватит тебя, не готового? Вот это страшно. Но православные воины, павшие в борьбе, они тоже победители! Им-то бояться нечего, их ждет Царство Небесное. А за ними встанут новые воины, это уж Господь призовет. Так что в целом победа всё равно неизбежна. Для всех. И для павших, и для тех, кому посчастливится торжествовать.

Тем более, что и союзники у нас есть. Причем их в ближайшем будущем может стать гораздо больше. Это все, кто осознает, что западная либеральная цивилизация уничтожает не только русский народ. Но и французский, германский, шведский, белорусский, итальянский, испанский, сербский, американский и т.д., и т.п. Значит, нашими союзниками могут быть и французы, немцы, ирландцы, белорусы, сербы, американцы... Почему бы и нет? Мы же не претендуем на их зем-

ли и ресурсы. У нас своих хватает. Мы боремся за жизнь, за право быть русскими — и возможность быть с Господом.

Понять нам друг друга совсем несложно. Для этого надо просто вспомнить самые обычные, но и самые высшие ценности, христианские. Но не тот суррогат, который преподносят современные католическая и протестантские конфессии. Благословлять с елейной улыбкой проклятое от Бога — это не христианство. Они уже пали, они уже завоеваны нашими общими врагами. Православную Церковь западная цивилизация тоже заражает мерзостью. Но всё-таки в России христианство сохранилось лучше всего. Поэтому тем, кто хочет противиться силам зла, надо быть вместе с русскими.

Впрочем, нашими союзниками могут быть и мусульмане, буддисты, язычники. Ведь в Первую мировую мусульмане в русской армии называли себя шахидами, воинами за веру — потому что сражались за Белого Царя, покровителя своей религии. Ученые буддисты в Монголии и сейчас возлагают надежды на Белого Царя. Да и с японцами у русских получалось хорошо дружить, когда нас не ссорили западные олигархи и политики. Это вовсе не значит жертвовать верой, искать пути слияния религий. Каждому свое. Но объединить силы против общего врага всегда было полезно и правильно.

Ну а тем, кто предпочитает жить под гипнозом «достижений западной цивилизации», внимать идеологам либерального «рая на земле», бездумно поддерживая и одобряя его насаждение, хочется подсказать — ведь вы находитесь по другую сторону фронта. Даже если не видите этого и не хотите понять. Вы подыгрываете пропагандистским кампаниям против нашей страны. Вы сочувствуете подрывным операциям против нас и косвенно помогаете им. Так что не обижайтесь, если когда-нибудь в вашей жизни или в жизни ваших детей произойдут не совсем приятные перемены.

Конечно, мы не знаем, какой она будет, наша победа. Может быть, сперва временной. Так отразить атаку, чтобы долго отбить охоту лезть на нас. Но память, к сожалению, ослабевает, и всё повторяется в новых формах, новых масштабах. Поэтому рано или поздно нам придется победить окончательно. Это значит, добить врага в его логове. Нет, не так, как в 1945-м. Тогда раздавили Гитлера. Но главные враги, вскормившие его и натравившие Германию на Россию, очутились в стане победителей. Мало того, они постарались еще и воспользоваться победой, чтобы подмять мир под собственное господство. Что ж, когда-то придет пора добратся и до их логова.

Царь грядёт!

Падение великой, богатейшей и могущественной Российской Империи обеспечили «пятые колонны», за которыми стояли правительства и спецслужбы западных держав. Страна обвалилась в хаос. Ее первоклассная промышленность была разрушена. Города погрузились в холод, темноту, голод. Ветер свистел в выбитых окнах опустошенных деревень, над незасаженными полями. Только погибшими страна потеряла 12—13 процентов своего населения. Не считая раненых, больных, искалеченных и морально искалеченных. Около 2 млн. человек оказалось в эмиграции. А заказчики пожинали плоды своих операций. Революция сопровождалась беспрецедентным в истории разграблением России. На запад тоннами, целыми пароходами вывозились русское золото, бесценные произведения искусства, пушнина, лес, нефть, платина. Одновременно внедрялись иностранные концессии. Южный Урал и сибирское золото получила британская компания «Лена Голдфилс», на нефтепромыслы запустили американскую «Стандарт Ойл», американцам отдали Кузбасс, металлургические заводы. Ленин отдавал им всю Камчатку и Сибирь восточнее 160-го меридиана...

Но сами «пятые колонны» не побеждают никогда. Их только используют. Отработанные фигуры сбрасывались с доски. Либералов заменили на социалистов, социалистов на большевиков. Ленина в 1922 г. хватил удар — сразу после его удара по Церкви. В борьбе за власть рухнула карьера Троцкого. При этом зашаталось положение всех, кто был связан с ним, — и поползло к расстрельным ямам 1930-х. Ну а русские люди несли кары за то, что они натворили. За то, что увлеклись чужими дурманами, бездумно и неблагодарно отбросили и оплевали свое, исконное, дарованное от Бога. Царство, вскормившее и оберегавшее их самих. Отвернулись от Царя, повторяли и перемывали грязную клевету, равнодушно, а то и с одобрением отдали Царскую Семью на расправу силам мирового зла.

Но можно отметить четкую закономерность. Каждый получал наказания по собственной вине. Церковь была отделена от государства, унижена, лишена права собственности, подверглась гонениям. Но она первой отреклась от Государя и предала Его! А ведь как раз Царь выступал ее покровителем и защитником, обеспечивал ее права и богатства. Интеллигенция и военные рукоплескали либеральной оппозиции, рвались жить, «как за границей». Они и очутились за границей, в эмиграции, в «раю» парламентских «свобод», о кото-

рых мечтали. Только не в тех ролях, какие видели для себя, а чернорабочими, судомойками, грузчиками, проститутками. Но ведь истинный парламентский «рай» именно таким и был, в него и попали.

В России те же интеллигенты, студенты, рабочие возмущались «царским режимом» — ну и получили режим без Царя. Ратовали за права инородцев — и получили право инородцев помыкать ими самими и их родными. Крестьяне воодушевленно грабили усадьбы и расхватывали чужую землю. В итоге сами были ограблены — продрозверстками, потом коллективизацией. Те, кто заливал землю кровью расстрелов, сами пошли под расстрелы.

Но Господь бесконечно милостив. Он все-таки не оставил Россию. О ней молит ее Заступница, Пресвятая Богородица. А силы, организовавшие царубийство, руководствовались собственной черной верой. Не приняли во внимание, что Государь и его близкие, принесшие себя в жертву за всю Россию, предстанут перед Престолом Всевышнего и тоже будут молить о своем Отечестве и народе. И замыслы «мировой закулисы» комкались, что-то шло не так.

Уничтожить Православную Церковь не удавалось. Многие соблазнившиеся священники и миряне раскаивались, искупали грехи и заблуждения исповедничеством, мученичеством, тоже получали Спасение в Небесном Царствии, а на земле появлялись их последователи. А в советском руководстве брали верх те лидеры, кто увидел, в какую бездну вели страну предшественники. Менялась политика. Рассыпались модели «военного коммунизма», трудовых армий Троцкого — рабской силы для иностранных концессий. Потом и концессионеров принялись выпроваживать. Сам собой развалился проект крымской «Хазарии». Власти искали, как наладить устройство государства — а лучшими оказывались схемы старой, Царской России.

Страшное пламя Великой Отечественной не сожгло страну, а очистило ее. Толкнуло людей к покаянию — и из руин, смерти, неожиданно для всех великим чудом возродилась могущественная мировая держава, во многом напоминавшая погибшую Империю. А по военной силе и промышленному потенциалу значительно превосходившая ее. Но один, главный шаг — от разрушительных революционных идей к Православному Царству — сделан не был, и все процессы преобразований СССР оказались обратимыми. Опять разыгрывались тайные операции, включались пропагандистские машины, формировались «пятые колонны», и маятник поле-

тел в противоположную сторону. К очередным катастрофам, перестройкам, падению, развалу...

Снова в беде люди обращались к покаянию. В храмах для крещения образывались очереди. Повсюду восстанавливались из руин опоганенные монастыри и церкви, строились новые. Народ потянулся к своим историческим корням, традициям, устоям. Но куда там! Его захлестнули свежими, еще более заманчивыми соблазнами. Запутали политическими игрищами. Граждан, совершенно заблудившихся в пропагандистских лабиринтах, закрутили в замкнутом водовороте либерализма, демократий и прочих химер. И опять — трагедии, падения, кризисы, опустошения, разруха...

Россия фактически живет в состоянии войны. Войны не против Путина, не против олигархов или чиновников. Против нашей страны, нашего народа. Той самой войны, которая никогда не прекращалась. Она велась и против Российской Империи, и против Советского Союза, и против Российской Федерации — против исторической России, какие бы названия и политические формы она ни принимала. Менялись только идеологические флажки, корректировались технологии операций, но война на разрушение нашей державы остается постоянным фактором в течение нескольких столетий.

Предсказать ее ход невозможно. Потому что человеческая логика и сугубо материалистические оценки, расчеты, прогнозы в данном случае не действуют. Если руководствоваться только ими, то... Россия уже давно не должна была существовать! Она обязана была погибнуть в катастрофе революций 1917 г. и Гражданской войны. Она обязана была погибнуть в 1941 г., когда на нее под гитлеровскими знаменами двинулась вся Европа. Она была обязана погибнуть в подрывных операциях 1980—1990-х, когда предателя Горбачева заменили неадекватным Ельциным. Но... почему-то не погибла. Почему?

Чтобы понять это, нужно коснуться главной причины, по которой Россия во все времена вызывала ненависть Запада. Сам Господь сказал: «Если мир ненавидит вас, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15: 19, 20). Именно Россия наиболее полно сохранила устои христианства — и именно поэтому она оказывается препятствием для «мира», для «нового мирового порядка». Антихристианского порядка.

Сам факт, что наша страна еще существует, — настоящее чудо. Потому что даже та Россия, какой она стала, полуязыческая, развращенная, в значительной степени деградировавшая и одуревшая, до сих пор сохраняет ослабевшую, подорванную, но живую православную веру. Сохраняет только с Божьей помощью! А при этом и Господь хранит Россию. Вот и главная причина, по которой изощренные и дорогостоящие планы против нашей страны не срабатывают, дают сбой. А количественные сопоставления сил и ресурсов получают недостаточными и несостоятельными. Как сказал святой Максим Исповедник: «Бог да я — это уже большинство, причем подавляющее». А великий русский полководец Александр Васильевич Суворов слегка перефразировал: «Один с Богом — уже большинство». Господь-то всё видит. Неужели иуды всерьез могут рассчитывать, что Он позволит им восторжествовать?

Именно поэтому не прекращаются открытые атаки и подспудные интриги против Православной Церкви, веры, традиционной морали и нравственности. И именно поэтому оказывается настолько важным не сдавать позиций в данных вопросах. Это тоже война, за души и умы людей. Как она будет развиваться дальше, мы не знаем. Но если Господь не оставит нас — выстоим. А Он не оставит — если только мы сами Его не предадим, не отвернемся от Него...

С нами и Царственные Мученики, они по-прежнему молятся за Россию, как и бесчисленные сонмы русских святых, прославленных, непрославленных, вовсе неизвестных нам или забытых. Могут ли противостоять им самые массовые, самые изощренные и дорогостоящие механизмы лжи? Ведь выход из тупиков и лабиринтов есть. Он существует. Для выхода нужно только разорвать замкнутый круг, по которому нечисть колобродит русских людей, сбросить дурман и открыть ослепленные глаза. Тогда он будет виден всем — и такой момент наступит. Когда, какими путями — мы не знаем. Но Господь это может. И свершится. Святой Старец Николай (Гурьянов) незадолго до отхода в вечность твердо предрек: «Царь грядет!»

Он грядет реально. Не к какой-то абстрактной человеческой общности, а конкретно к нам с вами. И спасти Россию, возродить, очищать от мерзости, не придут никакие посторонние силы. Все это тоже придется делать нам с вами. Тем самым людям, которые живут сейчас, ходят вокруг нас, едут вместе с нами в общественном транспорте, сидят рядом с нами на лавочках, стоят в очередях. Да, эти самые. Где-то среди них есть будущие воины, которым предстоит защищать об-

новленную Россию от врагов. Хотя они еще не знают и не догадываются об этом. Есть будущие труженики, которые начнут восстанавливать величие нашей державы. Есть будущие молитвенники, которые проложат духовный путь к этим свершениям, испросят у Господа прощение за наши грехи, Его помилование.

Может быть, уже сейчас идет по России никому не ведомый странник — скромный, смиренный, даже не подозревающий о своей миссии, но именно его молитва станет решающей каплей к спасению страны? Мимо него снуют пешеходы, проезжают машины, не обращая особого внимания. Мало ли, идет человек по своим делам. Он и шагает. Ничем не приметный. Такой же, как все. Только губы иногда неслышно шепчут: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Царственных Великомучеников помилуй нас, грешных, и спаси Землю Русскую...»

Как и кому он может помочь? Кого он может спасти — обычный человек, один из многих? Он не задумывается об этом. Просто вспоминает, что надо помолиться всем им — непобежденному Царю-воину, милому и исполненному какой-то недетской внутренней силы мальчику Алексею, Государыне Александре с добрым и печальным материнским взором, чистым и строгим девочкам Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии. Попросить помощи для нас, слабых и заблуждающихся. Как Старец Григорий Ефимович укреплял их и поддерживал — пусть теперь они нас поддержат, укрепят и направят...

КУЛИКОВО ПОЛЕ

21 сентября Русская Православная церковь, отмечая день Рождества Пресвятой Богородицы, поминает и воинов, сложивших свои головы на Куликовом поле 640 лет назад.

О самой Куликовской битве написано много и подробно, начиная с летописей очевидцев события и более позднего «Сказания о Мамаевом побоище» и кончая современными научными исследованиями и школьными учебниками. Единственное разногласие — количество участников сражения: от 15—20 тысяч до 250—300.

За этой яркой победой невольно в тени остаются предшествующие события, которые создавали фундамент Победы, и последующие события, фундаментом которой являлась уже сама Победа.

Действительно, после смерти Александра Невского, более века почти нет ничего запоминающегося — всё череда княжеских междоусобиц, войны тверских, московских, переяславских и иных князей друг с другом за расширение своих земель, их борьба за получение от хана Золотой Орды титула великого князя Владимирского, дающего не только определённую власть

над другими удельными князьями, но и немалые преференции. В этой борьбе князья, особенно московские, не гнушались и безнравственными средствами — доносами и клеветой на своих соперников. Так, по доносу московского князя Юрия Даниловича в 1318 году в Орде принял мученическую смерть князь Тверской и великий князь Владимирский Михаил (канонизирован в 1549 г.), и великокняжеский титул перешёл к Юрию. Правда, в 1322 г. за жульничество хан лишил его этого титула, а в 1325 г. сын Михаила Дмитрий, отомстив за отца, зарубил Юрия в ханской столице и погиб сам. Великокняжеский титул вновь вернулся в Тверь, к брату Дмитрия Александру.

Самое драматическое событие того времени — восстание в Твери в 1327 г. против произвола ордынских наместников, в котором, согласно летописям, участвовал князь Александр Михайлович и которое закончилось карательной экспедицией татар: *«Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнём и мечем, другие отведены в неволю. Самые Новгородцы едва спаслись от хищности Моголов, дав их послам 1000 рублей и щедро одарив всех Воевод Узбековых»*, — писал историк Н.М. Карамзин.

Любопытно, что командовать карателями хан Узбек поручил князю Московскому Ивану Даниловичу (Калите), за что обещал тому великокняжеский титул и на что князь охотно согласился. Здесь надо отметить принципиальную разницу между тверскими и московскими князьями. Первые своим мужеством и героизмом вызывают большие симпатии. Они стремились объединить и поднять русские земли на вооружённую борьбу с угнетателями, но, увы, плохо понимали, что силы слишком не равны, что война закончится поражением и приведёт к ещё большему разорению и опустошению Руси.

Вторые действовали не как общерусские государственные деятели, а как земельные собственники, как «мелкие хищники» (по выражению историка В.О. Ключевского). Где хитростью, где обманом, где деньгами, где силою, в том числе и «наведением татар» на соседей, они мало-помалу расширяли свои земельные владения и наводили в княжестве законность и порядок, чем привлекали к себе земледельцев, ремесленников и купцов из соседних княжеств. Из тех же меркантильных интересов они отвозили богатые дары в Орду, где неизменно пользовались благосклонностью хана и его двора.

Первым результатом такой явно не героической деятельности стало то, что митрополит Всея Руси Пётр (всероссийский сан он получил из рук Константинопольс-

кого патриарха в 1305 г.) ещё при Калите, в 1325 году, перенёс свою кафедру из Владимира в Москву, сделав город духовным центром всей Северо-Восточной Руси и провидчески предсказав ему превращение в центр России. Второй результат — страна на десятилетия была избавлена от опустошительных ордынских «рейдов». *«В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчётного ужаса отцов и дедов перед татаринном; они и вышли на Куликово поле»* (В.О. Ключевский). Добавим к этому, что в 1380 году на Куликово поле вышло не войско Московского князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского, а объединённое русское войско под его верховенством с участием полков Серпуховского, Белозерского, Ярославского, Ростовского, Брянского и Полоцкого князей.

Таков парадокс истории: невзрачные личности, занятые лишь своими хозяйственными заботами, выполняли общенациональное дело — постепенно сплачивали и объединяли Русь, и, сами того не ведая, готовили её к национально-освободительной борьбе, а когда наступил нужный момент, появился и вождь.

Куликовская победа не принесла Руси освобождения. Орда была ещё сильна — через два года хан Тохтамыш учинил погром Москвы, и дань пришлось платить вновь. Но Куликово поле дало другие, куда более важные результаты.

Во-первых, русский народ осознал свою силу и способность побеждать сильнейшего врага — не отдельные его отряды, а главные силы, и обрёл уверенность в конечной победе. Здесь напрашивается аналогия с победой под Москвой в 1941 году, когда после гнетущей серии поражений, непрерывного отступления, а то и беспорядочного бегства Красной Армии не только был сорван гитлеровский «блицкриг», но и восстановлена пошатнувшаяся вера народа в свою армию, в своего вождя и вера в окончательную победу над фашистами.

Во-вторых, самым непонятливым стало понятно, что врага можно бить только объединёнными силами под единым командованием, а объединить их и командовать ими может только Москва. Осознание этого устранило в дальнейшем кровавые разборки удельных князей — высшим судьёй для них стал московский князь, заинтересованный, в отличие от хана, в единстве Руси.

В-третьих, старший сын князя Дмитрия Василий I принял великокняжеский титул не из рук хана, а как наследник из

рук своего отца, и впервые стал именоваться Великим князем Московским. Это тоже был шаг к независимости.

Дальше процесс шёл по проторённому пути. Москва постоянно расширяла свои владения — где прикупала, где получала в подарок или по завещанию новые княжества, богатела и набирала всё больше и больше сил. Правда, во 2-й четверти XV века разгорелась жестокая борьба за престол между сыном Василия Дмитриевича Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем, победу в которой одержал Василий, но и она не изменила направления вектора истории.

В Орде же шел обратный процесс: борьба за власть (за 20 лет сменилось 25 ханов) ослабила государство, и от него начали отпадать окраины — Казанское ханство (1438 г.), Ногайская орда (1440 г.), Крымское ханство (1441 г.), Астраханское ханство (1460 г.).

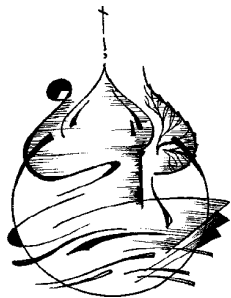
Оба эти процесса ровно через 100 лет после Куликовской битвы привели к бескровному «стоянию на Угре» в 1480 году при Иване III Великом и к «юридическому» закреплению полной независимости русского государства. Началась новая эпоха в истории России. А со дня Куликовской победы Пресвятая Богородица стала считаться главной покровительницей Руси.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

В ноябре 2020 года гениальному русскому хирургу, анатому, педагогу, основоположнику Медицинского факультета Новороссийского (Одесского) университета Николаю Ивановичу Пирогову (1810—1881) исполнилось 210 лет.

...В июле 1856 года в «Морском сборнике» была впервые опубликована статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни». Великий хирург, основатель военно-полевой хирургии, писал в автобиографии: «В это время (1855—1856) у нас принялись заниматься вопросом о воспитании; все убедились, что по прежнему шаблону нельзя воспитывать, если общество и государство желает иметь людей, а не обезьян и кукол; у меня также вырастали сыновья; знакомый из 20-летнего опыта с воспитанием студентов, бывших моими учениками, и, зная его вопиющие недостатки, я под влиянием общего в то время настроения написал «Вопросы жизни», пропущенные цензурой только потому, что они печатались с разрешения великого князя Константина Николаевича в «Морском сборнике».

Я с трудом, но добилась в 1982-м ее включения (увы, вынуждена была сократить те места, где Пирогов писал о Боге) вместе с Письмом Попечителю

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

МХА (1848), некоторыми письмами жене Александре Антоновне из Севастополя (1854–1855), Речи при прощании с ученым сословием Одессы (1858), в свою, считайте, первую книжечку — для студентов Одесского мединститута, носящего тогда имя Пирогова (с 1951 года). Сегодня — Одесский национальный медицинский университет (ОНМедУ) — безымянный... Наверное, закономерно: такое имя надо заслужить.

А бой за издание был нешуточный! Но книжечка — живет, и в ней — «Вопросы жизни!» Смею думать, и сегодня актуальна эта статья не менее, чем при написании.

А тогда статья всколыхнула всю Россию! И, как писал Пирогов: «Министр просвещения Норов под влиянием этого впечатления <...> пригласил меня занять место попечителя Одесского учебного округа...»

Собственно, благодаря этой деятельности в Одессе (сентябрь 1856 — июль 1858), Одесса и получила впоследствии Университет (1865), а затем и Медицинский факультет его (1900).

Не могу не вспомнить, как однажды, поздно вечером пришел на кафедру один из выпускников института. «Я знал, что только Вас можно застать в это время на кафедре!» — начал он свою «исповедь», рассказав о горестях своих, о борьбе с «чиновниками от медицины». Он не просил помощи, даже настаивал на «невмешательстве»: «Просто хочу поделиться, как я «уел его» словами Пирогова: «Прямая обязанность врача — не скрывать перед начальством того, что может, по его убеждению, вредить больным, и он будет недостоен своего призвания, когда из неуместного страха или личных расчетов удержится объявить правду там, где дело идет о пользе больных». А еще: «Нужно, чтобы было непременно всё в отличном порядке — на бумаге, а если нет, так нужно молчать. А мне для чего молчать, — я вольный казак. Хотят на меня скалить зубы и за спиной ругаться, пусть их делают, а я все-таки худого хорошим не назову».

Да, выдержки из «Начал общей военно-полевой хирургии», из писем жене из Севастополя были включены в книжечку, и, как оказывается, «работали». Юный коллега благодарил меня, благодарил и за то, что я настаивала на ведении конспектов и выписок. Не удостоясь никаких официальных наград и званий, я горжусь подобными — а их немало — «медалями» и «орденами», не забывая слова Учителя: «Бог с ними с наградами... Мне собственные убеждения о достоинстве и спокойствии духа дороже»; «Я люблю Россию, люблю честь родины, а не чины; это врожденное, его из сердца не вырвешь и не переделаешь...»

Во многих мучениях «проклятого времени перемен», когда отечественные основы педагогики преданы и проданы, поддерживали, даровали мне силы многие педагогические работы Пирогова.

Он упорно доказывал: «Все готовящиеся быть полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми»; «Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку: наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане». «Односторонний специалист есть либо грубый эмпирик, либо ученый шарлатан». «Нет ни одной потребности для какой бы то ни было страны, более существенной и необходимой, как потребность в истинных людях».

Для страны! Но не для иных властей, далеких от нравственности. Им удобны «сговорчивые и уклончивые», легко поддающиеся насаждаемому «Обогащайтесь!» Легко оболваниваемые, зомбируемые. А Пирогов, мечтавший о возрастании «значения нравственной власти», в противовес всем видам власти сокрушался: «Я не мог дожидаться этого счастливого времени...» Вот и нам доводится только мечтать... Но — в пример и подражание: «Не мною я быть не мог. И мне оставалось идти, не отступая».

Прощаясь с ученым сословием Одессы в июле 1958 года, он и шутил: «Язык до Киева доведет» (переведен на должность попечителя Киевского учебного округа) и заметил, что «антагонистом истинно университетского образования» являются не столько «степи — плохие проводники просвещения», «пыльная атмосфера, грязь», сколько — «*коммерческий элемент*» Одессы, который «благоприятствует одному только реальному направлению образования». В то время как «истинное университетское образование <...> основано на неразрывной связи двух начал просвещения: *общечеловеческого* (гуманного) и *прикладного* (реального)».

«Последователи *торгового* направления», воры, явные и скрытые, под маской добропорядочных людей, были всегда ненавистны великому гуманисту, врачу и педагогу Н.И. Пирогову. Не принимал он нестареющим чистым сердцем и душою («Чем же я виноват и перед кем, что у меня в сердце еще

не заглохли все порывы к высокому и святому, что я не потерял еще силу воли жертвовать...») — многих мерзостей, которыми был свидетель и в клиниках Медико-хирургической Академии в Петербурге, и на полях сражений Крымской войны, Русско-турецкой (1877—1878), в учебных заведениях. Презирал «поддающихся господствующему *«торговому»* направлению основной массы и мелких групп общества».

Сам Пирогов еще в годы работы в Петербурге писал жене: «Я положил за правило от моих больных, как бы они богаты ни были, никогда и ничего не требовать». Бесплатно лечил в Вишне, в Одессе, летом 1881 года бесплатно лечил и консультировал больных, бедняков, «съезжавшихся со всего Юго-западного края».

Думаю: а кого нынче заставляют готовить (по иноземным лекалам!) в наших школах, университетах?.. Торжествует примитивизм, развращение души, насаждение ее «двойственности»! Тупое отрицание *«воспитания»* в учебном процессе! А Пирогов писал: «Слово, имеющее смысл чисто материальный — воспитание — получило у нас другой смысл, и теперь сказать: я «воспитаваю», а не «образую» можно только про дерево или про скотину. Остались слова: «обучение» и «просвещение», которые отличаются от «воспитания», но не от «образования». А как воспитывать без образования и образовывать, не уча, не просвещая, — нельзя, то, стало быть, воспитывать не уча можно разве в таком возрасте, когда человек ещё бессловесен. Но и учить, не образуя и не воспитывая, также нельзя. Вся наша нравственность, добро, свет — всё ученье. И учить, не воспитывая, не образуя, значило бы не учить, а делать что-то другое».

И вот это очень актуально для нашего времени: «Посредственность, — говорят, — нам-то и нужна, а талант сам найдет себе везде дорогу. Это заблуждение, против которого нужно восставать. Талант везде нужнее посредственности, а у нас — во сто раз. Где задача образованного — распространять образованность в окружающей среде, там талант — жизненная сила общества. Поэтому как бы обществу ни были нужны руки, ему во сто крат нужнее головы. Всякая школа славна не числом, а славою своих учеников. Но талант не так несокрушим, как думают. Его можно погубить, и даже легко. Талант неокрепший гораздо легче сбить с толку, чем посредственность; его легче привести в противоречие с собой и со всеми окружающими. Не давая ему развиваться на свободе, его можно довести до того, что он будет казаться ниже посредственности и сделается зимоспящим. Да не только талант, и простую любознательность нетрудно заглушить...»

Ах, как упорно глушат, как не допускают в университеты «неплатежеспособных»! Теряя, может быть, Ломоносовых, Менделеевых, Павловых, Пироговых!..

Чрезвычайно важна и роль самопознания, *самовоспитания*, считает Пирогов, и — доверительно, искренне — в «Дневнике старого врача», как в свое время и о своих врачебных ошибках, дабы предостеречь других, начинающих: «Иногда ни с того, ни с сего приходят мысли до того низкие и подлые, что при первом появлении из тайника души невольно бросают в краску — иногда даже чувствуешь, как будто эти мысли не твои, а другого, самого низкого существа, живущего в тебе. Апостол Павел уже давно заметил, что не хочешь делать зло, а делаешь его нехотя. Великая правда! И еще чаще замечаем это на мысли: не хочешь мыслить мерзко, а мыслишь, — и беда, если вначале же не убережешься, не подметишь самого себя и впору не остановишься».

Ведь к дурной мысли, дурному делу — привыкаешь, это поначалу — страшно, а там — чем дальше, тем легче, и оправдания себе все проще сыскать. И — все! «Еще одна такая победа, и я потерян».

В статье «Быть и казаться», написанной в Одессе, Пирогов, презирающий «суетность и тщеславие», ложь и притворство, скажет: «Но кто хочет идти вперед, не по одним только грязным и пыльным улицам, тот найдет в душе довольно силы и вести борьбу с собой, и следить за первыми обнаруживаниями душевной двойственности у своих детей. Первое ее проявление есть притворство и ложь».

«Быть, а не казаться — девиз, который должен носить в своем сердце каждый гражданин, любящий свою родину, — был уверен Н.И. Пирогов. — Служить правде — как в научном, так и в нравственном смысле этого слова. Быть человеком».

Вот еще немного самых любимых афоризмов и мыслей Н.И. Пирогова:

— Если последователи торгового направления в нашем реальном обществе нам с улыбкою намекают, что теперь не нужно вдохновения, то они не знают, какая горькая участь ожидает их в будущем, пресыщенных и утративших Небесный дар, единственную нашу связь с Верховным Существом.

— Без вдохновения нет воли, без воли нет борьбы, а без борьбы — ничтожество и произвол.

— Между молодежью в последнее время встречались и такие личности, которые никак не хотели настолько закабалить мысль, чтобы остановиться на дважды два — четыре. «Мысль моя свободна, — утверждали они, — и я хочу — при- му, хочу — нет, какую ни на есть математическую аксиому».

Этим лицам и в голову никогда не приходило, что распушенность мысли и воли есть страшный недуг, от развития которого в себе должен беречься каждый из нас, кто не хочет покончить с собою самоубийством или домом умалишенных. Каждый настолько должен быть свободен, чтобы избрать для себя то или другое мировоззрение, но, избрав, должен на нем остановиться, по крайней мере, до той поры, пока заменит его другим, новым.

— Не предавайтесь отчаянию и безверию в хорошее, это — модная болезнь нашего общества, очень понятная, неизбежная, чисто нервная, и, как все нервные болезни, требующая воли со стороны больных, чтоб ей не совсем поддаться.

— Не всё же жить в настоящем, надо уметь жить и в будущем; а без этого умения — беда; не имея его, да имея слишком живое чувство, можно попасть бог знает куда.

— Служите верно науке и правде и живите так, чтобы, состарившись, вы могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.

...Первая педагогическая статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» (вторая редакция) спасла меня, помогла выжить после потери мамы. Ей было только 65. Как неожиданно и страшно это случилось! Как была слепа, и этой слепостью безмерно виновата я! Да, сверх всякой меры и, не боюсь сказать, — бессовестно! — загруженная работой, просмотрела угрозу, опоздала... Надежду на встречу, прощение, действительный и ответственный шаг к вере даровал мне Н.И. Пирогов.

Он писал:

— Мои религиозные убеждения не оставались в течение моей жизни одними и теми же. Я сделался, но не вдруг... и не без борьбы, верующим.

— Веру я считаю психической способностью человека, которая более всех других отличает его от животных.

— Не думаю, что кому-нибудь из мыслящих людей удалось в течение целой жизни руководствоваться одним и тем же мировоззрением; но полагаю, что вся умственная наша жизнь, в конце концов сводится на выработку, хотя бы для домашнего обихода, какого-либо воззрения на мир, жизнь и себя самого. Эта постоянная работа, правда, мешает установлению status quo, но все-таки, не прерываясь, тянется красною нитью чрез целую жизнь и не перестает руководить, как и управлять, более или менее нашими действиями. Колебания и сомнения при этой разработке, конечно, неизбежны, но они далеко не те, которые обременяют человека, считающего для себя остано-

ку на чем-нибудь определенном нарушении свободы мысли и воли.

Очень хочу привлечь внимание к большой выдержке из второй редакции статьи «Вопросы жизни». Знаю, что она — малодоступна, но, право же, стоит не пожалеть времени и усилий для ее осознания.

Вражда предполагает ненависть, осуждаемую Откровением. Борьба же — присутствие духа и сознание внутренней силы, доставляемое нам верою в Откровение и самопознанием. В Откровении нужно отличать, что имело непосредственное приложение к тогдашнему обществу, от того, что останется вечным для целого человечества; нужно отличать идеал, к которому мы должны беспрестанно стремиться, от действительности, с которою мы должны беспрестанно бороться.

Это-то изложение резкими чертами недостижимого и практически-действительного и свидетельствует о святости и вечной ненарушимости начал, благовествуемых Откровением. Итак, в какое бы положение вы ни были поставлены обществом, обстоятельствами, судьбою, — боритесь без вражды. Любите то, с чем вы вступаете в борьбу; имейте привязанность к тому, что вы хотите победить. Тем слаще будут для вас плоды победы, тем славнее торжество победителя. Одно любите потому, что этого требует ваша земная отчизна; имейте привязанность к другому потому, что оно вселяет в вас смирение и скромность, напоминая вам о ваших слабостях и несовершенствах, и заставляет вас обращаться с упованием к утешительным источникам вашего нравственного бытия: святому Откровению и самопознанию.

«...Вечное блаженство и небесное царство — за твердость и постоянство в борьбе. Адам, вечною смертью и мучением угрожает Откровение за бессилие и падение. Понятия — а потому и суждения наши — об отвлеченных предметах всегда будут различны, смотря по различной степени образования и организации общества, в котором мы живем. Поэтому предоставим каждому представлять себе и вечное блаженство, и небесное царство, и вечное мучение — так, как убеждает его собственное самопознание. Пусть материальный человек, не дошедший еще чрез отвлечение до отделения вполне своего вещественного быта от духовного, представляет себе рай в виде сада, ад — в виде раскаленной печи. Образуйте его, изошрите его самопознание; но без этого не нарушайте его убеждений. Результаты их так же утешительны, благодатны и высоки, как и результаты ваших отвлеченных убеждений. От-

рицатели высокого, вечного, неземного в Откровении приводят, обыкновенно, в доказательство своих мнений, что и мир языческий знал бессмертие, имел свой Аид и Елисейские поля.

Если высокие умы в языческом мире и имели убеждения о бессмертии, сходные с нашими, то что доказывает это? Не то ли, что дух Божий искони витал в человечестве без его сознания? Человечество, как и каждый человек, медленно совершенствовалось в самопознании; шло же и идет не прямым путем к этой высокой цели, но, блуждая и уклоняясь, извилистыми тропами. Еще языческое осталось в христианстве; христианское было и в язычестве. И разве уменьшается благотворное действие эфирования и высокое достоинство этого открытия, когда мы скажем, что оно уже было известно за несколько тысячелетий китайцам?!

Каковы ни были понятия язычников и ваши о вечном блаженстве и аде, ожидающих человека за гробом, — в том, верное, согласится большая часть людей, упражнявшихся в отвлечении, что самое утешительное в этой мысли есть именно продолжение жизни, продолжение существования, хотя и в другом виде, — жизнь духа, лишенного всех слабостей и несовершенств материи. Но и только. Будет ли это существование духа соединено с сознанием своего существования, может ли оно быть соединено с наслаждением или мучением, об этом мы не можем иметь ни малейшего понятия, покуда мы живем материально. Одна смерть может решить эти вопросы, да и то еще едва ли для каждого из нас.

Самое разделение духа от материи есть чисто условное, необходимое только при наших настоящих, еще самых поверхностных понятиях о материи. Если подумать, сколько заключается в этом слове: материя! Это — вся Вселенная, следовательно, Безграничное, Беспредельное. Много ли нам известно о свойствах этого Безграничного? Не смешна ли после этого близорукость тех, которые думают, что они в состоянии определить материю, определить Беспредельное?! Много, много, если мы можем сказать еще что-нибудь о некоторых свойствах материи нашей планеты, да и то давно ли самые существенные из них (электричество, свет, магнетизм) подвергнуты тщательным исследованиям, и между несколькими известными нам проявлениями этих свойств сколько еще скрывается неизвестных!

Можем ли мы сказать с уверенностью: это — материя, это — не материя, тогда как с каждым днем мы узнаем существование новых веществ, которые еще вчера для нас не существовали? Даже на одной нашей небольшой планете мы окруже-

ны, нет сомнения, целыми мирами неизвестных еще существ, требующих неимоверного изощрения наших грубых чувств для своего проявления. Нам неизвестны даже границы, до которых наши чувства могут быть изощрены. Где был для нас (за несколько столетий) целый мир инфузорий? Что был для нас вообще целый микроскопический мир?

Кто же, самоуверенный, убедит нас, что кроме этого грубого, вещественного мира, постигаемого нашими чувствами, не может существовать и вокруг нас еще другой, скрытый от них, составленный из вещества несравненно более тонкого, так тонкого, что оно для нашего ограниченного ума уже переступает пределы материи и делается духом?

Если же невесомые тела могут проникать и выполнять все поры нашей материи и своим сотрясением оживлять ее, то какие поры могут остаться непроницаемыми для того, что в неизмеримой степени тоньше и эфирнее всех невесомых?

Если же простые чувства открывают в невесомых столько загадочных, непостижимых свойств, которые резко противоречат нашим понятиям об обыкновенной материи, то какими свойствами не может обладать это нечто, когда мы представим его несравненно менее материальным, нежели все невесомые?

Если нашему рассудку трудно предположить в материи сознание, то ему также трудно отвергать это свойство в предполагаемом веществе, выступившем за пределы обыкновенных понятий о материи.

Короче, нет определенных границ, где оканчивается материя, где начинается дух, потому что нам неизвестны еще ни границы, ни свойства материи.

Но если мы в состоянии себе вообразить, что все тончайшие промежутки атомов, составляющих нашу грубую телесную оболочку, содержат в себе еще несравненно тончайшие атомы духа, то можно также вообразить, что эти эфирные атомы, беспрестанно колеблясь, сохраняют еще и прежнюю форму материальной оболочки, облекавшей их, даже тогда, когда она уже разрушилась и слилась с стихиями земли.

Как видения, как бесплотные тени, могут нам представиться колеблющиеся атомы душ наших ближних, сохранившее еще наружный вид грубой их оболочки, привлекаемые сродством с атомами нашей собственной души, в минуты тождественных сотрясений, во время всемирных и частных катастроф нашей жизни, когда наш дух бывает сильнее расположен к разъединению с телом.

Соединение грубой материи нашего тела с эфирною духа может быть тесно до совершенного слития, слабо до разъеди-

нения. Чем грубее материя, чем менее она проникнута эфиром духа, тем более она препятствует его колебаниям, тем теснее она облекает его, тем менее способны атомы этого эфира принимать и удерживать наружный вид нашей телесной оболочки.

У одних еще при жизни мы видим стремление к разъединению духовного эфира от телесной материи; у других и самая смерть не способствует его проявлениям; его индивидуальное существование оканчивается, сливаясь с мировым эфиром невесомых.

Чем более во время нашей жизни дух был склонен к разъединению от материи, чем более он находил пространства в материи для обнаруживания своего главного свойства — беспрерывного колебания, тем сильнее была его власть над телом, тем способнее он делался индивидуализироваться, принимать вид наружной их оболочки, ощущать ее впечатления и, сообщая ей свои невещественные свойства, возвышать и облагораживать ее.

Кто будет отвергать, что связь и отношения атомов этого духовного эфира к атомам материи должны быть совершенно другие у Сократа и Ньютона, чем у кретина и идиота? Но у всех нас и грубая материя, и этот тончайший эфир бессмертны. Материя бессмертна, потому что, разрушаясь, принимает новые виды, никогда не исчезает; а духовный эфир, оставив материю, сливается с мировым целой вселенной. Но, сливаясь, он или утрачивает свою особость, или же, получив однажды от материи сознание об этой особости, сохраняет и ее навеки. Каждому из нас дана, хотя и в различной степени, способность обособить ваш духовный эфир, начиная его разъединять еще в нашей земной жизни, от тела, утончая, возвышая, облагораживая нашу материю, раздвигая пространства между ее атомами, способствовать движениям эфира, делать его всё более и более восприимчивым к ощущениям материальным, изошрять его сознание чрез самую же материю, готовить его, чтобы он и за гробом сохранял это сознание.

Пусть будет это мечта для недоступных к отвлечениям, но для нас она все-таки останется утешительною и высокою.

Жить на земле для усовершенствования, для облагорожения материи; готовить себе чрез земное бытие путь к бессмертию, к сохранению сознания о себе и за гробом, — кто, посмотрев с этой точки зрения на жизнь, не поймет, что при таком взгляде наши мысли, намерения, речи и поступки получают другое направление?! Но что же будет, когда мы усвоим этот взгляд до степени убеждения? Тогда какой заветный

идеал высокого и святого останется для нас непривлекательным, недостижимым? Какая жертва останется для нас невозможной, чтобы жить для бессмертия, жить сознательно, вечно? Вот наш эдем, вот вечное блаженство Откровения. Утратить духовное сознание и слиться с грубыми стихиями земли — вот вечный ад. Пусть же каждый из нас решит с убеждением этот столбовой вопрос жизни: жить, совершенствуясь; отвлечением развивать сознание в эфире Творящего, Который витает в нас, стремясь беспрестанно слиться с общим эфиром вселенной; самопознанием уничтожать дуализм, происходящий от сознания бытия в материи. В этой же жизни стремиться к разъединению духа от тела, возвышая его до управления материей, а материю облагораживая до свойства быть управляемою духом. Только тот, кто в здешней жизни проложил себе этот путь, достигнет бессмертия, только он одушевится предчувствием, что его ожидает за гробом. Кто был так несчастлив, неспособен, ленив и ничтожен, что не хотел воспользоваться самою высшею способностью человека — развивать сознание себя до самопознания и одерживать чрез то верх над материею, — тот должен отказаться от бессмертия, которого он не в состоянии был и предчувствовать. Много званых, мало избранных».

Великий русский хирург, учёный-анатом, естествоиспытатель и педагог, профессор, создатель первого атласа топографической анатомии человека, основоположник русской военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук, Тайный советник, прекрасный семьянин, любящий супруг и отец — Человек, гордость русского народа.

Ожидая в 1860 году окончательной отставки (ему было только 50 лет!), Н.И. Пирогов писал баронессе Э.Ф. Раден: «...Итак, я решил спокойно ждать отставки, благодаря Бога и за то, что Он сохранил мне чистую совесть и незапятнанную честь. <...> Я не совершил ни одного поступка, которого не мог бы оправдать перед судом своей совести. Больше этого я не мог сделать, но сделать это было для меня священным Долгом...»

Дай, Боже, любому из нас исполнить свой долг и помнить: «Потомство — бессмертие земли!» И — «Не говорите, что не всякий может действовать для потомства. Всякий в своем кругу. Одна суетность и близорукость ищут участия в настоящем».

Николай ЛЕСКОВ

К 190-летию со дня рождения

Победность русского слова во многом определяется тем, что однажды, при гибельных для державы обстоятельствах, из глубин народной души поднимается голос, напоминающий о лучших чертах русского характера, о былинной силе, отваге, стойкости предков.

Николай Семёнович Лесков, автор крупных художественных полотен «Соборяне», «На ножах», «Обойдённые», более известен нынешнему поколению как создатель удивительных образов в своих сказовых повествованиях. Его Левша, Однодум, «очарованный странник» Иван Северьянович Флягин, положивший отдать жизнь на поле брани за Отечество, наравне с Дубровским, Тарасом Бульбой, Андреем Болконским живут нераздельно в нашем сознании с такими историческими личностями, как Иван Сусанин, Минин и Пожарский, Денис Давыдов, Александр Матросов, Алексей Маресьев...

В новой истории, когда Россия, одна из великих держав, оказалась сегодня на задворках капиталистического мира, и лихое племя смердяковых, лужиных, ноздрёвых, чичиковых бросилось рвать добычу, настал час вспомнить лучшие качества русской души — братолюбие, милосердие, сострадание. Любовь Онисимовна, бывшая крепостная, невеста «тупейного художника» Аркадия Ильича, наставляла своего воспитанника: «А ты, хороший мальчик... никогда не выдавай простых людей: потому что простых людей ведь надо беречь, простые люди всё ведь страдают!».

ЧЕЛОВЕК НА ЧАСАХ

РАССКАЗ

Глава первая

Событие, рассказ о котором ниже сего предлагается вниманию читателей, трогательно и ужасно по своему значе-

ЛАРЕЦ

нию для главного героического лица пьесы, а развязка дела так оригинальна, что подобное ей даже едва ли возможно где-нибудь, кроме России.

Это составляет отчасти придворный, отчасти исторический анекдот, недурно характеризующий нравы и направление очень любопытной, но крайне бедно отмеченной эпохи тридцатых годов совершающегося девятнадцатого столетия.

Вымысла в наступающем рассказе нет нисколько.

Глава вторая

Зимой, около Крещения, в 1839 году в Петербурге была сильная оттепель. Так размокропогодило, что совсем как будто весне быть: снег таял, с крыш падали днем капли, а лед на реках посинел и взялся водой. На Неве перед самым Зимним дворцом стояли глубокие полыньи. Ветер дул теплый, западный, но очень сильный: со взморья нагоняло воду, и стреляли пушки.

Караул во дворце занимала рота Измайловского полка, которую командовал блестяще образованный и очень хорошо поставленный в обществе молодой офицер, Николай Иванович Миллер (впоследствии полный генерал и директор лицея). Это был человек с так называемым «гуманным» направлением, которое за ним было давно замечено и немножко вредило ему по службе во внимании высшего начальства.

На самом же деле Миллер был офицер исправный и надежный, а дворцовый караул в тогдaшнее время и не представлял ничего опасного. Пора была самая тихая и безмятежная. От дворцового караула не требовалось ничего, кроме точного стояния на постах, а между тем как раз тут, на караульной очереди капитана Миллера при дворце, произошел весьма чрезвычайный и тревожный случай, о котором теперь едва вспоминают немногие из доживающих свой век тогдашних современников.

Глава третья

Сначала в карауле все шло хорошо: посты распределены, люди расставлены, и все обстояло в совершенном порядке. Государь Николай Павлович был здоров, ездил вечером кататься, возвратился домой и лег в постель. Уснул и дворец. Наступила самая спокойная ночь. В кордегардии тишина. Капитан Миллер приколот булавками свой белый носовой платок к высокой и всегда традиционно засаленной сафьянной спинке офицерского кресла и сел коротать время за книгой.

Н.И. Миллер всегда был страстный читатель, и потому он не скучал, а читал и не замечал, как уплывала ночь; но вдруг, в исходе второго часа ночи, его встревожило ужасное беспокойство: пред ним является разводный унтер-офицер и, весь бледный, объятый страхом, лепечет скороговоркой:

— Беда, ваше благородие, беда!

— Что такое?!

— Страшное несчастье постигло!

Н.И. Миллер вскочил в неописанной тревоге и едва мог толком дознаться, в чем именно заключались «беда» и «страшное несчастье».

Глава четвертая

Дело заключалось в следующем: часовой, солдат Измайловского полка, по фамилии Постников, стоя на часах снаружи у нынешнего Иорданского подъезда, услышал, что в полынье, которою против этого места покрылась Нева, заливается человек и отчаянно молит о помощи.

Солдат Постников, из дворовых господских людей, был человек очень нервный и очень чувствительный. Он долго слушал отдаленные крики и стоны утопающего и приходил от них в оцепенение. В ужасе он оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной и ни здесь, ни на Неве, как назло, не усматривал ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не может, и он непременно зальется...

А между тем, тонущий ужасно долго и упорно борется.

Уж одно бы ему, кажется, — не трата сил, спускаться на дно, так ведь нет! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнут, то опять начинают раздаваться, и притом всё ближе и ближе к дворцовой набережной. Видно, что человек еще не потерялся и держит путь верно, прямо на свет фонарей, но только он, разумеется, все-таки не спасется, потому что именно тут на этом пути он попадет в иорданскую прорубь. Там ему нырок под лед и конец... Вот и опять стих, а через минуту снова полощется и стонет: «Спасите, спасите!» И теперь уже так близко, что даже слышны всплески воды, как он полощется...

Солдат Постников стал соображать, что спасти этого человека чрезвычайно легко. Если теперь сбежать на лед, то тонущий непременно тут же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестик, или подать ружье, и он спасен. Он так близко, что может схватиться рукою и выскочить. Но Постников помнит и службу, и присягу; он знает, что он часовой, а

часовой ни за что и ни под каким предлогом не смеет покинуть своей будки.

С другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: так и ноет, так и стучит, так и замирает... Хоть вырви его да сам себе под ноги брось, — так беспокожно с ним делается от этих стонов и воплей... Страшно ведь слышать, как другой человек погибает, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, к тому есть полная возможность, потому что будка с места не убежит и ничто иное вредное не случится. «Иль сбежать, а?.. Не увидят?.. Ах, господи, один бы конец! Опять стонет...»

За один полчаса, пока это длилось, солдат Постников совсем истерзался сердцем и стал ощущать «сомнения рассудка». А солдат он был умный и исправный, с рассудком ясным, и отлично понимал, что оставить свой пост есть такая вина со стороны часового, за которую сейчас же последует военный суд, а потом гонка сквозь строй шпицрутенами и каторжная работа, а может быть даже и «расстрел»; но со стороны вздувшейся реки опять наплывают все ближе и ближе стоны, и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— Т-о-о-ну!.. Спасите, тону!

Тут вот сейчас и есть иорданская прорубь... Конец!

Постников еще раз-два оглянулся во все стороны. Нигде ни души нет, только фонари трясутся от ветра и мерцают, да по ветру, прерываясь, долетает этот крик... может быть, последний крик...

Вот еще всплеск, еще однозвучный вопль, и в воде забулькотало.

Часовой не выдержал и покинул свой пост.

Глава пятая

Постников бросился к сходням, сбежал с сильно бьющимся сердцем на лед, потом в наплывшую воду полыньи и, скоро рассмотрев, где бьется заливающийся утопленник, протянул ему ложку своего ружья.

Утопавший схватился за приклад, а Постников потянул его за штык и вытащил на берег.

Спасенный и спаситель были совершенно мокры, и как из них спасенный был в сильной усталости и дрожал и падал, то спаситель его, солдат Постников, не решился его бросить на льду, а вывел его на набережную и стал осматриваться, кому бы его передать. А меж тем, пока всё это делалось, на набережной показались сани, в которых сидел офицер существовавшей тогда придворной инвалидной команды (впоследствии упраздненной).

Этот столь не вовремя для Постникова подоспевший господин был, надо полагать, человек очень легкомысленного характера и притом немножко бестолковый и изрядный наглец. Он соскочил с саней и начал спрашивать:

— Что за человек... что за люди?

— Тонул, заливался, — начал было Постников.

— Как тонул? Кто, ты тонул? Зачем в таком месте?

А тот только отпырхивается, а Постникова уже нет: он взял ружье на плечо и опять стал в будку.

Смекнул или нет офицер, в чем дело, но он больше не стал исследовать, а тотчас же подхватил к себе в сани спасенного человека и покатил с ним на Морскую в съезжий дом Адмиралтейской части.

Тут офицер сделал пристава заявление, что привезенный им мокрый человек тонул в полынье против дворца и спасен им, господином офицером, с опасностью для его собственной жизни.

Тот, которого спасли, был и теперь весь мокрый, иззябший и изнемогший. От испуга и от страшных усилий он впал в беспамятство, и для него было безразлично, кто спасал его.

Около него хлопотал заспанный полицейский фельдшер, а в канцелярии писали протокол по словесному заявлению инвалидного офицера и с свойственной полицейским людям подозрительностью недоумевали, как он сам весь сух из воды вышел? А офицер, который имел желание получить себе установленную медаль «за спасение погибавших», объяснял это счастливым стечением обстоятельств, но объяснял нескладно и невероятно. Пошли будить пристава, послали наводить справки.

А между тем, во дворце по этому делу образовались уже другие, быстрые течения.

Глава шестая

В дворцовой караульне все сейчас упомянутые обороты после принятия офицером спасенного уопленника в свои сани были неизвестны. Там Измайловский офицер и солдаты знали только то, что их солдат, Постников, оставив будку, кинулся спасать человека, и как это есть большое нарушение воинских обязанностей, то рядовой Постников теперь непременно пойдет под суд и под палки, а всем начальствующим лицам, начиная от ротного до командира полка, доставнут страшные неприятности, против которых ничего нельзя ни возражать, ни оправдываться.

Мокрый и дрожавший солдат Постников, разумеется, сейчас же был сменен с поста и, будучи приведен в кордегардию,

чистосердечно рассказал Н.И. Миллеру всё, что нам известно, и со всеми подробностями, доходившими до того, как инвалидный офицер посадил к себе спасенного уопленника и велел своему кучеру скакать в Адмиралтейскую часть.

Опасность становилась всё больше и неизбежнее. Разумеется, инвалидный офицер всё расскажет приставу, а пристав тотчас же доведет об этом до сведения обер-полицеймейстера Кокошкина, а тот доложит утром государю, и пойдет «горячка».

Долго рассуждать было некогда, надо было призывать к делу старших.

Николай Иванович Миллер тотчас же послал тревожную записку своему батальонному командиру подполковнику Свиныну, в которой просил его как можно скорее приехать в дворцовую караульную и всеми мерами пособить совершившейся страшной беде.

Это было уже около трех часов, а Кокошкин являлся с докладом к государю довольно рано утром, так что на все думы и на все действия оставалось очень мало времени.

Глава седьмая

Подполковник Свинын не имел той жалостливости и того мягкосердечия, которые всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свинын был человек не бессердечный, но прежде всего и больше всего «службист» (тип, о котором нынче опять вспоминают с сожалением). Свинын отличался строгостью и даже любил щеголять требовательностью дисциплины. Он не имел вкуса ко злу и никому не искал причинить напрасное страдание; но если человек нарушал какую бы то ни было обязанность службы, то Свинын был неумолим. Он считал неуместным входить в обсуждение побуждений, какие руководили в данном случае движением виновного, а держался того правила, что на службе всякая вина виновата. А потому в караульной роте все знали, что придется претерпеть рядовому Постникову за оставление своего поста, то он и оттерпит, и Свинын об этом скорбеть не станет.

Таким этот штаб-офицер был известен начальству и товарищам, между которыми были люди, не симпатизировавшие Свиныну, потому что тогда еще не совсем вывелся «гуманизм» и другие ему подобные заблуждения. Свинын был равнодушен к тому, порицают или хвалят его «гуманисты». Просить и умолять Свинына или даже пытаться его разжалобить — было дело совершенно бесполезное. От всего этого он был закалён крепким закалом карьерных людей того времени, но и у него, как у Ахиллеса, было слабое место.

Свиньин тоже имел хорошо начатую служебную карьеру, которую он, конечно, тщательно оберегал и дорожил тем, чтобы на нее, как на парадный мундир, ни одна пылинка не села; а между тем несчастная выходка человека из вверенного ему батальона непременно должна была бросить дурную тень на дисциплину всей его части. Виноват или не виноват батальонный командир в том, что один из его солдат сделал под влиянием увлечения благороднейшим состраданием, — этого не станут разбирать те, от кого зависит хорошо начатая и тщательно поддерживаемая служебная карьера Свиньина, а многие даже охотно подкатят ему бревно под ноги, чтобы дать путь своему ближнему или подвинуть молодца, протежируемого людьми в случае. Государь, конечно, рассердится и непременно скажет полковому командиру, что у него «слабые офицеры», что у них «люди распущены». А кто это наделал? — Свиньин. Вот так это и пойдет повторяться, что «Свиньин слаб», и так, может, укор слабостью и останется несмываемым пятном на его, Свиньина, репутации. Не быть ему тогда ничем достопримечательным в ряду современников и не оставить своего портрета в галерее исторических лиц государства Российского.

Изучением истории тогда хотя мало занимались, но, однако, в нее верили, и особенно охотно сами стремились участвовать в ее сочинении.

Глава восьмая

Как только Свиньин получил около трех часов ночи тревожную записку от капитана Миллера, он тотчас же вскочил с постели, оделся по форме и, под влиянием страха и гнева, прибыл в караульную Зимнего дворца. Здесь он немедленно же произвел допрос рядовому Постникову и убедился, что невероятный случай совершился. Рядовой Постников опять вполне чистосердечно подтвердил своему батальонному командиру всё то же самое, что произошло на его часах и что он, Постников, уже раньше показал своему ротному капитану Миллеру. Солдат говорил, что он «богу и государю виноват без милосердия», что он стоял на часах и, заслышав стоны человека, тонувшего в полынье, долго мучился, долго был в борьбе между служебным долгом и состраданием, и, наконец, на него напало искушение, и он не выдержал этой борьбы: покинул будку, соскочил на лед и вытащил тонувшего на берег, а здесь, как на грех, попался проезжавшему офицеру дворцовой инвалидной команды.

Подполковник Свиньин был в отчаянии; он дал себе единственно возможное удовлетворение, сорвав свой гнев на По-

стникове, которого тотчас же прямо отсюда послал под арест в казарменный карцер, а потом сказал несколько колкостей Миллеру, попрекнув его «гуманерией», которая ни на что не пригодна в военной службе; но всё это было недостаточно для того, чтобы поправить дело. Подыскать если не оправдание, то хотя извинение такому поступку, как оставление часовым своего поста, было невозможно, и оставался один исход — скрыть всё дело от государя...

Но есть ли возможность скрыть такое происшествие?

По-видимому, это представлялось невозможным, так как о спасении погибавшего знали не только все караульные, но знал и тот ненавистный инвалидный офицер, который до сих пор, конечно, успел довести обо всем этом до ведома генерала Кокошкина.

Куда теперь скакать? К кому бросаться? У кого искать помощи и защиты?

Свиньин хотел скакать к великому князю Михаилу Павловичу и рассказать ему всё чистосердечно. Такие маневры тогда были в ходу. Пусть великий князь, по своему пылкому характеру, рассердится и накричит, но его нрав и обычай были таковы, что чем он сильнее окажет на первый раз резкости и даже тяжко обидит, тем он потом скорее смиляется и сам же заступится. Подобных случаев бывало немало, и их иногда нарочно искали. «Брань на вороту не висла», и Свиньин очень хотел бы свести дело к этому благоприятному положению, но разве можно ночью достигнуть во дворец и тревожить великого князя? А дожидаться утра и явиться к Михаилу Павловичу после того, когда Кокошкин побывает с докладом у государя, будет уже поздно. И пока Свиньин волновался среди таких затруднений, он обмяк, и ум его начал прозревать еще один выход, до сей поры скрывавшийся в тумане.

Глава девятая

В ряду известных военных приемов есть один такой, чтобы в минуту наивысшей опасности, угрожающей со стен осаждаемой крепости, не удаляться от нее, а прямо идти под ее стенами. Свиньин решил не делать ничего того, что ему приходило в голову сначала, а немедленно ехать прямо к Кокошкину.

Об обер-полицеймейстере Кокошкине в Петербурге говорили тогда много ужасающего и нелепого, но, между прочим, утверждали, что он обладает удивительным многосторонним тактом и при содействии этого такта не только «умеет сделать из мухи слона, но так же легко умеет сделать из слона муху».

Кокошкин в самом деле был очень суров и очень грозен и внушал всем большой страх к себе, но он иногда мирволил шалунам и добрым весельчакам из военных, а таких шалунов тогда было много, и им не раз случалось находить себе в его лице могущественного и усердного защитника. Вообще он много мог и много умел сделать, если только захочет. Таким его знали и Свиныин и капитан Миллер. Миллер тоже укрепил своего батальонного командира отважиться на то, чтобы ехать немедленно к Кокошкину и довериться его великодушию и его «многостороннему такту», который, вероятно, продиктует генералу, как вывернуться из этого досадного случая, чтобы не ввести в гнев государя, чего Кокошкин, к чести его, всегда избегал с большим старанием.

Свиныин надел шинель, устремил глаза вверх и, воскликнув несколько раз: «Господи, господи!» — поехал к Кокошкину.

Это был уже в начале пятый час утра.

Глава десятая

Обер-полицеймейстера Кокошкина разбудили и доложили ему о Свиныине, приехавшем по важному и не терпящему отлагательств делу.

Генерал немедленно встал и вышел к Свиныину в архалучке, потирая лоб, зевая и ежась. Всё, что рассказывал Свиныин, Кокошкин выслушивал с большим вниманием, но спокойно. Он во всё время этих объяснений и просьб о снисхождении произнес только одно:

— Солдат бросил будку и спас человека?

— Точно так, — отвечал Свиныин.

— А будка?

— Оставалась в это время пустою.

— Гм... Я это знал, что она оставалась пустою. Очень рад, что ее не украли.

Свиныин из этого еще более уверился, что ему уже всё известно и что он, конечно, уже решил себе, в каком виде он представит об этом при утреннем докладе государю, и решения этого изменять не станет. Иначе такое событие, как оставление часовым своего поста в дворцовом карауле, без сомнения должно было бы гораздо сильнее встревожить энергического обер-полицеймейстера.

Но Кокошкин не знал ничего. Пристав, к которому явился инвалидный офицер со спасенным утопленником, не видел в этом деле никакой особенной важности. В его глазах это вовсе даже не было таким делом, чтобы ночью тревожить усталого обер-полицеймейстера, да и притом самое событие

представлялось приставу довольно подозрительным, потому что инвалидный офицер был совсем сух, чего никак не могло быть, если он спасал утопленника с опасностью для собственной жизни. Пристав видел в этом офицере только честолюбца и лгуна, желающего иметь одну новую медаль на грудь, и потому, пока его дежурный писал протокол, пристав придерживал у себя офицера и старался выпытать у него истину через расспрос мелких подробностей.

Приставу тоже не было приятно, что такое происшествие случилось в его части и что утопавшего вытащил не полицейский, а дворцовый офицер.

Спокойствие же Кокошкина объяснялось просто, во-первых, страшною усталостью, которую он в это время испытывал после целодневной суеты и ночного участия при тушении двух пожаров, а во-вторых, тем, что дело, сделанное часовым Постниковым, его, г-на обер-полицеймейстера, прямо не касалось.

Впрочем, Кокошкин тотчас же сделал соответственное распоряжение.

Он послал за приставом Адмиралтейской части и приказал ему немедленно явиться вместе с инвалидным офицером и со спасенным утопленником, а Свиньина просил подождать в маленькой приемной перед кабинетом. Затем Кокошкин удалился в кабинет и, не затворяя за собою дверей, сел за стол и начал было подписывать бумаги; но сейчас же склонил голову на руки и заснул за столом в кресле.

Глава одиннадцатая

Тогда еще не было ни городских телеграфов, ни телефонов, а для спешной передачи приказаний начальства скакали по всем направлениям «сорок тысяч курьеров», о которых сохранится долговечное воспоминание в комедии Гоголя.

Это, разумеется, не было так скоро, как телеграф или телефон, но зато сообщало городу значительное оживление и свидетельствовало о неусыпном бдении начальства.

Пока из Адмиралтейской части явились запыхавшийся пристав и офицер-спаситель, а также и спасенный утопленник, нервный и энергичский генерал Кокошкин вздремнул и освежился. Это было заметно в выражении его лица и в проявлении его душевных способностей.

Кокошкин потребовал всех явившихся в кабинет и вместе с ними пригласил и Свиньина.

— Протокол? — односложно спросил освеженным голосом у пристава Кокошкин.

Тот молча подал ему сложенный лист бумаги и тихо прошептал:

— Должен просить дозволить мне доложить вашему превосходительству несколько слов по секрету...

— Хорошо.

Кокошкин отошел в амбразуру окна, а за ним пристав.

— Что такое?

Послышался неясный шепот пристава и ясные покрякивания генерала...

— Гм... Да!.. Ну что ж такое?.. Это могло быть... Они на том стоят, чтобы сухими высказывать... Ничего больше?

— Ничего-с.

Генерал вышел из амбразуры, присел к столу и начал читать. Он читал протокол про себя, не обнаруживая ни страха, ни сомнений, и затем непосредственно обратился с громким и твердым вопросом к спасенному:

— Как ты, братец, попал в полынью против дворца?

— Виноват, — отвечал спасенный.

— То-то! Был пьян?

— Виноват, пьян не был, а был выпимши.

— Зачем в воду попал?

— Хотел перейти поближе через лед, сбился и попал в воду.

— Значит, в глазах было темно?

— Темно, кругом темно было, ваше превосходительство!

— И ты не мог рассмотреть, кто тебя вытащил?

— Виноват, ничего не рассмотрел. Вот они, кажется. — Он указал на офицера и добавил: — Я не мог рассмотреть, был испужамшись.

— То-то и есть, шляется, когда надо спать! Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодетель. Благодородный человек жертвовал за тебя своею жизнью!

— Век буду помнить.

— Имя ваше, господин офицер? Офицер назвал себя по имени.

— Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ты православный?

— Православный, ваше превосходительство.

— В поминанье за здравие это имя запиши.

— Запишу, ваше превосходительство.

— Молись Богу за него и ступай вон: ты больше не нужен.

Тот поклонился в ноги и выкатился, без меры довольный тем, что его отпустили.

Свиньин стоял и недоумевал, как это такой оборот все принимает милостию Божиею!

Глава двенадцатая

Кокошкин обратился к инвалидному офицеру:

— Вы спасли этого человека, рискуя собственной жизнью?

— Точно так, ваше превосходительство.

— Свидетелей этого происшествия не было, да по позднему времени и не могло быть?

— Да, ваше превосходительство, было темно, и на набережной никого не было, кроме часовых.

— О часовых незачем поминать: часовой охраняет свой пост и не должен отвлекаться ничем посторонним, Я верю тому, что написано в протоколе. Ведь это с ваших слов?

Слова эти Кокошкин произнес с особенным ударением, точно как будто пригрозил или прикрикнул.

Но офицер не сробел, а, вылупив глаза и выпучив грудь, ответил:

— С моих слов и совершенно верно, ваше превосходительство.

— Ваш поступок достоин награды.

Тот начал благодарно кланяться.

— Не за что благодарить, — продолжал Кокошкин. — Я доложу о вашем самоотверженном поступке государю императору, и грудь ваша, может быть, сегодня же будет украшена медалью. А теперь можете идти домой, напейтесь теплого и никуда не выходите, потому что, может быть, вы понадобится.

Инвалидный офицер совсем засиял, откланялся и вышел.

Кокошкин поглядел ему вслед и проговорил:

— Возможная вещь, что государь пожелает сам его видеть.

— Слушаю-с, — отвечал понятиливо пристав.

— Вы мне больше не нужны.

Пристав вышел и, затворив за собою дверь, тотчас, по набожной привычке, перекрестился.

Инвалидный офицер ожидал пристава внизу, и они отправились вместе в гораздо более теплых отношениях, чем когда сюда вступали.

В кабинете у обер-полицеймейстера остался один Свињин, на которого Кокошкин сначала посмотрел долгим, пристальным взглядом и потом спросил:

— Вы не были у великого князя?

В то время, когда упоминали о великом князе, то все знали, что это относится к великому князю Михаилу Павловичу.

— Я прямо явился к вам, — отвечал Свињин.

— Кто караульный офицер?

— Капитан Миллер.

Кокошкин опять окинул Свинына взглядом и потом сказал:

— Вы мне, кажется, что-то прежде иначе говорили.

Свинын даже не понял, к чему это относится, и промолчал, а Кокошкин добавил:

— Ну всё равно: спокойно поживайте.

Аудиенция кончилась.

Глава тринадцатая

В час пополудни инвалидный офицер действительно был потребован к Кокошкину, который очень ласково объявил ему, что государь весьма доволен, что среди офицеров инвалидной команды его дворца есть такие бдительные и самоотверженные люди, и жалует ему медаль «за спасение погибавших». При сем Кокошкин собственноручно вручил герою медаль, и тот пошел щеголять ею. Дело, стало быть, можно было считать совсем сделанным, но подполковник Свинын чувствовал в нем какую-то незаконченность и почитал себя призванным поставить *point sur les i* (франц. — Точки над *i*. — Ред.).

Он был так встревожен, что три дня проболел, а на четвертый встал, съездил в Петровский домик, отслужил благодарственный молебен перед иконою спасителя и, возвратясь домой с успокоенною душой, послал попросить к себе капитана Миллера.

— Ну, слава богу, Николай Иванович, — сказал он Миллеру, — теперь гроза, над нами тяготевшая, совсем прошла, и наше несчастное дело с часовым совершенно уладилось. Теперь, кажется, мы можем вздохнуть спокойно. Всем этим мы, без сомнения, обязаны сначала милосердию божию, а потом генералу Кокошкину. Пусть о нём говорят, что он и недобрый и бессердечный, но я исполнен благодарности к его великодушию и почтения к его находчивости и такту. Он удивительно мастерски воспользовался хвастовством этого инвалидного пройдохи, которого, по правде, стоило бы за его наглость не медалью награждать, а на обе корки выдрать на конюшне, но ничего иного не оставалось: им нужно было воспользоваться для спасения многих, и Кокошкин повернул всё дело так умно, что никому не вышло ни малейшей неприятности, — напротив, все очень рады и довольны. Между нами сказать, мне передано через достоверное лицо, что и сам Кокошкин мною *очень доволен*. Ему было приятно, что я не поехал никуда, а прямо явился к нему и не спорил с этим проходимцем, который получил медаль. Словом, никто не пострадал, и всё сделано с таким тактом, что и вперед опа-

саться нечего, но маленький недочет есть за нами. Мы тоже должны с тактом последовать примеру Кокошкина и закончить дело с своей стороны так, чтоб оградить себя на всякий случай впоследствии. Есть еще одно лицо, которого положение не оформлено. Я говорю про рядового Постникова. Он до сих пор в карцере под арестом, и его, без сомнения, томит ожидание, что с ним будет. Надо прекратить и его мучительное томление.

— Да, пора! — подсказал обрадованный Миллер.

— Ну, конечно, и вам это всех лучше исполнить: отправьтесь, пожалуйста, сейчас же в казармы, соберите вашу роту, выведите рядового Постникова из-под ареста и накажите его перед строем двумястами розог.

Глава четырнадцатая

Миллер изумился и сделал попытку склонить Свинына к тому, чтобы на общей радости совсем пощадить и простить рядового Постникова, который и без того уже много перестрадал, ожидая в карцере решения того, что ему будет; но Свинын вспыхнул и даже не дал Миллеру продолжать.

— Нет, — перебил он, — это оставьте: я вам только что говорил о такте, а вы сейчас же начинаете бестактность! Оставьте это!

Свинын переменил тон на более сухой и официальный и добавил с твердостью:

— А как в этом деле вы сами тоже не совсем правы и даже очень виноваты, потому что у вас есть не идущая военному человеку мягкость, и этот недостаток вашего характера отражается на субординации в ваших подчиненных, то я приказываю вам лично присутствовать при экзекуции и настаивать, чтобы сечение было произведено серьезно... как можно строже. Для этого извольте распорядиться, чтобы розгами секли молодые солдаты из новоприбывших из армии, потому что наши старики все заражены на этот счет гвардейским либерализмом: они товарища не секут как должно, а только блох у него за спиною пугают. Я заеду сам и сам посмотрю, как виноватый будет сделан.

Уклонения от каких бы то ни было служебных приказаний начальствующего лица, конечно, не имели места, и мягкосердечный Н.И. Миллер должен был в точности исполнить приказ, полученный им от своего батальонного командира.

Рота была выстроена на дворе Измайловских казарм, розги принесены из запаса в довольном количестве, и выведенный из карцера рядовой Постников «был сделан» при усерд-

ном содействии новоприбывших из армии молодых товарищей. Эти неиспорченные гвардейским либерализмом люди в совершенстве выставили на нем все *point sur les i*, в полной мере определенные ему его батальонным командиром. Затем наказанный Постников был поднят и непосредственно отсюда на той же шинели, на которой его секли, перенесен в полковой лазарет.

Глава пятнадцатая

Батальонный командир Свиный, по получении донесения об исполнении экзекуции, тотчас же сам отечески навещил Постникова в лазарете и, к удовольствию своему, самым наглядным образом убедился, что приказание его исполнено в совершенстве. Сердобольный и нервный Постников был «сделан как следует». Свиный остался доволен и приказал дать от себя наказанному Постникову фунт сахара и четверть фунта чаю, чтоб он мог услаждаться, пока будет на поправке. Постников, лежа на койке, слышал это распоряжение о чае и отвечал:

— Много доволен, ваше высочордие, благодарю за отеческую милость.

И он в самом деле был «доволен», потому что, сидя три дня в карцере, он ожидал гораздо худшего. Двести розог, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили в сравнении с теми наказаниями, какие люди переносили по приговорам военного суда; а такое именно наказание и досталось бы Постникову, если бы, к счастью его, не произошло всех тех смелых и тактических эволюций, о которых выше рассказано.

Но число всех довольных рассказанным происшествием этим не ограничилось.

Глава шестнадцатая

Под сурдинкою подвиг рядового Постникова расползся по разным кружкам столицы, которая в то время печатной безголосицы жила в атмосфере бесконечных сплетен. В устных передачах имя настоящего героя — солдата Постникова утратилось, но зато сама эпопея раздулась и приняла очень интересный, романтический характер.

Говорили, будто ко дворцу со стороны Петропавловской крепости плыл какой-то необыкновенный пловец, в которого один из стоявших у дворца часовых выстрелил и пловца ранил, а проходивший инвалидный офицер бросился в воду

и спас его, за что и получили: один — должную награду, а другой — заслуженное наказание. Нелепый слух этот дошел и до подворья, где в ту пору жил осторожный и неравнодушный к «светским событиям» владыко, благосклонно благоволивший к набожному московскому семейству Свиных.

Проницательному владыке казалось неясным сказание о выстреле. Что же это за ночной пловец? Если он был беглый узник, то за что же наказан часовой, который исполнил свой долг, выстрелив в него, когда тот плыл через Неву из крепости? Если же это не узник, а иной загадочный человек, которого надо было спасать из волн Невы, то почему о нем мог знать часовой? И тогда опять не может быть, чтоб это было так, как о том в мире суесловят. В мире многое берут крайне легкомысленно и «суесловят», но живущие в обителях и на подворьях ко всему относятся гораздо серьезнее и знают о светских делах самое настоящее.

Глава семнадцатая

Однажды, когда Свиный случился у владыки, чтобы принять от него благословение, высокочтимый хозяин заговорил с ним «кстати о выстреле». Свиный рассказал всю правду, в которой, как мы знаем, не было ничего похожего на то, о чем повествовали «кстати о выстреле».

Владыко выслушал настоящий рассказ в молчании, слегка шевеля своими белевскими четками и не сводя своих глаз с рассказчика. Когда же Свиный кончил, владыко тихо журчащею речью произнес:

— Почему надлежит заключить, что в сем деле не всё и не везде излагалось согласно с полною истиной?

Свиный замялся и потом отвечал с уклоном, что докладывал не он, а генерал Кокошкин.

Владыко в молчании перепустил несколько раз четки сквозь свои восковые персты и потом молвил:

— Должно различать, что есть ложь и что неполная истина.

Опять четки, опять молчание и, наконец, тихоструйная речь:

— Неполная истина не есть ложь. Но о сем наименьше.

— Это действительно так, — заговорил поощренный Свиный. — Меня, конечно, больше всего смущает, что я должен был подвергнуть наказанию этого солдата, который хотя нарушил свой долг..

Четки и тихоструйный перебив:

— Долг службы никогда не должен быть нарушен.

— Да, но это им было сделано по великодушию, по состраданию, и притом с такой борьбой и с опасностью: он понимал, что, спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя... Это высокое, святое чувство!

— Святое известно Богу, наказание же на теле простолюдину не бывает губительно и не противоречит ни обычаю народов, ни духу Писания. Лозу гораздо легче перенести на грубом теле, чем тонкое страдание в духе. В сем справедливость от вас нимало не пострадала.

— Но он лишен и награды за спасение погибавших.

— Спасение погибающих не есть заслуга, но паче долг. Кто мог спасти и не спас — подлежит каре законов, а кто спас, тот исполнил свой долг.

Пауза, четки и тихоструй:

— Воину претерпеть за свой подвиг унижение и раны может быть гораздо полезнее, чем превозноситься знаком. Но что во всем сем наибольшее — это то, чтобы хранить о всем деле сем осторожность и отнюдь нигде не упоминать о том, кому по какому-нибудь случаю о сем было сказывано.

Очевидно, и владыко был доволен.

Глава восемнадцатая

Если бы я имел дерзновение счастливых избранных неба, которым, по великой их вере, дано проникать тайны Божия смирения, то я, может быть, дерзнул бы позволить себе предположение, что, вероятно, и сам Бог был доволен поведением созданной им смиренной души Постникова. Но вера моя мала; она не дает уму моему силы зреть столь высокого: я держусь земного и перстного. Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мне кажется, должны быть вполне довольны святым порывом любви и не менее святым терпением смиренного героя моего точного и безыскусственного рассказа.

ЗА ШИРМОЙ КОРОНАВИРУСА

На фоне всеобщего ковид-психоза практически незамеченным прошло важнейшее сообщение агентства ТАСС: «Совбез вскоре рассмотрит проект антинаркотической политики до 2030 года». В нём, в частности, отмечалось: *«Медведев констатировал, что несмотря на многие успешно реализованные меры, распространение и пропаганда наркотиков остаются реальной угрозой для безопасности России, вызовом для демографической ситуации и здоровья нации, вредят моральному состоянию общества».*

Сказано достаточно мягко и обтекаемо. На самом деле наркомания в России приобрела воистину апокалиптический масштаб, а цифра смертности от наркотиков в стране говорит, что давно пора «звонить во все колокола».

Вот что показывает статистика федеральных служб: периодически употребляют и знакомы с наркотиками больше 18 миллионов людей по всей России; около 8 миллионов человек являются зависимыми от запрещенных препаратов; 9 из 10 наркоманов используют инъекционные виды наркотиков; россияне потребляют 20% героина в мировом

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

обороте; в среднем страдают зависимостью люди моложе 18 лет; 6 из 10 наркоманов — совершеннолетние, но младше 30 лет; пятая часть из всего количества наркозависимых прибегала к опасным препаратам в возрасте до 13 лет; не являются редкостью наркоманы в возрасте менее 7 лет, но случаи, когда наркоман доживает до 30 и более лет, уникальны.

Не менее потрясающими являются данные с известного сайта «СтопЗависимость» и ряда других, отражающих реальное положение в области распространения всероссийского бедствия. Статистика наркозависимых в России в 2019 г. свидетельствует, что ежегодно 90 тысяч человек начинают принимать психотропные вещества. В среднем в России от употребления наркотиков погибает от 70 до 100 тысяч человек ежегодно!

Последние статистические данные по наркозависимым подросткам в Российской Федерации в 2019 году показывают: употребляли психотропные вещества более половины мальчиков и 20% девочек; до сих пор продолжают их употреблять — 45% мальчиков и 18% девочек; за последние 10 лет в 6,5 раз выросла женская наркомания.

Причём, как говорят эксперты, истинные масштабы трагедии можно только предполагать. За последние 10 лет количество наркозависимых в России возросло в 10 раз! Участились случаи детской и подростковой наркомании, а страна превратилась в подпольный рынок сбыта для такого тяжелого наркотика, как героин, на долю которого в РФ приходится 1/5 всего мирового оборота.

«На острие иглы» — материал с таким заголовком опубликовала «Российская газета». *«В условиях пандемии незаконный оборот наркотиков в России и в мире вырос в десятки раз, — говорится в сообщении. — Единственная сфера, которой пандемия пошла на пользу, — наркотрафик. Даже во время карантина он не только продолжает приносить огромную прибыль, но и многократно увеличивает обороты. В связи с этим Россию и другие страны после пандемии ждут тяжёлые испытания».*

Далее приведено обширное интервью с Юрием Николаевичем Ждановым — генерал-лейтенантом, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом России, возглавляющим Российскую секцию Международной полицейской ассоциации. *«Сообщения о наркопреступлениях по количеству затмили телефонные и интернет-мошенничества, не говоря об убийствах, грабежах и кражах», — констатирует корреспондент РГ. — В России действительно выросло число преступлений, связанных со сбытом, производством и пересылкой наркотиков, — отвечает Ю.Н. Жданов. — Европейским центром мониторинга наркотиков и наркомании и Европолom опубликован доклад «COVID—19: влияние на рынки Евросоюза». Эти докумен-*

ты представляют большой интерес для углубленного понимания происходящих событий и их влияния на национальную безопасность в нашей стране. Выводы и прогнозы не утешительны.

В краткосрочной перспективе нестабильность рынка наркотиков может привести к росту опасных методов употребления наркотиков и к появлению новых стратегий групп наркобизнеса, направленных на преодоление возникших препятствий. Люди, употребляющие наркотики, станут всё чаще пользоваться даркнетом (скрытой сетью между доверенными лицами. — Ред.), чтобы преодолеть последствия личного контроля, а доставка наркотиков по почте будет пользоваться ещё большей популярностью...

Кризис может усугубить социально-экономическое положение уязвимых групп населения, которые, в свою очередь, станут всё чаще прибегать к незаконной деятельности. Всё большее число людей вполне может попытаться с помощью криминала компенсировать потерю законных доходов и безработицу... Экономические потрясения могут привести к росту потребления наркотиков, как уже неоднократно наблюдалось в прошлом. В целом экономические последствия пандемии станут ключевым фактором в формировании будущего ландшафта организованной преступности».

Далее Юрий Николаевич подробно рассказывает о производстве, количествах и способах доставки различных видов наркотиков в разных странах и регионах мира. Причем наблюдается перевод деятельности наркомафии в «легальную» форму с целью отмывания доходов, полученных от торговли наркотиками: «К примеру, обладающие крупными денежными средствами преступные организации могут взять под свой контроль финансово неблагополучные законные предприятия либо уже в настоящее время, либо в долгосрочной перспективе», — отмечает Ю.Н. Жданов.

«Не будем лукавить — абсолютно, под корень, ликвидировать наркомафию невозможно. Но насколько реально в нынешних условиях ограничить её деятельность?», — говорит в заключение корреспондент. — На это Юрий Николаевич отвечает: «Реакция правоохранительных органов должна быть и, безусловно, будет. Вопрос — на что надо реагировать и как?.. Сегодня из-за частичного смещения оперативного внимания на охрану общественного порядка временно сократилось количество личного состава полиции, необходимое для проведения следственной и оперативно-розыскной работы в отношении серьезных ОПГ, вовлечённых в многочисленные виды преступлений. Задача всех правоохранительных органов состоит в том, чтобы не снижать активность в разработке высокорисковых

ОПГ и их лидеров, которые занимаются крупномасштабным производством и оборотом наркотиков».

Пока же, согласно приведённым данным, распространение и употребление наркотиков в России принимает всё более угрожающий характер, несмотря на все усилия правоохранительных органов.

«Сегодня наркобизнес схож с сетевым маркетингом. Почти каждый человек в период становления наркозависимости формирует вокруг себя коллектив «единомышленников». Большинство наркоманов зарабатывают на дозу, приводя новых клиентов к дилерам. К сожалению, колоссальный доход от наркоторговли позволяет мафии заполнять официальный бизнес в России, открывать рестораны, магазины, сети аптек, развлекательные комплексы. 30% оборота финансов в этой сфере оседают в карманах чиновников госаппарата, в качестве взятки», — сообщает сайт «Ваш нарколог».

Наркотики — страшный способ самоуничтожения народа. Год от года эта смертельная болезнь «молодеет» и, вместе с гибелью потребителей ядовитой отравы, убивает надежды на будущее...

При этом, по сравнению с 2000 годом, количество осуждённых за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось в несколько раз — до 120 тысяч человек. Но в этой печальной статистике преобладают именно несчастные потребители наркотиков, а не наркоторговцы, представляющие серьёзные ОПГ, и их покровители. Поэтому проблему борьбы с наркоманией и наркоторговлей можно решать только совместными усилиями всего общества, а не работой только одной полицейской структуры.

Мария МОНОМЕНОВА

ПРЕДАЛИ СВОИ ЖЕ

Её личный юбилей — 120 лет Московскому Художественному Академическому Театру имени Горького, в год, официально объявленный правительством Годом театра. Да, именно 2018-й год оказался для народной артистки Татьяны Васильевны Дорониной последним в её карьере.

Министерство культуры «поздравило» легенду русской сцены отставкой от должности руководителя созданного ею театра. Новым руководителем МХАТа имени Горького был назначен журналист Эдуард Бояков. Его заместителем по творческой работе стал артист Сергей Пускепалис, заместителем по литературной части — писатель Захар Прилепин.

Восемь лет я работала с Т.В. Дорониной, и все восемь — в её кабинете. Я знаю Татьяну Васильевну очень хорошо: не только как профессионала своего дела, но как человека. Фигура крайне противоречивая — дитя-исполин. Но вместе с тем необычайно цельная. Своим творчеством Доронина исповедовала чисто национальную идею, преподносимую ею как абсолютная истина: закланного Агнца она облачала в царские багряницы неизбежной русской Пасхи. Причём делала это смело, властно, порой по-есенински дерзко — а поэтому, что закономерно, была для многих слишком неудобной: до визга, до гадкой клеветы, до желания растоптать и опозорить. Здесь во всей красе вскрывался роковой для России конфликт — противостояние известных сил всему русскому: конфликт на национальной почве. Все годы существования доронинского МХАТа театр находился словно на пороховой бочке.

Репетиции. На них я ходила очень часто. Это было настоящее таинство! Репетиции порой длились всю ночь, чуть ли не до самого утра. Текст пьес Татьяной Васильевной разбирался досконально. Артисты буквально купались в смыслах, оттенках, в которые расцвечивались режиссером те или иные художественные образы. Кто говорит, что Доронина была слабым режиссёром, — банально лжёт. Один эпизод мог разбираться ею часами. Рождались действительно выношенные роли. Татьяна Васильевна была очень требовательной к актерам, задавала высочайшие планки, постоянно напоминая о необходимости «соответствовать уровню Художественного театра». Конечно, быть артистом у Дорониной оказывалось непросто. Те, кто не дотягивал до уровня психологического соответствия образу, то и дело получали от строгого и требовательного режиссёра хорошую встряску. Доронина шла навстречу и выстраивала «слабому актёру» роль чисто интонационно, определяя темпоритмы, помогая пластикой и прочими «костылями». Порой кончалось нервными срывами у артистов, но на следующий день результат был налицо, персонажи пьесы на глазах оживали.

Я прекрасно видела, кто из артистов соответствовал уровню её требований, а кто не дотягивал. Главная проблема заключалась в нехватке интеллекта, ибо сама Доронина блестяще образована, эрудирована, глубока, и мало кто мог соот-

ветствовать её уровню. Это очень огорчало. Всегда было немало жалко Татьяну Васильевну, хотелось, чтобы у гениального режиссёра была бы и гениальная труппа.

Весь наш репертуар для современного среднестатистического артиста был очень прост. Для того, чтобы не врать на сцене, нужно было, ни больше и ни меньше, быть личностью: всерьёз любить и понимать Россию, русскую литературу, нужно было разбираться во многих вопросах, в том числе глубокого противостояния Востока и Запада, читать Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, славянофилов... но главное — необходимо было быть совестливым человеком и знать Христа, ведь сцена — это огромное увеличительное стекло, под которым сразу видно, кто и что из себя представляет. Это и есть настоящий театр. Тот театр, который призван вести за собой, вызывает к лучшему в человеке, созидает. В противном случае слово превращается в пустой звук, тогда как от актёра Доронина требовала абсолютного максимума: «слово плоть быть». Поэтому те, кто не находили в своей душе зачатки личности, постоянно плюхались в лужу под названием «профнепригодность». Кто-то пытался сыграть человеческую глубину при её отсутствии, но, естественно, у них это не получалось. По сотому кругу Доронина задавала репетиционные трёпки, заканчивающиеся одним и тем же — разбором текста «по слогам».

Уровень Дорониной как актрисы и личности был на десять голов выше всех, кому приходилось с ней работать, поэтому многие по человеческой несовершенной природе её не любили, посмеивались, считали «странной». А в действительности её просто не вмещали. Впрочем, это классическая драма для всякого гениального человека, а Татьяна Васильевна абсолютно гениальна.

Но были, естественно, и те избранные, кто всерьёз тянулся за своим великим учителем — росли духовно и человечески; самоотверженно, по-детски чисто, с абсолютным доверием отдаваясь в добровольный плен доронинской школы актёрского мастерства, являвшейся, по сути, школой человеческой состоятельности. Преданные Дорониной, они преуспели и актёрски и возросли духовно. Да, конечно же, были в нашем коллективе те, кто в итоге не смог предать её тогда, когда жестоко предали остальные.

Но господа... господа... она ещё живая, она в здравом уме и в силе! В конце концов, она женщина! Средь бела дня, в центре Москвы иезуитски убивать человека... Или мир сошёл с ума? Сюжет, достойный художественного бреда Булгакова — столь любимого и почитаемого ею.

Не случайно одним из наиболее востребованных слов в лексиконе актрисы было слово «уничтожение». «Уничтоже-

ние страны», «уничтожение театра»... — всё это переживалось ею крайне болезненно, по-живому и всегда на пределе. И вот теперь... «уничтожение её самой».

Подлинная драматическая актриса остаётся драматической до самого последнего вдоха. И это тот случай, когда сцена и реальная жизнь нераздельны, когда в лучших традициях русского реалистического театра умереть на сцене значит умереть всерьёз.

Общаясь по должности с маститыми литераторами, я довольно плотно работала и с ректором Литинститута Сергеем Есиным (вхожим в кабмин и выбивавшим тогда звания для наших артистов), который в дни очередного гонения на доронинский МХАТ, устроенного либеральной театральной тусовкой во главе со Смелянским, говорил, что некоторые граждане спят и видят завладеть зданием нашего театра, расположенным в самом центре Москвы. Среди «граждан» фигурировала и фамилия Боякова, на тот момент директора театрального фестиваля «Золотая маска». «Но, — говорил Сергей Николаевич, — с живой Дорониной они сделать ничего не смогут — слишком велика фигура». Это было действительно так! И не смогли бы ничего сделать, если бы не предательство того, кто долгие годы был её правой рукой и кому она доверяла.

Вишнёвый сад продан, и купил его Лопахин. Пусть играет музыка, пусть все увидят, как Ермолай Лопахин «хватит топором по вишневому саду»! Какая же потрясающая была Раневская в исполнении Т.В. Дорониной в спектакле «Вишнёвый сад» режиссёра С.В. Данченко. Постановка оказалась пророческой. Счастливый Лопахин теперь при ноге нового директора, он важный фаворит, даже профессор, а Петя Трофимов всё так же, как и прежде, дурачок. Теперь всё так, как им удобно: не нужно соответствовать, по сути, не нужно «быть», достаточно лишь сыграть тот же самый патриотизм актёрски, сыграть плохенько, на трючку — всё равно никто ничего не поймёт, всё равно «занавес»!

12 сентября, в день рождения Татьяны Васильевны Дорониной, бывший артист МХАТ им. Горького, заслуженный артист России Андрей Чубченко, на своей странице ВКонтакте обратился к бывшим товарищам по цеху. Андрей Александрович публично высказал то, о чём болезненно переживают сейчас многие, те, у кого есть совесть и кому не безразлична судьба театра и Дорониной:

«Это — та Афиша спектакля «Без вины виноватые», которую новый худрук МХАТ Бояков сорвал со стены в костюмерном цехе и, топтав её ногами, кричал истеричным голосом: «Я наведу здесь порядок!» У художника по костюмам был шок. У меня, когда я туда зашёл, был не меньший.

Я испытал настоящий шок и боль, когда меня не пустили на сбор труппы в театр, в котором я проработал 28 лет после того, когда мы (небольшая группа) выступили в защиту Т.В. Дорониной. Я шёл туда с надеждой, что после нашего выступления большая часть труппы наберётся смелости, поднимется и выйдет из этого оккупированного зала... Но нет. Почти все молчали.

*Ладно, мои безликие партнёры, вам, наверно, есть, за что меня не любить. Могу понять. Но вы **все** предали не только своих товарищей, поверив обещаниям какого-то непонятого зверька в овечьей шкурке привести вам директоров и устроить кастинг для съёмок в кино и получать вместо нас наши роли в спектаклях... Вы предали своего настоящего худрука, своего учителя, а некоторые — свою родную мать. Она теперь в одиночестве, без родного дома, которому отдала всю свою жизнь! И вы ещё смеете обвинять нас, что она из-за нас не приходит в театр. И это после того, когда дверь в её кабинет высадили современным либеральным сапогом, который вы до сих пор продолжаете лизать.*

*Нет у вас больше права поздравлять её с Днём Рождения, называть учителем и матерью. Вы **навсегда** потеряли это право. Верите вы в Бога, не верите, а отвечать за **неё** придётся».*

Я знаю, как невыносимо больно ей сейчас! Она ушла глубоко в себя: в свой потрясающе одухотворённый и необычайно цельный Божий мир. Сможет ли кто-то когда-то вернуть её людям?

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год

(Ноябрь — декабрь)

Величайшие полководцы Русской Армии и Русского Флота — А.В. Суворов и канонизированный Русской Православной Церковью Ф.Ф. Ушаков жили и достигли своих военных подвигов при самом оболганном и самом высмеянном либералами Императоре Павле Первом, заключившем союз с наполеоновской Францией против Англии. (Кстати сказать, и Грузия вошла в состав России именно при Павле.)

Если бы не был убит Павел Первый, не было бы Аустерлица, не случилось бы «вторжения» армии Наполеона в Россию, не было бы Бородинского сражения и сожжения Москвы, не было бы огромных жертв Отечественной войны 1812 года.

Наполеон не собирался воевать с Россией. Наоборот, вместе с Павлом они договорились о создании экспедиционного корпуса по 35 тысяч человек с каждой стороны для вступления в Индию — колонию Англии. Поход должен был начаться в мае и завершиться в сентябре 1801 года.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Но русской истории суждено было пойти другим путём. Английский посол в Петербурге Чарльз Уитворт с помощью огромных денег срочно организовал из приближенных к царю гвардейских прихлебателей заговор против Павла, которые в ночь на 12 (24) марта 1801 года его предательски убили.

«Они промахнулись по мне в Париже, но попали в меня в Петербурге!», — воскликнул Наполеон, узнав об убийстве русского Императора («они» — англичане).

А теперь — еще более неожиданная постановка вопроса.

В 1812 году, по весьма непопулярному мнению некоторых историков, Наполеон всё же решился на поход в Индию, собрав для этого огромную армию, т.к. понимал, что Россия и ее царь (сын Павла) Александр I будут препятствовать этому походу. Воевать с Россией он не планировал и войну России не объявлял. (Мнение это, конечно же, спорно, однако имеет право на серьезное обсуждение.) В своем странном «вторжении» Бонапарт действительно и не думал идти на столицу недавней союзной Империи — Петербург. Согласно вышеуказанному непопулярному мнению, Москва ему была нужна для отдыха армии и пополнения провизии. Он предлагал Александру I заключить мирный договор, но тот, запуганный угрозами Англии и, помня о гибели отца, отказался. Александр решил его не пропускать и навязывал боевые столкновения, пока в конце концов не состоялось Бородинское сражение. В результате — сотни тысяч погибших с русской и французской стороны. А главную политическую выгоду от этой войны получила, как всегда, Англия.

Документальных подтверждений вышеизложенной истории огромное множество (как и аргументов ее противников). И было бы интересно и полезно их собрать воедино, логически сопоставить и осмыслить. Но этим всерьёз, с глубоким политическим анализом, никто, по высшему счету, не занимался, а официальные исторические учебники уже третье столетие повторяют одну и ту же либеральную масонскую версию, выгодную англо-саксам, об оккупации России Наполеоном. Но если бы он действительно хотел завоевать Россию, то пошел бы не на Москву, а на Петербург. Москва не была столицей. К тому же Петербург был в два раза ближе. Спрашивается (а это и есть главный «неразрешимый» вопрос): **зачем он пошел на Москву?** Для чего? Привычные школьные ответы на этот вопрос малоубедительны.

У нас часто Наполеона сравнивают с Гитлером. Однако Наполеон, в отличие от Гитлера, войну России не объявлял. А в своей переписке с Александром I он неоднократно просил царя заключить мир и множество раз называл себя другом

России. Но Александр упорно отвергал его дружбу. Вопрос: почему?..

Эта история, по главной сути, искажённо изложена в наших учебниках и в нашей литературе. Она ждёт своего досконального, подробного и правдивого освещения.

Но смерть Александра I, совпавшая с Декабрьским дворянским восстанием, даже более загадочна, а точнее говоря, вообще покрыта мраком, нежели более-менее понятная смерть Павла Первого.

* * *

В конце октября 2020 года все главные российские телеканалы целую неделю безостановочно мусолили основные новости — теракты в Ницце и в Вене, в которых в общей сложности погибли четыре человека. Но сразу после этого, 3 ноября, в Краснодарском крае водитель иномарки на высокой скорости влетел в группу людей, переходивших дорогу, в результате чего пять человек погибли и трое получили увечья. И ни один российский телеканал об этом даже не заикнулся. Гибель французов и австрийцев для них, конечно же, куда важнее. Был ли это теракт — мы никогда не узнаем.

В ночь на 6 ноября, когда всё информационное поле российских СМИ было посвящено президентским выборам в США, в городе Ельне Смоленской обл. сгорел частный дом, в котором погибли семь человек, пять из которых — дети. Старшему ребенку было 11 лет. О причинах пожара Интерфакс не сообщил. Кстати сказать, 27-летний хозяин дома остался жив. Ни один российский телеканал в своих новостях об этой трагедии не проорил ни звука.

Главам Франции и Австрии Путин выразил соболезнование. О выражении соболезнования со стороны власти семьям погибших в Краснодарском крае и Смоленской области — мы ничего не слышали. Можно не сомневаться, что соболезнований им не только не было, но и не могло быть.

* * *

Богу было угодно, чтобы во главе Украины и Америки оказались поставлены два гороховых шута. Придурочный Зеленский и невменяемый Байден стали физиономией этих, с позволения сказать, расколовшихся надвое искусственных «государств». Оба этих «государства» окончательно свихнулись на почве русофобии, оба — погрязли в запредельной коррупции, оба — до изжоги мечтают о гибели России, оба — скрипят зубами при упоминании Крыма...

Весь мир хохотал над американскими выборами. Теперь последнему дураку на этом свете стало понятно, что означает слово «фальсификация». Это слово стало синонимом американских выборов. Ничего подобного на свете еще никогда не было: демократы нагло и бесцеремонно сожрали Трампа, как беззащитного ягнёнка, понадеявшегося на американские законы. «Голосование по почте» (еще одно изобретение ублюдочной американской демократии) — это новое слово, ставшее синонимом слова «фальсификация». И эти американские ублюдки присвоили себе мировое право признавать или не признавать чьи-то выборы... Американских ублюдков на пушечный выстрел нельзя допускать ни к каким выборам в других странах. Ну разве что только на Украине... Пусть там тоже внедрят «голосование по почте»...

Но, собственно говоря, это хорошо, что в Пиндосии «победил» Байден. До этого мир ухохатывался над одним президентом-клоуном, теперь будет ухохатываться над двумя. Старый маразматик Байден, путающий имя сына с именем своей внучки, теперь станет мировым посмешищем №1, превосходящим в маразме президента-клоуна №2.

* * *

В Венесуэле и в Белоруссии американский проект под названием Гуайдо не прошел. Но зато прошел в самих США! Байден — это успешно приведённый к власти американский Гуайдо! На его стороне оказались все пиндосские трансгендеры, почти все штатовские этнолибералы (или, попросту говоря, евреи) и адепты новой расистской партии под названием «Жизни чёрных имеют значение». Но самое главное — в бюллетени, отданные за Гуайдо-Байдена, оказались вписаны американские *мертвые души*. Словно ожили в наше время гоголевские *мертвые души* и оказались мистически материализованными по воле штатовских демократов ради внедрения в Белый дом полумертвого Гуайдо-Байдена. Вот они-то, *мертвые души*, и решили исход дела в пользу американского Гуайдо. Трамп еще потрепыхается какое-то время, не признавая бесцеремонно сфальсифицированного результата «голосования по почте» и участия в «голосовании» *мертвых душ*, но изменить эту сатанинскую волю уже не сможет. Почти вся Европа признала победу новоявленного престарелого Гуайдо и уже до окончательного подсчета «почтовых голосов» поздравила его с успешно проделанной авантюрой.

Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко сделал официальное заявление о непризнании им «позорных и смехотворных американских выборов». Очень правильное и своевремен-

ное заявление. Не всё же госпоже Меркель объявлять о непризнании результатов выборов в Белоруссии. К тому же признанная Меркель и Макроном Гуайдо-Тихановская тоже одной из первых поздравила с «победой» своего пиндосского собрата по проекту. Всё идет к тому, что в скором времени будет создана всемирная корпорация Гуайдо на любой вкус — старых и молодых, чёрных, белых и жёлтых, в юбке, в штанах и в мундире с лампасами. *А мертвые души*, по примеру эталона демократии (США), будут на законных правах участвовать в выборах по всему миру.

* * *

«На войне как на войне», — публично высказался посол Азербайджана в Москве Полад Бюльбюль оглы после сбитого над территорией Армении нашего боевого вертолёта. Не первый раз в подобном ключе высказывается по отношению к России этот некогда прославленный в СССР певун, а ныне — нескрываемый русофоб. Видимо, по его безграмотно-нагловатому мнению, между Россией и Азербайджаном идет война. Возможно, она и идет в умах бакинских русофобов и даже нескольких миллионов азербайджанских гасарбайтеров, кормящихся на просторах России. Но если их посол в Москве сбитый российский вертолёт считает делом **на этой войне** обычным, то по военным законам он должен быть вышвырнут из нашей страны как представитель вражеского государства. Русофобов здесь без него хватает.

Естественно, никто его не тронул и никуда не выслал. Как же, прославленный певун... По нему чуть ли не каждая наша пенсионерка у телевизора сохнет...

В интернете гуляет видео из Санкт-Петербурга, в котором толпа азербайджанцев с национальными флагами под крики «Аллах акбар!» ликует в связи со сбитым нашим боевым вертолетом Ми-24 — сбитым с помощью ПЗРК с территории Азербайджана вне зоны боевых действий. В результате этого, как выразился Бюльбюль оглы, «случайного инцидента», два наших лётчика погибли и один был тяжело ранен. И как тут не спросить у посла «дружественного государства»: если это всего лишь «случайный инцидент», то отчего же было такое ликование его соотечественников в нашей культурной столице?

Но также нельзя не спросить и петербургскую власть: где в это время пребывала наша хваленая Росгвардия вместе с не менее хваленой полицией? Бдительно оберегали «масочный режим»? Но что-то на лицах ликующих азербайджанцев на видео не видно ни одной маски...

* * *

Как бы Азербайджан ни ликовал и ни праздновал *свою* «победу» над Арменией, на **его территории** теперь будет находиться российская военная база (сколько бы мы ни называли ее «миротворческим контингентом»). До большинства азербайджанцев это еще по-настоящему не дошло, но когда наконец дойдет, то они поймут, что в войне Азербайджана и Армении победила Россия. Более того, Нагорный Карабах отныне станет **российским анклавом** внутри территории Азербайджана, имеющим 50-километровый (шириной 5 км) Лачинский коридор в Армению. Окончательное осознание этого факта станет освежающим холодным душем как для московского русофоба Бюльбюль оглы вместе с другими бакинскими русофобами, так и для новоявленного раздухарившегося «Османа» по фамилии Эрдоган. Но гораздо более «дорогим» подарком, с которым придется ему навсегда смириться, российская база станет для ухмылённо злорадствующего «победителя», коммунистического отпрыска Ильхама Алиева. Если прежде Нагорный Карабах был армянским, то после «победоносной» для Алиева войны он стал российским. Ну, может быть, за исключением города Шуша...

Но вообще-то, по-русски говоря, там, в Карабахе, прищипили хвост Англии и Турции...

* * *

И дня не прошло с того момента, как обрадовались нормальные люди увольнению А. Чубайса с должности главы корпорации «Роснана». Уже в тот же день, 4 декабря, В.В. Путин подписал указ о назначении его спецпредставителем президента России по связям с международными организациями, как сказано в указе, «для достижения целей устойчивого развития».

«Я никуда не уйду!» — сказал Чубайс. И, как видим, Путин это подтвердил. Кто бы сомневался...

По случаю своего нового назначения Чубайс сделал залп из гаубицы в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Тем самым Чубайс хотел нам всем показать: «Рано радуетесь, голубчики...»

* * *

В Урус-Мартановском районе Чечни с почестями похоронили Абдуллаха Анзорова, обезглавившего учителя в пригороде Парижа. Тело террориста 5 декабря было доставлено из Франции. В церемонии прощания приняли участие около 200 человек. В село, где проходили похороны, пускали только местных жителей. Для охраны порядка были выставлены 65 полицейских.

Оказывается, в России есть территория, где с почестями хоронят террористов. И Кремль позволяет это делать. А в то же время по всей стране таскают по судам т.н. «русских экстремистов» за публикации в прессе.

* * *

Всемирная пандемия «коронавируса» в настоящее время играет роль Третьей мировой войны. Сколько она будет длиться — не знает никто. И погибнет в ней людей, скорее всего, даже больше, чем во Второй мировой. Эта война не скрывается, она была объявлена в публичных заявлениях Гейтса, Сороса, Чубайса... Ее предрекали, ее готовили, ее уже открыто во многих публикациях называют биологической войной. Мы в большинстве своем еще пару лет назад относились к этим публикациям и предсказаниям безразлично, равнодушно, однако теперь — стали свидетелями того, как она происходит.

Стало известно, что вирус т.н. «ковид» мутирует, т.е. меняет свою структуру. Поэтому и вакцину от него тоже придется постоянно изменять. А точнее говоря, любая вакцина будет просто-напросто не поспевать за мутацией коронавируса. И это означает, что биологическая война будет время от времени затухать и возобновляться вновь с нарастающей силой. Не зря ведь то и дело политические витии глобализма ставили нас перед фактом: «Мир изменился. Возврата к прошлой жизни не будет». Да, им бы этого очень хотелось. И чем изменения существеннее, зримее, сильнее — тем для них лучше.

Но мир действительно изменился. Он и впрямь стал другим. Мы теперь знаем, что такое «самоизоляция», «удалёнка», «безопасная дистанция», «перчаточно-масочный режим», «группы риска» и т.п. И более того, мы с этими новыми атрибутами жизни смирились, успели к ним привыкнуть, стали даже бояться тех, кто эти условия жизни не соблюдает. То есть не только мир, но и мы сами очень быстро стали другими. Биологическая война, выбивающая по всему миру людей физически, кроме этого, изменяет и человеческое сознание.

Мировая биологическая война, нацеленная глобалистскими монстрами на сокращение населения Земли, по их планам, должна не скоро закончиться. И выбьет она действительно миллионы людей. Высший разум попускает эту войну для *вразумления* человечества. Но, как известно, люди предполагают, а Бог располагает. Глобалистские монстры, судя по их открытым заявлениям, планируют сократить население планеты до 2-3-х миллиардов человек (при нынешних около 8 млрд.). Конечно, осуществить эти планы им не по зубам. Но мы, выжившие, станем свидетелями их многих

попыток движения к этой цели. И нынешняя биологическая война будет не единственной такой попыткой. Но, повторяю, располагает Бог, а не они.

* * *

В 90-е годы прошлого века либеральная пресса как только ни высмеивала т.н. «командно-административную систему» СССР, в противовес которой, конечно же, нахваливалась возделенная для этнолибералов система западно-рыночная. И к чему же мы в конце концов пришли? Частные продуктовые магазины, в погоне за легкой прибылью задравшие цены в условиях пандемии, по команде президента обязаны были эти цены снижать. То есть хваленая «рыночная» экономическая модель выродилась в еще более грубую и еще более выраженную «командно-административную систему». А прямее и точнее говоря — в своевольную, волюнтаристскую антисистему. 9 декабря В. Путин на «удалённом» совещании с министрами сказал: «Смотрите, как бы у нас не получилось, как в Советском Союзе было...» Эх, Владимир Владимирович, как в Советском Союзе было, у вас уже не получится. Выстроенная за 30 лет в России гораздо худшая командно-административная экономическая антисистема уследить за созданной при вашем участии анархической псевдорыночной сферой торговли — не в силах и не в состоянии. Цены как росли чуть ли не ежедневно в каждом продуктовом магазине, так и будут расти. И приставить к каждому из них личного администратора-контролёра вы не сможете. Да и внедренная при вашем участии экономическая антисистема не позволит этого сделать.

* * *

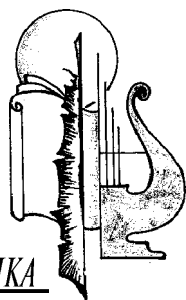
Русские люди, с трудом перебравшиеся из Украины в Россию на постоянное жительство, должны приложить огромные усилия для получения российского гражданства. Усилия, которые растягиваются порой на несколько лет. В лучшем случае — на год—полтора. Но вот в этом декабре очередной итальянец, решивший здесь обосноваться, обратился к В. Путину с просьбой предоставить ему российское гражданство — и с обычным громким телепиаром получил его уже через неделю. А до этого с не меньшим телетрезвоном российское гражданство получили просители Путина из Франции, США, Канады, Швейцарии и т.д. Они, конечно, для нас важнее русских людей, вырывающихся сюда из нацистской Украины... И чем это не еще одна яркая иллюстрация кремлевской командно-административной антисистемы?..

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Прошлый год был годом 120-летия Антуана де Сент-Экзюпери.

«Когда мы осмыслим свою роль на земле, пусть самую скромную и незаметную, тогда лишь мы будем счастливы. Тогда лишь мы сможем жить и умирать спокойно, ибо то, что даёт смысл жизни, даёт смысл и смерти».

Эту основополагающую, как мне представляется, мысль всего своего творчества, всей своей жизни Антуан де Сент-Экзюпери высказал на страницах своей книги «Планета людей», написанной в конце 30-х годов XX века. Книга эта философская и исповедальная. Она не похожа на произведения художественной литературы. Он прожил богатую событиями жизнь и решил написать книгу воспоминаний, а получилась поэма, где главными действующими лицами являются люди и вся Земля — планета людей. И среди этих людей, которых так много в своей жизни перевидал странствующий лётчик, под крылом которого оставались целые континенты, а великая пустыня Сахара была словно родным

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

домом, среди огромного скопища лиц и характеров не нашлось (вот удивительно!) ни одного плохого человека. Все люди, встреченные им в бесконечных скитаниях были либо добрыми его друзьями, как его знакомые лётчики, или наивными детьми природы, как сахарские бедуины, среди которых попадались и разбойники, торгующие людьми, а всё-таки и они напоминали... детей. Да, именно, детей. Именно эту детскость и непосредственность и ценил в людях такой странный лётчик и писатель, бродяга и философ, каким был Антуан.

Антуан Мари Жан-Батист Роже виконт де Сент-Экзюпери — вот настоящее его имя! По отцу он потомок древнего прованского дворянского рода, голубая кровь. Его предки некогда во времена крестовых походов с розой на щите и с мечом в руке шли освобождать Гроб Господень из рук мусульман. А он всю жизнь мечтал вырастить в своём саду прекрасную розу и поклоняться ей, как той красоте, что могла бы спасти мир. Вообще культ Розы свойственен западноевропейской культуре. Там даже Святую Деву называли Santa Roza (Святая Роза), видя в поклонении Деве поклонение Красоте в её высшем, святом значении. Помните, как у Пушкина:

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный —
Духом смелый и прямой...*

Рыцарю явилась сама Святая Дева, и он полюбил её, как земную женщину, при этом сравнив с розой, ведь этот цветок можно полюбить, но нельзя им плотски обладать, так как у него есть шипы... Можно лишь только восхищаться и поклоняться этому цветку. Это и есть рыцарская, неплотская, а духовная любовь к прекрасной женщине...

*...Между тем, как палладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам, —*

*Свет Небес, Святая Роза! —
Воскликнул всех громче он
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон...*

Это у Пушкина. А разве Антуан де Сент-Экзюпери, этот последний рыцарь Красоты, о которой он так много говорил на страницах своих произведений, не поклонялся всю жизнь неземной Розе, живущей и цветущей на какой-то иной планете, на той планете, где живёт Маленький Принц, словно паж, влюблённый в свою госпожу Розу и поклоняющейся ей... В этой вере в высшую красоту есть что-то детское, а Антуан де Сент-Экзюпери никогда и не скрывал, что до конца своих дней оставался ребёнком, большим ребёнком и очень сожалел, что взрослые — это те люди, которые забыли, что они когда-то были детьми.

Он родился точно в начале страшного и самого кровавого в истории человечества XX века 29 июня 1900 года в старинной дворянской семье в городе Лионе, и когда ему было 4 года, он лишился отца, умершего от инсульта. А отец его, несмотря на свой виконтский титул, был простым страховым служащим, канцелярской крысой и уж, наверное, не думал, что сын его станет покорителем воздушных сфер и поэтом всей планеты Земля. Большая семья (пятеро детей, и Антуан — третий ребёнок) осталась без кормильца. Пришлось бы туго, но помогла богатая бабушка и забрала внуков и внучек в свой замок в Провансе среди роскошной южной природы. Это помогло Антуану не повзреть слишком рано, жить среди цветов и каждодневно наблюдать за работой садовника, ухаживающего за кустами роскошных прованских роз. Впоследствии, испытав все тяготы бродячей судьбы лётчика и журналиста, Антуан признавался, что он всю жизнь мечтал быть садовником, выращивающим цветы, ибо это самое лучшее занятие на земле. Но непобедимый дух природного рыцаря рано сорвал его в большую дорогу жизни.

В 12 лет на большом празднике в Амберье-ан-Бюже мальчика взял с собой в показательный полёт лётчик Габриэль Вроблевски (Гаврила Вроблевский, проще говоря, поляк, один из пионеров авиации) и этим сломал судьбу «садовника человеческих душ», ибо юный Антуан уже учился в иезуитском колледже и мог бы стать католическим падре, к чему, кажется, всё располагало в восторженном маленьком принце из прованского замка. Впрочем, нет! Вряд ли по жизни большой ценитель женской красоты Антуан смог бы в дальнейшем соблюдать обет celibата, предписываемый католическим священникам, но любовь к Единственной Розе, тем не менее, проявилась в его судьбе и творчестве пылкой страстью к знойной жительнице Аргентины Консуэло Суэнцин из Буэнос-Айреса, которую суровый французский лётчик Экзюпери полюбил один раз — и на всю жизнь. Обычно пи-

шут, что у Консуэлы был тяжёлый характер, и писателю было с ней нелегко, но будешь иметь тяжёлый характер, если твой муж постоянно увлекается блондинками... Однако, как мы знаем из рассказа Маленького Принца, на его планете росло много цветов, которыми любовался и аромат которых вдыхал вечный ребёнок, но это были простые цветы, и они быстро увядали, а вот чудесная Роза была одна, и принц был готов пожертвовать жизнью ради неё.

Так и произошло в судьбе принца Антуана — на браслете лётчика, найденном на месте падения самолёта Экзюпери, погибшего 31 июля 1944 года, было выбито только одно имя: Консуэло... И адрес издательства, что опубликовало в 1942 году сказку «Маленький Принц». Говорят, что эту сказку Экзюпери посоветовала написать именно его жена, когда после 12 лет «тяжёлой» совместной жизни она поняла, что полюбила когда-то в Буэнос-Айресе большого ребёнка, что катал её на своём самолёте над ночной Аргентиной, любовался вместе с ней огнями «города Попутного Ветра» (Буэнос-Айрес — по-испански), читал ей стихи, рассказывал о полётах над Сахарой и Атлантическим океаном и так укутал пылкую креолку (Консуэла была родом из Сальвадора — маленькой страны в Латинской Америке, где живут потомки испанцев и индейцев — креолы), что к утру она согласилась стать его женой. Консуэла, полюбившая Антуана, как могут любить только женщины с южной кровью, тяжело переживала постоянные увлечения своего принца разными... блондинками, но не бросала его, как не бросает понимающая мать своё избалованное, но любимое дитя.

Несомненно, Антуан де Сент-Экзюпери был от природы человеком искусства. И как человек искусства он учился в Академии изящных искусств в Париже на отделении архитектуры, и в 1921 году получил степень бакалавра, но в этом же году был призван пройти военную службу и попал в воздушные части. Так он оказался рядом с самолётами и сразу вспомнил всё, что случилось с ним в 12-летнем возрасте. Он вспомнил ощущение полёта над прекрасной Землёй в открытой кабине самолёта, а самолёты тогда были именно такими — открытыми, и пилот чувствовал высоту, пространство, и ветер обдувал его. Экзюпери сделал всё, что мог, чтобы выучиться на лётчика, хотя службу начал механиком. Путь в лётчики ему был открыт — звание пилота в то время считалось высоким служением, немало дворянских отпрысков шло по этой стезе: вспомним, сколько лётчиков с дворянскими фамилиями было, к примеру, в эскадрилье «Нормандия-Неман» на советско-германском фронте. Во Фран-

ции это стало традицией — аристократам идти в лётчики, и Экзюпери получает сначала диплом пилота гражданской авиации, а потом некоторое время служит военным лётчиком, но попадает в авиакатастрофу, получает черепно-мозговую травму и признаётся негодным к военной службе. Ещё со времён учёбы в церковном колледже он начал писать сказки, и потому, не став военным лётчиком, он пытается стать писателем, но у него мало жизненного материала. Что он видел на этом свете? — замок в Провансе, стены учебных заведений и полёты на военных самолётах... Он пишет рассказ «Лётчик», получает даже некоторую известность как автор жизненного рассказа, но дальше... Надо было постигать мир! И самолёт помог ему в этом.

В то время начались пассажирско-почтовые рейсы из Франции в Испанию и даже в Африку, во французские колонии в Алжире и дальше через Сахару в Дакар, в Сенегал. Франция владела огромными землями в Западной Африке, вся Сахара — целый пустынный континент лежал неисследованным, неосвоенным, представлялся таинственной и необычайной землёй. Там бродили непокорные племена арабов-бедуинов, которые враждовали с французами и убивали французских путешественников и военных, оказавшихся в их руках. Или держали их в рабстве и продавали за огромный выкуп. В общем, летать в эти негостеприимные края было опасно, а особенно лётчикам почтовой авиации, одним из которых и стал Антуан де Сент-Экзюпери. Он завербовался в кампанию «Аэропосталь» («Воздушная почта») и стал совершать регулярные рейсы с почтовым грузом в Алжир, а потом и в Дакар через пустыню Сахара.

«...Шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю. Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал: «Пожалуйста... Нарисуй мне барашка!..»

Так начинается волшебная сказка Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький Принц». И вот странность: всякий человек, пусть он даже будет очень взрослым и забывшим про своё детство, тем не менее воспринимает эту сказку всерьёз,

только, как замечено, бывает очень грустен. Не потому, что сказка кончается печально: Маленький Принц умирает, ведь его смерть означает только исчезновение его с нашей планеты Земля и возвращение на свою планету, нет, дело в другом — герой сказки не нашёл на планете Земля самого главного: на ней не росла Роза, хотя Маленький Принц во время своих блужданий по Земле встретил плантацию из пяти тысяч роз, а вот своей Розы не нашёл, то есть не нашёл любви. Маленький Принц, прибыв на Землю со своей маленькой планеты, обошёл её всю и поразился: какая пустынная это была планета! На ней были безлюдные горы, огромные пустыни, необозримые просторы океана, но не было людей, так как в представлении Посланца Звёзд люди — это те, кто тебе дорог, кто тебя понимает и кого ты понимаешь и любишь, кого ты приручил... и за кого несёшь ответственность, потому как сам стал как бы частью его. А Принц встречал в своих скитаниях разные личности — математика, географа, короля, даже пьяницу — но всё это были глухие люди, которые видели в этом мире только себя и только своё занятие признавали самым важным делом на свете. Им было не до Розы, то есть не до постижения красоты и сердечности, которой так мало в этом пустынном мире. «Маленький Принц» — грустная сказка, но необыкновенно добрая, ведь она написана большим 42-летним ребёнком, который завтра после написания этой истории отправлялся на войну.

«Это было на фронте под Мадридом, я побывал там как журналист. В тот вечер я обедал в бомбоубежище с одним молодым капитаном. Мы беседовали, и вдруг зазвонил телефон. Разговор идёт долгий, с командного пункта передают приказ о наступлении на небольшом участке — о бессмысленном, отчаянном броске ради того, чтобы в этом рабочем предместье отбить несколько домов, обращённых противником в крепости. Пожав плечами, капитан возвращается к нам. «Кто ползет туда первым...» — и, не докончив, придвигает по рюмке коньяка мне и сидящему за столом сержанту.

— Мы с тобой пойдём первыми, — говорит он сержанту. — Пей и ложись спать...

Солдаты, что сидят со мною, должно быть, не вернутся, но целомудренно молчат об этом. Такие атаки — дело обычное. Для них черпают и черпают из людских запасов. Так черпают зерно в житнице. Бросают горсть за горстью, засевая землю».

Так начиналась для Экзюпери война ещё в 1938 году, когда шли бои с франкистами в Мадриде — с первым эшелоном наступающего фашизма. Тогда он был не участником боёв, а

только журналистом, посланным в кипящую гражданской войной Испанию в качестве корреспондента французской газеты «Энтрансижан». Незадолго до того он был вынужден оставить карьеру лётчика, так как потерпел серьёзную катастрофу в Сахаре, когда начал совершать рекордный перелёт Париж—Сайгон в Индокитае, что был тогда французской колонией. Не повезло, он потерял ориентацию в пустыне, слишком снизился и задел песчаный бархан. Они с механиком остались живы, но несколько дней умирали от жажды в раскалённой пустыне. Их спасли арабы-бедуины, но на некоторое время авиация потеряла для Экзюпери свою привлекательность. Он стал журналистом и вот так впервые попал на войну. Начиналась великая борьба с фашизмом, и разве мог рыцарь Антуан остаться в стороне от неё? Когда читаешь записки Экзюпери о войне, то невольно видишь их похожесть с записками такого же военного корреспондента, только советского, Константина Симонова. Там одинаковое отношение к человеку на войне — простое и братское одновременно. Люди, которые должны идти в бой, которые осознают, что скоро неизбежно погибнут, не чувствуют себя жертвами или особыми героями — они товарищи по одному большому делу, они «товарищи по оружию» и сражаются за правое дело и потому даже смерть свою представляют «делом обычным», таким же обычным, как посев хлебных зёрен в землю для землепашца, — они бросают в горнило боя свои жизни, в глубине души понимая, что жизнь возродится снова, как росток из зерна. В этой философии нет никакой сложности, это всё очень просто, как бывают просты мысли ребёнка, когда он ждёт, как из крохотного зёрнышка, случайно залетевшего на его планету, появится чудесная Роза. А ведь это и есть жизнь.

Потому, хотя уже и комиссованный в своё время и признанный негодным к военной службе, Антуан де Сент-Экзюпери добровольно отправляется на фронт борьбы с фашизмом, возвращается в военную авиацию в 1939 году, сражается в небе Франции, получает «Военный крест» (а это очень почётная награда), но вскоре оказывается у разбитого корыта — Франция побеждена, часть её территории оккупирована немецко-фашистскими войсками, на остальной территории правит профашистский деятель — маршал Петен, сдавший Францию Гитлеру, имевший свою резиденцию в городке Виши.

Но ничего общего с этим режимом Экзюпери иметь не хотел. Он уезжает в Америку через Португалию и там некоторое время чувствует себя неприкаянным, потерявшим роди-

ну странником. Там, в Нью-Йорке, он и пишет свою чудесную сказку о Маленьком Принце, потерявшем свою планету, как сам Антуан утратил свою родину. Но в 1943 году в ответ на призыв Де Голля он вступает в ряды «сражающейся Франции» и отправляется в Северную Африку. Он уже стар для военного лётчика, ему уже 44 года, а он всё остаётся неисправимым романтиком, большим ребёнком, который так и не нашёл свою Розу. Он ощущает, предчувствует свою скорую гибель, чувствует её неизбежность, но чувствует также и свою несовместимость с этим безрадостным миром. Ведь *«...мир стал пустыней, и все мы жаждем найти в ней товарищей; ради того, чтобы вкусить хлеба среди товарищей, мы и приемлем войну. Но чтобы обрести это тепло, чтобы плечом к плечу устремиться к одной и той же цели, вовсе незачем воевать. Мы обмануты. Война и ненависть ничего не прибавляют к радости общего стремительного движения. Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы — команда одного корабля. Хорошо, когда в споре между различными цивилизациями рождается нечто новое, более совершенное, но чудовищно, когда они пожирают друг друга».*

Эти мысли пожирают его, как война пожирает человеческие жизни. Гибель Антуана де Сент-Экзюпери осталась загадкой для современников и потомков. Обломки его самолёта были найдены на дне Средиземного моря вблизи острова Корсика, там нашли и его браслет с именем Консуэло. Но тело его не было найдено и ничего, что было на нём, тоже. Может быть, он не погиб, а был похищен инопланетянами, ведь недалеко от места, где летал его самолёт, видели летающую тарелку... Может, это его Маленький Принц прилетел со своей планеты и забрал своего друга к себе?.. И Антуан ещё вернётся к нам, ведь по «теории относительности» время в иных мирах течёт по-иному, нежели на Земле...

Последний романтик XX века как жил, так и ушёл от нас с неразгаданным смыслом своей жизни и смерти на маленькой планете Земля.